

2019 Калужское Наследие № 2(6)

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель
Министерство культуры
Калужской области

Автор идеи
А. Д. Артамонов

Главный редактор
Д. В. Кузнецов

Редакционная коллегия;

Н. А. Абакумова
В. А. Бессонов
М. Ю. Бирюкова
М. А. Добычина
О. А. Калугин
Е. В. Князев
Н. В. Марченко
П. А. Суслов
М. А. Улыбышева
Е. Е. Чудаков

Адрес редакции:
248000, г. Калуга, ул. Пушкина, 14
Тел. +7(4842)72-16-18
E-mail: nasledie40@mail.ru

В номере использованы фотографии из фондов Калужского музея изобразительных искусств, Козельского музейно-краеведческого комплекса «Дом Цыплаковых», ГМИК им. К.Э. Циолковского, Свято-Георгиевского Мещовского мужского монастыря, А. Ларина, С. Денисова, А. Никитина, А. Забродского, И Малеева

Журнал подготовлен в издательстве «СерНа»
Тел. +7(910)914-95-30
Макет, компьютерная вёрстка С. И. Захаров
Корректор Н. Г. Любомудрова

Подписано в печать 09.08.2019
Тираж 999 экз.

Отпечатано в типографии «Наша Полиграфия»
г. Калуга, ул. Грабцевское шоссе, 126
Лиц. ПЛД № 42-29 от 23.12.99
Тел. +7(4842)77-00-75

На обложке: Памятник А. С. Пушкину в Калуге работы скульптора В. Н. Домогацкого (отливку выполнил Г. Клименко), расположенный по адресу ул. Баженова, 1 у Каменного моста в сквере Пушкина. Памятник установлен к 150-летию поэта в 1949 году. Сквер, носящий имя А. С. Пушкина, был разбит по проекту архитектора В. П. Федорова и обустроивался силами работников Управления железной дороги.

ТЕМА НОМЕРА

220-ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

НОВЫЙ РАЗДЕЛ
АРХИВНАЯ ПОЛКА

ДВОРЯНСКИЕ УСАДЬБЫ
**СЕЛО БЕРЕЗИЧИ — УСАДЬБА КНЯЗЕЙ
ОБОЛЕНСКИХ**

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

Пушкинское время Дмитрия Белюкина <i>Интервью с народным художником России Д. А. Белюкиным</i>	4
---	---

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

<i>И. М. Ободовская, М. А. Дементьев, М. И. Юркина</i> Пушкин в Никулине	12
<i>Галина Роянова</i> Василий Львович Пушкин в Калужском крае	14

К 650-ЛЕТИЮ КАЛУГИ

<i>Виталий Бессонов</i> На «Угре реке, иже близ Колуги»	18
--	----

ЖЕМЧУЖИНА ГУБЕРНИИ

<i>Наталья Ивашко</i> Монумент 1812 г. в селе Тарутине	22
---	----

ГОСУДАРЕВЫ ЛЮДИ

Князь Никита Яковлевич Львов	29
--	----

КАЛУЖСКИЙ ВЕСТНИК РВИО

Вечная память защитникам Отечества!	30
---	----

ДВОРЯНСКИЕ УСАДЬБЫ

<i>Дмитрий Кузнецов</i> «Я не мыслю себя без России!..» <i>Интервью с князем А. Н. Оболенским</i>	32
---	----

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Олег Прошкин</i> «Чёртово Городище» — старые легенды и научные реалии	40
---	----

ГЕРАЛЬДИКА

Слава и доблесть Козельска!	50
---------------------------------------	----

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ЭТЮДЫ

<i>Сергей Денисов</i> «Стучали колёса, мелькали огни...» <i>Рассказ-хроника</i>	52
--	----

ЗНАМЕНИТЫЕ КАЛУЖАНЕ

<i>Майя Добычина</i> Дмитрий Иванович Малинин — учёный, историк, краевед	60
---	----

АРХИВНАЯ ПОЛКА

<i>Алексей Зябкин</i> Иван Герасимов, по прозвищу Короткий, крестьянин Козельского уезда Калужской губернии — участник обороны Севастополя в Крымской войне 1855–1856 годов <i>По материалам Государственного архива Калужской области</i>	64
---	----

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

<i>Марина Зверева</i> Гравюры из Аргентины	72
<i>Ольга Пелисова</i> Портреты рода Кашкиных из усадьбы с. Нижние Прыски	80

К 100-летию музейного дела в Козельске	82
--	----

КАЛУГА КОСМИЧЕСКАЯ

<i>Антон Мясников</i> Сын России — гражданин мира	87
--	----

ФОТОАЛЬБОМ

Дом великомученика Победоносца Георгия в России, или Мещовская Георгия	96
--	----

Уважаемые читатели!

В насыщенной и многообразной культурной жизни Калужского края есть события, которые смело можно назвать событиями российского масштаба, поскольку значение их выходит далеко за пределы нашего региона. Прежде всего, это — традиционный Пушкинский праздник, проводящийся в Полотняном Заводе в первые июньские дни. В этом году этот праздник особенный. 6 июня 2019 года мы отмечаем 220-летие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. В мае в Музее-усадьбе «Полотняный Завод» открылась выставка картин народного художника России Дмитрия Белюкина, посвящённая жизни и творчеству великого поэта России. В специальном интервью, данном нашему журналу, художник рассказывает о том, как он открыл для себя пушкинскую поэзию, о неразрывной связи живописи с литературой и музыкой, о своих поездках по пушкинским местам России, о встречах с легендарным создателем и хранителем музея-заповедника «Михайловское» Семёном Степановичем Гейченко.

А. С. Пушкин жизненно связан с Калужской землёй, в сущности, Калужский край наполнен пушкинскими местами. В этом номере мы расскажем о том, как Александр Сергеевич сделал попытку стать калужским помещиком и приобрести имение в Мещовском уезде. На страницах журнала публикуется и рассказ об имении дяди поэта В. Л. Пушкина в селе Березичи, под Козельском, впоследствии принадлежавшим князьям Оболенским. О своих славных предках и о собственной очень непростой жизни расскажет последний прямой потомок хозяев усадьбы Алексей Николаевич Оболенский. И ещё одно место на Калужской земле связано с пушкинским именем — село Тарутино, где установлен величественный памятник в честь победы над войсками Наполеона. А. С. Пушкин, «бежавший» в августе 1834 г. из Санкт-Петербурга с открытия Александровской колонны, специально заехал в Тарутино по пути в Полотняный Завод, став одним из первых представителей русской культуры, побывавших у монумента.

Целый ряд материалов журнала связан с историей города Козельска, десять лет назад получившего почётное звание Город Воинской Славы. Раздел «Пространство культуры» содержит статью, посвящённую 100-летию создания Козельского краеведческого музея. А в разделе «Археология» мы расскажем о расположенном недалеко от Козельска знаменитом «Чёртовом Городище». О козельчанине, участнике Крымской войны, идёт речь в новой рубрике — «Архивная полка». В этом разделе будут размещаться редкие, неизвестные широкой публике, исторические материалы, раритетные документы, письма, дневники и мемуарные свидетельства.

В истории XX века Калуга неразрывно связана с космосом. В разделе «Калуга космическая» вашему вниманию предлагается очерк о посещении 13 июня 1961 г. нашего города первым космонавтом планеты Юрием Алексеевичем Гагариным.

Завершающий раздел «Фотоальбом» посвящён Свято-Георгиевскому мужскому монастырю в Мещовске, прошлому и настоящему этой древней обители неразрывно связанной с именами известнейших фамилий, среди которых особое место занимают Стрешневы и Лопухины — ставшие через царских жён родственниками Романовых.

Эти и другие материалы вы найдёте на страницах нового выпуска журнала «Калужское наследие». Приятного чтения!

П. А. Суслов,
министр культуры Калужской области

ТЕМА НОМЕРА

ПУШКИНСКОЕ ВРЕМЯ ДМИТРИЯ БЕЛЮКИНА

Интервью с народным художником России
Д. А. Белюкиным

Есть произведения — в разных сферах искусства, которые, встретив однажды, запоминаешь на всю жизнь. Те, кто видел в экспозиции Центрального музея Вооружённых сил огромное полотно «Белая Россия. Исход», вряд ли уже забудут пронзительное, щемящее ощущение сопричастности отбывающим в эмиграцию русским людям всех сословий и возрастов, собранным на палубе последнего парохода. Автор этой картины — Дмитрий Анатольевич Белюкин — ныне один из самых известных художников

России. Бескомпромиссный сторонник реализма в живописи, он в то же время остаётся неисправимым романтиком. Сочетание в творчестве Дмитрия Анатольевича двух, едва ли не взаимоисключающих, направлений искусства подарило нам удивительный мир его картин — мир, так созвучный миру пушкинской поэзии.

15 мая 2019 года, к 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина, в Музее-усадьбе «Полотняный Завод» открылась выставка живописных работ Дмитрия Белюкина. «Приют спокойствия, трудов и вдохновенья...» — строка великого поэта, ставшая её названием, как нельзя точно соответствует тихой музыке, словно бы звучащей в красках, в сюжетах, в самом лирическом тоне представленных пейзажей, натюрмортов, иллюстраций... О последних надо сказать особо. Автор выставки — сын известного художника-иллюстратора А. И. Белюкина — тоже обратился к иллюстративному жанру и в итоге создал более двухсот иллюстраций к роману «Евгений Онегин», уже признанных классическими. Значительное их число представлено на выставке. На глазах у посетителей герои романа буквально оживают, настолько ярко и точно в деталях отображены всеми любимые онегинские эпизоды. С чутким, пристальным вниманием подошёл художник к разработке образов Татьяны и Евгения: мы видим их в разное время дня, в разные времена года, в различной обстановке — в комнатах, в парке, в поле, в бальной зале среди гостей, — и, самое любопытное, — в разном психологическом состоянии... Возможно, именно так видел своих героев и сам автор бессмертного произведения.

Пушкинская тема доминирует и среди больших, масштабных работ художника. И это не случайно. Но подробнее — о жизни, о Пушкине, о своём пути в искусстве, о взглядах на современную живопись Дмитрий Анатольевич рассказал в интервью, данном специально для «Калужского наследия». Мы едем из Москвы в Полотняный Завод на открытие его персональной выставки, дорога длинная, начинается разговор...

— Ваш отец, Анатолий Иванович Белюкин, — это целая эпоха в отечественной книжной иллюстрации. Его влияние на Вас было значительным?

— Отец умер двадцать лет назад. Он был и моим главным учителем, и моим главным моим товарищем, самым строгим, беспристрастным. Он имел право меня пожуричь и отругать, иногда даже очень жёстко. Когда я уже стал художником, окончил институт, когда выставки персональные пошли, — бывало, мне все рукоплещут, а отец подойдёт, посмотрит и... так скажет, что вся спесь сразу слетит. И я понимал, можно было сделать и лучше.

— Случалось ли спорить с отцом?

— Конечно. Показываю я ему как-то начало работы над «Белой Россией», большой пятиметровый картон. Происходило это в творческих мастерских живописи Академии художеств. Я пригласил отца специально, чтобы послушать его оценку. Так вот он меня разнёс в пух и прах, и разговор проходил на повышенных тонах. Причём отец был очень выдержанный человек. Но иногда в общении со мной он позволял себе говорить жёстко, наверное, для вразумления.

Как будто вновь слышу его голос: «Ты что, думаешь, это будет картина? Вот эта кишка корабля? Вот этот борт, который в длину пять метров? И вот это будет интересно смотреть зрителю? Ты совершенно уже потерял представление о композиции...» А я к тому времени закончил Суриковский институт, у меня триумфальный диплом — картина «Смерть Пушкина», я, вообще-то, два диплома защитил... И вдруг такой разнос!

А. И. Белюкин, отец Дмитрия Белюкина

Д. Белюкин. Белая Россия. Исход

Отец говорит: «Покажи свои натурные портреты!» Я показываю портреты монахов, которые я уже делал в то время и которые во многом стали главными героями этой картины... Он берёт один из них, прямо по центру, на глазок, вешает и говорит: «Ты видишь, что вот теперь картина получается? Вот — передний план! А у тебя...» Я — с обидой: «Ну как же это передний план, если у меня — борт корабля...». Отец: «Да плюнь ты на борт корабля! Сделай, что всё — внутри корабля!»

И вот то, что сейчас находится в нижней части картины: ступеньки, на которых сидит монах, баулы, стрелы, военная амуниция — это придумано

мал отец за пять минут. Потому что он мастер. Кстати, сам отец не писал больших картин. Акварель, гуашь — вот техника его исполнения. Он был книжным иллюстратором, и очень любил это дело. Но какая выучка! И всю жизнь он мне очень помогал.

— Живопись, поэзия, музыка — они, наверное, как параллельные прямые, где-то пересекаются, и в Вашем творчестве тоже есть это пересечение. Не случайно, такое большое место среди Ваших работ занимает пушкинская тема. Когда это началось?

— Вероятно, тут помог случай. Но в жизни ведь ничего случайного не происходит. Всё как-то предопределено. А было так. На 1-м курсе

у нас традиционная практика — портреты, которые вёл Илья Сергеевич Глазунов, — проходила в Эрмитаже, в Петербурге (тогда — Ленинграде), и в Царском Селе. Мы копировали произведения классиков, — естественно, в нашем распоряжении был великий город, великолепные Белые ночи... Я очень люблю Петербург. И, заканчивая учебную работу, я шёл и писал городские пейзажи почти до самого утра...

Жили мы в Царском Селе, там ночевали, гуляли по аллеям старинных парков и невольно уже приближались к Пушкину, дышали его воздухом. И была для нас специальная тема (так сказать, на засыпку) — тема

Д. Белюкин. Гусарские истории

Д. Белюкин. Пушкин в Михайловском

Д. Белюкин. Пушкин в гостях у семейства Осиповых-Вульф в Тригорском

Д. Белюкин. Смерть Пушкина

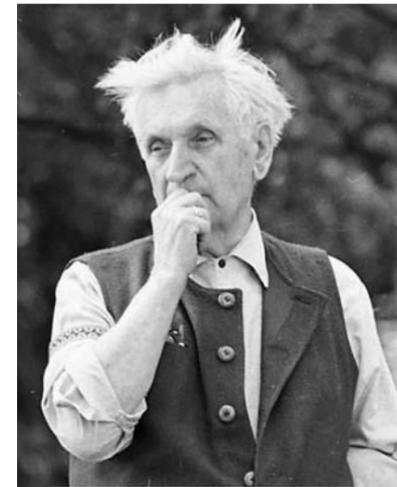
репинской картины «Пушкин в Царском Селе». Естественно, мы, студенты, делали свои копии хуже. Тут же следовала показательная «порка», чтобы мы не зазнавались. Так, впервые обратившись к пушкинской теме, я пришёл в музей-квартиру на Мойке и просто поражён был интерьером, поражён был удивительной атмосферой, библиотекой...

Тогда у меня появился замысел, довольно смелый, написать картину «Смерть Пушкина». По наивности и по студенческой дерзости я думал, что вот в течение 2-го курса эту работу и выполню. Но — не получилось. На 3-м курсе я снова к ней вернулся (и опять приходил в последнюю пушкинскую квартиру, и не раз потом там бывал), но вновь — осечка. Поняв, что тема не поддаётся мне, я решил её брать как дипломную работу и начать такую... длительную осаду.

В музее на Мойке я успел сделать этюды, и он закрылся на капитальный ремонт. Найдётся ли подобная библиотека, кресло такое же? И я вспомнил, что всё это, достаточно похожее, есть в Михайловском, где я уже бывал во время практики. Поехал туда. Работу начинал ранним утром, днём писать было невозможно из-за наплыва посетителей, а к полудню я уходил в те же поля, леса, что когда-то видел и Пушкин. Шёл в соседнее Тригорское. И я перечитывал там «Онегина» постоянно, у меня был маленький томик, — гуляя, я читал «Онегина», иногда даже вслух. «Тоской и рифмами томим, бродя над озером моим, пугаю стадо диких уток. Вняв пенью сладкозвучных строф, они слетают с берегов...», — я примерно также ходил, декламируя стихи. Ходил, ходил, и увлёкся пушкинской темой на всю жизнь! Вот это — судьба.

— А как Вы с Семёном Степановичем Гейченко подружились, знаменитым создателем и смотрителем пушкинского музея-заповедника? Он ведь очень непростой человек был, не каждого к себе подпускал...

— Мне повезло, что он меня как-то принял, выделил из большого числа молодых художников, там ведь постоянно проходили (и сейчас идут) студенческие практики. Гейченко меня пригрел, всё время звал к себе в гости, много рассказывал, делился какими-то соображениями... На самом деле, это огромное везение! Никто из моих сверстников — с аксакалом, с великим стариком и, как его называли, последним помещиком на Руси (он же — добрый домовый Михайловского) — не был настолько близок. И вот, когда он заваривал крепкий чай, — клал на стакан ложку с верхом чая, — когда начинал беседу, то говорил о Пушкине как о своём друге. Да, он говорил о нём, как о живом человеке. Конечно, он мог чуть-чуть прифантазировать в рассказах, но он обладал тем багажом знаний, который позволяли ему и фантазировать.

С. С. Гейченко, директор Государственного Пушкинского музея-заповедника в селе Михайловском

И когда я, боясь, робея, — я чуть-чуть побаивался этого сурового старика, — пришёл к нему с вопросом: «Семён Степанович, хочу сделать иллюстрации к «Онегину», но поместить «Онегина» в Михайловское, а Лариных в Тригорское. Потому что, помните же, Пушкин говорил, что в деревенских главах «Онегина» я изобразил свою жизнь в деревне...». Гейченко в ответ: «Ну что — хорошая мысль!» Я спрашиваю: «Почему ж до меня никто не догадался сделать такой ход? Сколько было прекрасных мастеров, моих предшественников...». А Гейченко со свойственной ему грубоватой прямотой отрезал: «Да потому что они все дураки! А ты возьми и сделай!»

Вот с такого своеобразного благословения начался уже другой этап моей жизни, когда стал работать сразу по двум направлениям: не только над картиной «Смерть Пушкина», но и над огромным иллюстративным пластом, то есть от смерти Пушкина я пришёл к жизни Пушкина. Уже в студенческие годы я сделал эскизы к картинам и «Пушкин в Михайловском», и «Пушкин в Тригорском». В Суриковском институте я иллюстрациями к «Евгению Онегину» защитил свой второй диплом — по графике. Значительно позже, в 2002 году, отдельным томом вышло издание «Онегина» с моими иллюстрациями. Всего их с различными вариантами было сделано более двухсот, в книгу вошли сто восемьдесят три работы.

— Ваши иллюстрации настолько соответствуют пушкинскому тексту,

Иллюстрация к «Евгению Онегину». Прогулка в Летнем саду

Иллюстрация к «Евгению Онегину». Татьяна

Иллюстрация к «Евгению Онегину». Ольга

Иллюстрация к «Евгению Онегину». Утро Татьяны

Иллюстрация к «Евгению Онегину». Ленский

Иллюстрация к «Евгению Онегину». Онегин на балу

Иллюстрация к «Евгению Онегину». Татьяна в комнате

что сейчас уже трудно представить роман, проиллюстрированным иначе. Между тем, Ваша иллюстративная подача романа резко отличается от работ других художников. Как Вы это объясните?

— С лёгкой руки известного иллюстратора Николая Васильевича Кузьмина у нас появился некий художественный жанр «под Пушкина». Многие художники в этом жанре вполне преуспевали. Но мне хотелось сделать эту работу принципиально по-другому. Я сейчас попробую вспомнить тех, кто брался за иллюстрирование «Онегина». Есть великолепная иллюстрация (одна она, по-моему, существует) Константина Коровина «Сон Татьяны». Есть иллюстрации Ильи Ефимовича Репина, но крайне слабые. И он был жесточайшим образом раскритикован Александром Бенуа за эти иллюстрации. Есть очень хорошие гравюры Добужинского. Есть художница Самокиш-Судковская, которая иллюстрировала роман в начале прошлого века.

Над иллюстрациями к «Онегину» начинал работать знаменитый график и книжный иллюстратор Дмитрий Николаевич Кардовский. И он мог бы

Иллюстрация к «Евгению Онегину». Онегин

сделать очень достойный иллюстративный ряд, если бы изначально не пошёл по неверному пути. Я очень люблю проиллюстрированное Кардовским «Горе от ума» Грибоедова. Но Дмитрий Николаевич и «Онегина» стал делать по костюмам, по моде того же «Горе от ума», по типу того, как одевался Чацкий, то есть по моде

послевоенной Москвы 1913–1915 годов. А время-то уже изменилось, изменились моды. У Кардовского просто не хватило терпения подробнее изучить костюмы той эпохи. Вспомните строчку из 1-й главы романа «Как денди лондонский одет», — тут ведь Пушкин даёт подсказку. Как мог одеваться Онегин, какой на нём был

Иллюстрация к «Евгению Онегину». Онегин и Татьяна

фрак? Если, он одевался, как денди лондонский, то это — короткий фрак, так как у французского денди — фрак более длинный. Лондонский денди имел короткую стрижку, и у него никогда не мог быть взбит кок, как это рисовал Кардовский. Тут уже не денди получился, а стареющий ловелас из другой эпохи, но ни в коем случае не молодой, современный Онегину человек...

К слову, читая исследования Юрия Лотмана, я понял, что герои Пушкина — люди очень молодые, что Онегину чуть больше двадцати, и вся его «усталость от жизни» — это напускное, что Ленскому ещё нет восемнадцати, и потому его не могут повенчать с Ольгой — Ольге ещё пятнадцати нет.

Иллюстраторов романа было много. Константин Рудаков, живший в первой половине XX века, иллюстрировал «Онегина» нежными акварельными рисунками... Я перечислил практически всех своих коллег, к которым отношусь с большим уважением. Но у меня в основу иллюстрирования был заложен совершенно иной принцип.

Есть великолепные слова Белинского о том, что «Евгений Онегин» — это энциклопедия русской жизни

Д. Белюкин. А. С. Пушкин

первой четверти XIX века. Но с энциклопедической точностью иллюстрировать роман никто не брался. Я же поставил перед собой именно такую задачу.

Художник, принимаясь за работу такого масштаба, иллюстрируя «энциклопедию русской жизни» может ведь изучить быт того времени, сопоставить гравюры той эпохи с современными видами Петербурга и Мо-

сквы, покопаться в архивах, найти, как выглядело то или иное здание... Ну, если это художнику в радость. А мне это в радость, я дотошен в изображении исторического костюма, в изображении интерьера, в изображении пейзажа — городского, сельского... Энциклопедическая точность иллюстраций должна стать фоном для гениального пушкинского текста.

И я для того давнего издания «Онегина» по настоянию отца выбрал уменьшенный формат. Правда, сначала я чуть-чуть поупирался, мне хотелось, чтобы иллюстрации были большими, и, соответственно, книга была бы большой. Но отец сказал: «Нет. Кому надо, те и в миниатюре разглядят что-то хорошее». Но вот сейчас есть мысль всё-таки переиздать книгу в большом формате, чтобы была видна детализация иллюстраций.

— Вы бывали, — где-то чаще, где-то реже, — наверное, во всех знаменитых пушкинских местах России. В Полотняный Завод тоже однажды приезжали. Расскажите, пожалуйста, об этом.

— Была осень 2016-го, то есть три года назад уже. Не повезло с погодой. Я приехал в хмурый, дождливый день.

Д. Белюкин. Петербург 1819 года

Мне очень понравилась сама усадьба, возрождённый дом Гончаровых. И было жаль разрушенного храма, жаль многих безвозвратно утраченных построек. Общая беда, наверное, что к большинству уцелевших до наших дней дворянских усадеб вплотную подступают жилые дома. Вот пушкинская усадьба Болдино, например, оказалась практически в центре города.

Но слава Богу, что всюду, и у вас тоже, есть энтузиасты, есть подвижники. На таких людях и стоит, во многом, музейная работа. Вот пушкинская усадьба Болдино, например, оказалась практически в центре города. Но слава Богу, что всюду, и у вас тоже, есть энтузиасты, есть подвижники. На таких людях и стоит, во многом, музейная работа. Вот Михайловском, после великого старика Гейченко, тоже есть группа подвижников, которые продолжают дело жизни Семёна Степановича. Есть такие люди и у вас, на Калужской земле. Я знаю эту категорию музейных работников, любящих своё место, свою усадьбу... Вот для вас, калужан, Полотняный Завод — ваша усадьба, ваш дом, и это правильно. А когда люди беззаветно любят своё место, не может не быть развития. Я сейчас очень жду новой встречи с Полотняным Заводом, чтобы сравнить прежние и новые впечатления.

Мы подъехали к дому Гончаровых солнечным полднем. И первое, что бросилось в глаза — новый, только что отстроенный Преображенский храм. Дмитрий Анатольевич радостно улыбнулся, — три года назад этой красоты ещё не было. «Вообще, сильные изменения везде, — отметил художник, — они, конечно, не три года идут, всё началось намного раньше. Но даже за то время, что я здесь не был, — многое буквально на глазах поменялось в лучшую сторону. Мне очень приятно видеть эту знаменитую усадьбу преображённой, ухоженной, привлекательной. Хочется взять этюдник и поработать. Надеюсь, что я выберусь сюда в обозримом будущем именно для работы».

А потом было открытие выставки и долгое общение Дмитрия Анатольевича со школьниками, с учащимися детской Школы искусств, была прогулка по усадьбе. Уже ближе к вечеру, перед отъездом в Москву, художник вновь выразил желание вернуться сюда, в «приют спокойствия, трудов и вдохновенья...», в место, так любимое великим поэтом, хранящее чудесным образом память о нём, о его эпохе. ❏

Беседу вёл Дмитрий Кузнецов

Открытие персональной выставки картин народного художника России Д. Белюкина в музее-заповеднике «Полотняный Завод» (дом Гончаровых). 15 мая 2019 г.

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

ПУШКИН В НИКУЛИНЕ

И. М. Ободовская, М. А. Дементьев, М. И. Юркина

8 октября 1834 г. Пушкин выдал в Москве Сергею Гавриловичу Квасникову доверенность на покупку для него имения Гончаровых в Медынском уезде Калужской области, состоявшего из трёх деревень: Никулина, Сицевицына и Образцова. С. Г. Квасников одно время был управляющим у Гончаровых. В книге «Приход-расход денег за 1834 год» обнаружены следующие записи: «Октября 7-го — Гербовой бумаги куплено лист для Александра Сергеевича Пушкина на доверенность — 3 р. 75 к.».

«Заплачено за расписания в гражданской Палате доверенности — 5 р. 70 к. Имение это продавалось с торгов за неплатёж долга Калужскому приказу общественного призрения. Пушкин в это время печатал «Историю Пугачёва» и рассчитывал получить от издания крупную сумму. Можно предположить, что он соглашался внести определённую часть стоимости этих деревень, а остальная сумма шла в покрытие долга Гончаровых Пушкину (пресловутых 11 тысяч) и в приданое Наталье Николаевне.

Как известно, мечта о покупке имения сопровождала Пушкина несколько лет. В 1831 г. он хотел купить Савкино возле Михайловского; просил об отставке летом 1834 г., вызвав «неудовольствие» царя. 14 июля 1834 г. писал Наталья Николаевна на Полотняный Завод: «Я сплю и вижу, чтоб к тебе приехать, да кабы мог остаться в одной из ваших деревень под Москвою, так бы Богу свечку поставил; рад бы в рай, да грехи не пускают...». 1 июня 1835 г., обращаясь к Бенкендорфу, писал: «...Три или четыре года уединённой жизни в деревне снова дадут мне возможность по возвращении в Петербург возобновить занятия...». Однако просьба Пушкина и на этот раз удовлетворена не была.

Хотя покупка Никулина, Сицевицына и Образцова не состоялась, всё же, мы полагаем, можно считать, что Пушкин (и, вероятно, с Натальей Николаевной) был в этих деревнях во время своего пребывания в Полотняном Заводе в 1834 г. Трудно себе представить, чтобы он дал распоряжение о покупке, не видев имения.

Эти деревни были расположены в том же Медынском уезде, затем Медынском районе, примерно, в 25 км на северо-запад от Медыни. Теперь Никулино находится на территории Шанскозаводского сельсовета Истринского района. Сицевицыно, теперь Косицкое, — Гусевского, между этими деревнями протекает живописная река Шаня. Деревня Образцово теперь не существует. Она была расположена недалеко от Шанского Завода (в сторону деревни Передел, т.е. рядом с Никулиным).

Скупые сведения о Никулине, Косицком (Сицевицыне) и Образцове можно найти в списках населённых мест бывшей Калужской губернии. Справочник 1863 г. сообщает, что Никулино — владельческое сельцо при реке Шане, имеет 35 дворов, 167 жителей мужского пола, 170 — женского. О второй из этих деревень

в справочнике сказано: Сицевицыно (Косицкое) — деревня владельческая при реке Шане, число дворов 10, жителей мужского пола — 35, женского — 49. Об Образцове — деревня владельческая при речке Калинке, число дворов — 15, жителей мужского пола — 45, женского — 64.

В справочнике 1903 г. Никулино названо деревней, для второй деревни как основное дано современное название Косицкое, название Сицевицыно дано в скобках. Название Сицевицыно и его варианты теперь забыты. Но ещё во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., как помнят никулинские старожилы, военные пользовались картами, на которых деревня Косицкое была обозначена под именем Сицевицыно.

Рядом с Никулином и Косицким на берегу Шани была деревня Гончаровка, теперь не существующая.

В книге «Архив опеки Пушкина» (Летописи Государственного литературного музея, кн. 5. Издание ГЛМ, М., 1939) на стр. 312 опубликована продажная запись в связи с покупкой опекой у сонаследников Михайловского для детей Пушкина. В этой записи указано, что часть крепостных Михайловского переходит во владение сонаследников и вывозится из Михайловского в другие их поместья. В частности, для Натальи Николаевны Пушкиной выделен Иван Калашников. Об этом в продажной записи так указано: «...а для меня, Натальи Пушкиной, отпущенного на волю Ивана Калашникова, которого для платежа за него податей и повинностей обязуюсь перечислить к собственному своему населённому недвижимому имению, состоящему Калужской губернии Медынского уезда в село Никулино...».

Такая запись даёт основание предположить, что Н. Н. Пушкина после смерти поэта владела какое-то время помещьем Никулином. Однако, может быть, это только черновик документа, который не был утверждён и не имел юридической силы. <... >

Какие подмосковные деревни Гончаровых имел в виду Пушкин в цитированном выше письме Наталье Николаевне? Никулино находится примерно в 45 км от подмосковного города Вереи и может быть названо подмосковной деревней. Судя по карте Московской области, изданной в 1972 г. в масштабе 1:600 000, Никулино расположено по прямой на несколько километров ближе к Москве, чем зарайская усадьба Гончаровых Ильицыно. От Москвы до Никулина и Ильицына

Деревня Никулино

по прямой меньше 150 км.; до Яркольица меньше 120 км., но там жила Наталья Ивановна (мать Н. Н. Гончаровой. — Ред.) и, хотя отношения с ней у Пушкина улучшились, едва ли он мог туда стремиться. <... >

В Никулине от прошлого сохранились только остатки парка. Усадебные постройки едва ли могли быть в хорошем состоянии ещё при последнем владельце Ртищеве, который окончил свою жизнь трагикомически: застрелился в трактире, хорошо там пообедав. Так рассказывают местные жители.

В печати не раз поднимался вопрос о необходимости охраны старых парков, независимо от имён их бывших владельцев. Тем большей заботы требует старый парк,

владельцем которого, по всей вероятности, хотел стать сам Пушкин! Уместно вспомнить, приведённую С. С. Гейченко (книга «У Лукоморья. Рассказывает хранитель Пушкинского заповедника». Л., Лениздат, 1977) выписку Пушкина из Бэкона: «Достойна уважения вещь видеть древний замок либо постройку не в упадке, или видеть прекрасное дерево крепким и целым». И далее Гейченко пишет, что пушкинские памятники — это не только личное жильё поэта и предметы, в нём содержащиеся, но это и дома, и усадьбы, сады, парки, рощи...

Если ехать в Никулино через Косицкое, то по выезде открываются широкие лесные дали за Шаней. Пушкин мог видеть эту панораму. ■

Пушкин и Натали в Полотняном. Худ. В. Г. Духанов. 1995 г.

Окрестности деревни Никулино

ВАСИЛИЙ ЛЬВОВИЧ ПУШКИН В КАЛУЖСКОМ КРАЕ

Галина Роянова,

хранитель фондов КОМЗ, заслуженный работник культуры РФ

Поэтов грешный лик
Умножил я собою.
И я главой поник
Пред милою мечтою:
Мой дядюшка — поэт
На то мне дал совет
И с музами сосватал.

Эти строки А. С. Пушкин посвятил ближайшему родственнику, родному дяде по отцовской линии, Василию Львовичу Пушкину. В своём творчестве племянник не раз обращался к «дядюшке», который дал ему первые уроки «стихосложения» и внимательно следил за становлением будущего поэта.

Тебе, о Нестор Арзамаса,
В боях воспитанный поэт,
Опасный для певцов сосед
На страшной высоте Парнаса,
Защитник вкуса, грозный Вот!
Тебе, мой дядя, в новый год
Веселья прежнего желанье
И слабый сердца перевод —
В стихах и прозою посланье...

Василий Львович Пушкин — поэт и библиофил, театрал, остроумный собеседник и талантливый декламатор, известный баснописец и творец «Опасного соседа» — поэмы, появление которой в 1810 г. стало сенсацией.

Наш интерес к Василию Львовичу определён и его родственной связью с Великим поэтом — Александром Сергеевичем Пушкиным, и фактом неоднократного пребывания его на Калужской земле.

Имя Василия Львовича Пушкина Калужском краеведении встречается нечасто. «Березичским именем князя Оболенского, — писал В. Н. Сорокин в книге по истории Козельска и Козельского края, — одно время владел и там работал поэт-баснописец Василий Львович Пушкин... до 1816 г. часто бывал в имении, отсюда писал письма Вяземскому и другим писателям». И всё. В 1991 г. мы предприняли попытку расшифровать эту фразу с помощью документов ЦГАЛИ, Государственного архива Калужской области, таких изданий, как «Друзья Пушкина», М., 1986 г. и других. Обращения к эпистолярному наследию В. Л. Пушкина, к исследованиям и публикациям доктора филологических наук Н. И. Михайловой, документам фондов Калужского объединённого музея заповедника открыли нам ещё одну интересную страницу связей Пушкиных с Калужским краем.

Село Березичи, что в Козельском уезде, сейчас, как и в XVIII веке, располагается на левой стороне реки Жиздры. На высоком холме радует глаз церковь Николая Чудотворца. Вот только нет уже городского деревянного дома и сада, которые упоминались в документах XVIII в. В 1782 г. они принадлежали Анне Васильевне Чичериной. Ей же принадлежала «дача на речке Грязне» с мучной мельницей на двух поставах, выделенные церковные земли».

В Отечественную войну 1812 года среди дворян Козельского уезда, жертвовавших в пользу русской армии продовольствие, была Варвара Васильевна Чичерина, за которой числилось 359 душ.

Генеалогические связи Чичериных и Пушкиных определяются заужеством Ольги Васильевны Чичериной (1737–1802), родной сестры Варвары Васильевны, за Львом Александровичем Пушкиным (1723–1790). От этого брака у Пушкиных родились две дочери: Елизавета (1776–1848), Анна (1769–1824) и два сына Василий (1766–1830) и Сергей (1770–1848). Последний и стал в 1799 году отцом будущего Российского поэта. В своей родословной А. С. Пушкин отмечал, что мало знает отцовскую генеалогическую ветвь. «Отец мой никогда не говорит о странностях деда, а старые слуги давно перемёрли».

Деда по отцовской линии А. С. Пушкин никогда не видел, только слышал о его пылком и жестоком нраве. Лев Александрович умер в 1790 г., задолго до рождения внука. Бабушка поэта, Ольга Васильевна, была восприимчивой с отцовской стороны при крещении внука. В памяти внука и она не оставила большого следа. Ему было три года, когда она скончалась. Несколько строк в «Начале автобиографии» оставил о них Александр Сергеевич: «Вторая жена его, урождённая Чичерина, довольна от него натерпелась. Однажды велел он ей одеться и ехать с ним куда-то в гости. Бабушка была на сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел кучеру остановиться, и она в карете разрешилась — чуть ли не моим отцом».

Старшим сыном в семье Пушкиных был Василий Львович. Он родился 27 апреля 1766 года. Получив прекрасное домашнее образование, полюбил поэзию и чтение.

Благодарю судьбу: я с самых юных лет
Любил изящное и часто от сует,
От шума светского я в тишине скрывался,
Учился и читал, и сердцем наслаждался.

Василий Львович сыграл значительную роль в жизни Александра Сергеевича Пушкина. Он привёл его в лицей,

В. А. Пушкин, дядя поэта. Рисунок Ж. Вивьена. 1823 г.

дал первые уроки стихосложения. Недаром племянник назвал его своим «парнасским отцом». В 1815, 1816, 1817 гг. А. С. Пушкин посвящает ему стихотворения «Христос воскрес, питомец Феба», «Дяде, назвавшему сочинителя братом», «Что восхитительней, живей...».

Счастлив, кто мил и страшен миру,
О ком за пени, за дела
Гремит правдивая хвала:
Кто славил Марка и Темиру
И бранную повесил лиру
Меж верной сабли и седла».

(1817 г. А. С. Пушкин)

Как же связан Василий Львович с Калужским краем? Хорошие родственные отношения сложились между Василием Львовичем и его тётюшкой, так называл он в письмах Варвару Васильевну Чичерину, владелицу Березичского имения. Женщина преклонного возраста, она не оставалась без внимания со стороны родственников сестры (Ольги Васильевны), о чём свидетельствуют письма Василия Львовича Пушкина к Петру Андреевичу Вяземскому. Они дают нам представления о пушкинском окружении. Характеристики, факты, бытовые подробности, сообщаемые Василием Львовичем, позволяют узнать адресата, представить его в повседневной жизни, осознать их взаимоотношения.

В начале июня 1818 г. В. Л. Пушкин в письме выразил желание «отправиться в Козельск к тёте» (1818 г. 8 июня. Москва. Вяземскому). Но сборы были долгими и 21 июня 1818 г., и Василий Львович был ещё в Москве. А 2 августа 1818 г. он пишет Вяземскому уже из Березичей: «Благодарю тебя искренно, мой любезнейший, за приятное

С. А. Пушкин, отец поэта. Неизвестный художник. 1810-е гг.

письмо твоё от 28 июня. Я его получил вчера, здесь, в Козельске, во время Крестного хода, и когда в Козельске купцы и купчихи побежали к реке за образами и хоругвями, я на горе остановился читать письмо твоё. Истинно слов не нахожу, как благодарить тебя за твоё обо мне попечение и дружбу. Да наградит тебя Бог за доброе твоё сердце и за всё, что ты для меня делаешь! Я живу в деревне около месяца и ничего не знаю о приятелях наших. Жуковский, Тургенев, Батюшков, Булгаковы, никто ко мне не пишет. Ты один меня любишь и помнишь обо мне. Я чрезвычайно доволен, что мой Хвостов тебе полюбился. По совету твоему буду писать сказки и совсем не сержусь, что ты меня называешь стариком:

Стар и дряхл я становлюсь
И сквозных чулок боюсь.

Подагрику не до щегольства, и кажется, скоро я вовсе с модою распрощаюсь. Между тем, признаюсь, что и в сединах моих я ещё смотрю на красавицу с удовольствием. Здесь живут две девицы Щербачевы, которых не худо бы сделать молодими. Большая чернوبرова, черноглаза, пленяет собою, а меньшая похожа чрезвычайно на Елизавету Семёновну Обряскову, с тою только разницею, что Щербачевой 19 лет... Верный тебе слуга В. Пушкин».

Через год Варвара Васильевна, которой было уже 76 лет, приехала к Василию Львовичу в Москву. «Она будет жить в моём доме, и я по городу рыскать на некоторое время перестану», — пишет Василий Львович Вяземскому 20 июня. Через месяц он продолжает:

«Тётушка моя ещё здесь и кажется довольна мною; я почти всё сию дома». Как пишет В. Л. Пушкин, она

Надгробие на могиле В.В. Чичериной в некрополе монастыря Оптиная Пустынь

Портрет В.А. Пушкина. Неизвестный художник. 1810-е гг.

пробыла у него более двух месяцев, «отправилась в Козельск и, слава Богу, моим угощением довольна».

Все эти письма свидетельствуют о добром, уважительном отношении племянника с «тётушкой» Варварой Васильевной Чичериной. В 1820 г. В.Л. Пушкин вновь посетил Козельск и Березичи, но на обратном пути, осенью, заехал на три дня в Калугу. «На возвратном пути моём из Козельска, — пишет он Вяземскому, — я пробыл целых три дня в Калуге у Шаховских, и праздновал у них 14 сентября, т.е. день именин княгини Веры Фёдоровны. Мы пили за её здоровье, говорили о тебе и жалели, что вы не с нами. Четвертинские живут в деревне у Кологривовых. Полуектовы теперь в Калуге, но их там долго не было; они уезжали в свою подмосковную...».

Несколько слов о фамилиях, упомянутых В.Л. Пушкиным в письме. Четвертинские и Полуектовы являлись родственниками Вяземских. Надежда Фёдоровна Четвертинская (1791–1883), Любовь Фёдоровна Полуектова (1778–1843) и Вера Фёдоровна Вяземская (1790–1886) — родные сёстры, урождённые княгини Гагарины. Сам же Пётр Андреевич Вяземский (1792–1876) — поэт, журналист, литературный критик — был общим другом и В.Л. Пушкину, и его племяннику — Александру Сергеевичу. К нему шли обращения В.Л. Пушкина и А.С. Пушкина об издании ряда произведений, о домашних делах и особых событиях в жизни Пушкиных. Сохранилось 74 печальных и радостных, полемических и шуточных писем Пушкина — «племянника» к Вяземскому, 108 писем В.Л. Пушкина. Именно ему поручает А.С. Пушкин получить у Василия Львовича 100 рублей, взятых дядею займа в 1811 году. Эти деньги были даны тогда юному Пушкину Варварой Васильевной Чичериной и Анной Львовной Пушкиной на орехи. «Свидетелем

оного займа был известный Игнатий; но и сам Василий Львович по благородству сердца своего, от оно-го не откажется», — писал А.С. Пушкин Вяземскому, 100 рублей канули в Лету. Письмо это написано после смерти В.В. Чичериной. Умерла она 15 апреля 1825 г., и была похоронена в Оптиной Пустыни. Сегодня точно известно, что В.Л. Пушкин был на похоронах Варвары Васильевны, а значит и в Оптиной Пустыни.

«Калужское имение» перешло к Василию Львовичу Пушкину. Мы располагаем прямым свидетельством о владении В.Л. Пушкиным имением в Калужской губернии. Это письмо от 14 февраля 1829 г. к Вяземскому, в котором упоминается «калужское имение», определённое на продажу. Стремясь поправить свои денежные дела и обеспечить детей, он (В.Л. Пушкин) пишет Вяземскому: «Твои советы благие, будь уверен, что я их с любовью принимаю, я всей душой желаю устроить дела мои продажей моего имения, как Нижегородского, так и Калужского. К беде моей, несмотря на то, что я публикую в ведомостях о продаже очень хорошего имения, покупщики не являются, и ени в чём никакой удачи нет. Василий Пушкин».

Всё лето 1829 г. Василий Львович проводит в хлопотах о продаже имения. Тяжело больной Василий Львович скончался 20 августа в начале третьего часа пополудни 1830 г. А.С. Пушкин взял на себя хлопоты по похоронным делам. В.Л. Пушкин был погребён на кладбище Донского монастыря. К этому времени «Калужское имение» уже принадлежало Александру Петровичу Оболенскому, Калужскому Гражданскому губернатору (до 1831 г.).

Для Александра Сергеевича Пушкина со смертью Василия Львовича ушла в прошлое часть его собственной жизни. Александру Пушкину в 1816 г. 17 апреля Василий

Царское село. Худ. А. Иткин. 1965 г.

Львович написал трогательное, полное родственных чувств письмо, в котором предрекал: «Мы от тебя многого ожидаем... Что до тебя касается, мне в любви моей тебя уверять не должно. Ты сын Сергея Львовича и брат мне по Аполлону. Этого довольно. Прости, друг сердечный. Будь здоров, благополучен, люби и не забывай меня. Василий Пушкин».

Самым последним произведением Василия Львовича оказалось послание опять же к А.С. Пушкину.

А.С. Пушкину

Племянник и поэт! Позволь, чтоб дядя твой
На старости в стихах поговорил с тобой.
Хоть модный романтизм подчас я осуждаю,
Но истинный талант люблю и уважаю.
Послание твоё к вельможе есть пример,
Что не забыт тобой затейливый Вольтер.
Ты остроумие и вкус его имеешь
И нравиться во всём читателю умеешь.
Пусть бесится, ворчит московский Лабомель:
Не оставляй свою прелестную свирель!
Пустые критики достоинств не умалят;
Жуковский, Дмитриев тебя и чтут и хвалят;
Крылов и Вяземский в числе твоих друзей;
Пиши и утешай их музою своей,
Наказывай глупцов, не говоря ни слова,
Печатай им назло скорее «Годунова».
Творения твои для них тяжёлый бич,

Нибуром никогда не будет наш москвич,
И автор повести топорная работа
Не может, кажется, проситься в Вальтер Скотты.

Довольно и того, что журналист сухой
В журнале читит себя романтиков главой.
Но полно! Что тебе парнасские пигмеи,
Нелепая их брань, придирки и затеи!
Счастливицу некогда смеяться даже им.
Благодаря судьбу, ты любви и любим.
Венчанный розами ты грации рукою,
Вселенную забыл, к ней прилепясь душою.
Прелестный взор её тебя животворит
И счастье прочное, и радости сулит.
Блаженствуй, но в часы свободы, вдохновенья
Беседуй с музами, пиши стихотворенья,
Словесность русскую, язык обогащай
И вечно с миртами ты лавры ссоединяй.

Василий Пушкин

По завещанию А.С. Пушкин унаследовал от Василия Львовича печать XVIII века, полученную им когда-то от отца Льва Александровича.

Уход Василия Львовича племянник-поэт переживал болезненно. В связи со смертью В.Л. Пушкина была отсрочена женитьба А.С. Пушкина и Н.Н. Гончаровой. Родственные отношения с Гончаровыми вновь привели Пушкиных на Калужскую землю, но уже в имение Гончаровых Полотняный Завод. ■

К 650-ЛЕТИЮ КАЛУГИ

На «Угре реке, иже близ Колуги»

Виталий Бессонов,
кандидат исторических наук

Один из первых исследователей истории Калужского края, учитель Калужской гимназии Григорий Кириллович Зельницкий, в «Историческом обозрении происшествий, случившихся на местах, составляющих ныне Калужскую губернию, с самых древних времён до 1812 года» отмечал, что «из всех древних происшествий, встречающихся по Истории, ни одно столько не прославило наших предков, как происшествие на реке Угре, случившееся в 1480 годе, во времена владения Великого Князя Ивана Васильевича Храброго».

В Софийской второй летописи, созданной в первой половине XVI в., сохранилось упоминание о месте противоборства, на котором русские войны утвердили право на суверенитет Московского государства. «А Татарове, — повествует летопись, — искаху дороги, куды бы тайно перешед, да изгоном ити к Москве, и придоша к Угре реке, иже близ Колуги». Именно Калуга, как крупный и известный населённый пункт Московского княжества, стал топографическим ориентиром места произошедших в 1480 г. на реке Угре эпохальных событий.

В мировой истории XV в. стал временем глобальных перемен. Фактически на глазах одного поколения рушились империи, пережившие не одно столетие, и появлялись новые государства, кардинальным образом менявшие сложившийся до этого мировой порядок. Начавшийся в 1420-х гг. процесс распада Золотой Орды завершился к середине XV в. Образовались Сибирское, Узбекское, Казанское, Крымское, Казахское ханства, Ногайская и Большая Орда, считавшаяся непосредственным преемником Золотой Орды. Именно в борьбе с ханом Большой орды Ахматом великий князь Московский Иван III в 1480 г. одержал в Великом стоянии на реке Угре победу, положившую начало суверенному Московскому государству — предшественнику современной России.

Во время своего княжения Иван III прекратил платить дань, не ездил в орду, не оказывал почтения хану. Хан Большой орды Ахмат пытался действовать против Москвы в союзе с Литвой, но, не получая необходимой помощи, ограничивался приграничными набегами. Так, в июле 1472 г. пытаясь наказать Ивана III «царь Ахмат прииде со многими силами» к реке Оке под городом Алексиним. Встретив у Алексина и Тарусы русские полки, хан не испугался. Он решил переправиться через реку и идти на Москву. Однако этим планам не суждено было осуществиться. Московские войска одержали

победу, дарованную, по словам летописцев, по милосердию Божьему «от нахождения безбожных Агарян». Ахмат в бессильной злобе сжёг героически оборонявшийся Алексин, разорил окрестности и удалился назад, в орду.

В 1480 г. набег был повторён. К походу на Москву Ахмата в определённой степени провоцировал разлад в семье Ивана III, против которого открыто выступили его братья — Андрей и Борис. Кроме того, польско-литовский король Казимир IV обещал хану Большой орды военную поддержку. Ахмат планировал жестоко наказать ослушников и вернуть к повиновению московские земли.

Узнав о планах неприятеля, Иван III начал стягивать войска к берегам р. Оки. В том числе он отправил своего брата Андрея Меньшого в его вотчину — Тарусу, а сына Ивана в Серпухов. Сам великий князь прибыл 23 июня к Коломне, где и остановился в ожидании дальнейшего хода событий.

Ахмат неторопливо двигался к границе Московского государства. Его войска шли через Мценск, Одоев и Любутск к Воротынску. Здесь хан ожидал помощи от Казимира IV, но обещанная подмога так и не подошла. В летописных сводах указывается, что король Казимир IV не смог прислать свои войска хану Ахмату потому, что союзник Ивана III крымский хан Менгли-Гирей «воевал» Подольскую землю и тем самым отвлек силы короля.

Зная, что по берегу реки Оки стоят русские войска, Ахмат решил идти в Литовские земли и напасть на русские территории, переправившись через реку Угру.

Иван III, получив сведения о движении сил Ахмата, направил к Калуге и к берегу реки Угры своего сына великого князя Ивана Ивановича и брата — князя Андрея Васильевича меньшого. Этим манёвром Иван III лишил Ахмата возможности нанести внезапный удар во фланг русских войск и, форсировав Угру, двинуться к Москве. Русские войска на Угре, как и на Оке, заняли пограничную береговую линию, заслонив путь в сердце Московского княжества.

30 сентября Иван III вернулся из Коломны в Москву и устроил совет со своими родственниками, боярами и всеми теми, кто готовился к осаде в городе. Великий князь получил единодушный ответ, «чтобы стоял крепко за православное христьянство противу безсерменству». Тогда же перед лицом внешней угрозы произошло примирение с братьями Андреем и Борисом. Это позволило объединить силы в борьбе с врагом.

3 октября Иван III оставил Москву и направился к городу Кременцу (ныне село Кременское Медынского района), где остался с небольшим отрядом, а остальные войска отправил к берегу реки Угры. Тогда же из Великих Лук к Ивану III на помощь прибыли и войска братьев, Андрея и Бориса.

Согласно Вологодско-Пермской летописи, Ахмат «прииде на Угру октября в 8 день, в неделю, в 1 час дни, приступиша к берегу к Угре». Войска великого князя «сташа крепко противу безбожного царя и начаша стрелы пущати и пищали, и тюфяки на Татар, и бишася 4 дни». В эти дни Ахмат неоднократно пытался прорваться на другой берег Угры, но все его попытки пресекались русскими войсками. «И придоша Татарове, — повествует Никоновская летопись, — начаша стреляти на наших, а наши на них; инии же приидоша противу князя Андрея, а инии противу великого князя мнози, а ови противу воевод

«О цари Ахмате как приходи на Оугру».
Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

ѡцарѣ ахматѣ какъ прихѡди на оугру. Того
лѣта прииде пѣтѣкъ еликом оу князю.
так о до полна царь ахматъ иде пѣ со пѣю
ѡрдою не оцрпичи, ноу ланы и князьми.
ѣще же не королѣмъ до единомъ мѣскази
миромъ. король ѡпопѣде ѣго на елико
князь ахотѣ разорити христіа
нѣстѣо.

Стояние на Угре. Худ. Н. А. Ращектаев

вдруг приступиша. А наши стрелами и пищальми многих побиша, а их стрелы межи наших падаху и никогоже уязвляху; и отбиша их от берегу. И по многи дни приступаху, бьющеяся, и не возмогоша, и стояше, ждущее, егда река станет».

Четырехдневное противоборство с Ахматом, как считают современные исследователи, развернулось на реке Угре в районе Залидовских лугов. Там находился брод, позволяющий татарской коннице стремительно форсировать реку и обрушиться на московские войска. Однако небольшая река с удобным бродом стала для войск Ахмата непреодолимой преградой, потому что на противоположном берегу врага встречали воины, преодолеть сопротивление которых у татар уже не было возможности. Прекрасно подготовленные, способные поражать силы противника на расстоянии, имеющие значительное число орудий полевой артиллерии, московские войска стали той преградой, пробиться через которую Ахмат не мог в течение четырёх дней.

В этих боях на реке Угре была одержана важная победа над татарами. Не случайно в послании к Ивану III архиепископ Ростовский Вассиан писал: «Радуемся и веселимся, слышащее доблести твоя и крепость и твоего сына, Богом данную ему победу, и великое мужество и храбрость и твоей братии государей наших, показавших против безбожных сих Агарян».

После длительного противостояния наступило затишье. Ахмат ещё не терял надежды, что сможет найти слабое место в обороне русских войск. Он отошёл от берега Угры на две версты и распустил «вои по всеи земли Литовской». Но дальновидный стратег Иван III решил затянуть время и сковать маневрирование неприятельских сил. Он вступил в переговоры, послав к Ахмату

боярина Ивана Фёдоровича Товаркова. В ответ Ахмат потребовал к себе самого Ивана III, чего, конечно, быть не могло. Переговоры зашли в тупик. Тогда же стремление великого князя противостоять татарам поддержал в своём послании Ивану III архиепископ Ростовский Вассиан. Эта моральная поддержка не была случайной. По свидетельству Софийской второй летописи, в окружении Ивана III всё громче стали звучать голоса «злых человек сребролюбец, богатых и брюхатых, и предателей хрестьяньских, а нарвников бесерменьских», которые призывали не вступать в борьбу с татарами. Но Иван III остался глух к этим призывам людей осмотрительных, но не дальновидных. Он, по словам Вологодско-Пермской летописи, нашёл поддержку в лице своей матери великой княгини Марфы, митрополита Геронтия, архиепископа Ростовского Вассиана, владыки Прохора, всех архиепископов, владык и затворников, которые напомнили великому князю «евангельское слово глаголющее: «Подобает ти, государю, положить душу свою за люди своя».

Во время наступившего после октябрьских боёв затишья противоборствующие войска продолжали стоять по разным берегам реки Угры, не вступая в серьёзные столкновения. Ахмат угрожал Ивану III тем, что скоро наступят морозы и много появится дорог к Москве, по которым устремятся татары и некому будет их остановить. Все ожидали развязки Великого стояния, опасаясь осуществления угроз Ахмата.

Вскоре река начала замерзать. Софийская вторая летопись сообщает, что «с Дмитриева же дни стала зима и реки все стали, и мрази велики, яко не мощи зрети». Дмитриев день — это день памяти святого Дмитрия Солюнского, который приходится на 26 октября. К этому

моменту Иван III принимает решение сконцентрировать все силы под своим руководством для прикрытия московского направления и подготовки решающего сражения. Великий князь отдал приказ о движении всех войск к Кременцу, а затем, собрав в «один кулак», свои силы он перешёл в хорошо укрепленный и выгодно расположенный Боровск. Но Ахмат не решился преследовать русских и, как свидетельствуют летописцы, объятый страхом от Угры «побежа прочь ноября 11».

Таким образом, дата 11 ноября 1480 г., которая была зафиксирована практически во всех летописных сводах, является олицетворением победы войск великого князя Ивана III над силами Ахмата. С этой даты начинается отчёт дней существования независимого Русского государства. Проявленная Иваном III воля к освобождению от вассальной зависимости, которая нашла поддержку среди представителей народа и духовенства, привела к рождению на берегу реки Угры суверенного Московского государства.

Именно с этого момента, когда русская земля обрела свою независимость, появляется в летописании наставление к храбрым, мужественным сынам Русским: «Потщитесь сохранить своё отечество, Русьскую землю, от поганых; не пощадите своих голов, да не узрят очи ваши пленения, и грабления святым церквем и домам вашим, и убийства чад ваших, и поругания жёнам и дщерем вашим».

С другой стороны, предпринятый в 1480 г. поход ордынцев на Русь закончился полным провалом. Ахмату не хватило сил и энергии не только разорить московские земли, но даже противостоять войскам Ивана III. Потомки грозного Батыя оказались бессильны перед объединившимися вокруг Москвы русскими силами. Великое стояние на реке Угре положило конец татаро-монгольскому игу и стало прологом гибели Большой орды. Её дни были уже сочтены. В 1481 г. хан Ахмат был убит, а в 1502 г. Большая орда пала под ударами крымских и тюменских татар.

Спустя полвека, когда последствия противоборства на Угре близ Калуги проявились ещё более рельефно, создатель Казанского летописца писал: «И тогда великая наша Русская земля освободилась от ярма и гнёта басурманского и начала обновляться, подобно тому, как зима переходит в тихую весну. И обрела она снова прежнее своё величие и благочестие и богатство, как и при первом Великом Князе Владимире Преславном. Дай же ей, Премудрый Царь Христос, расти, как младенцу, и прославляться, и расширяться, чтобы повсюду пребывали в ней мужи совершенные, и так — до славного Твоего Второго Пришествия и до скончания века сего. И воссиял ныне стольный и прославленный город Москва, словно второй Киев, не посрамлюсь же и не провинюсь, если скажу, как Третий Новый Великий Рим».

ЖЕМЧУЖИНА ГУБЕРНИИ

МОНУМЕНТ 1812 Г. В СЕЛЕ ТАРУТИНЕ

Наталья Ивашко,
директор военно-исторического музея «Тарутино»

Одним из первых в память о победе в Отечественной войне 1812 г. был воздвигнут на «полях славы российской армии» памятник в селе Тарутине Калужской губернии. Здесь в октябре 1812 г. в укрепленном лагере накапливала силы русская армия, а 18 октября — в первом своём наступательном сражении — одержала победу над войсками французского маршала Мюрата.

С конца XVII в. село Тарутино принадлежало роду Нарышкиных. Последним владельцем из этого рода был гофмейстер Александр Александрович, после кончины которого село унаследовала его жена Анна Никитична Нарышкина. Она завещала село своему племяннику — сыну её знаменитого брата фельдмаршала Петра Румянцева-Задунайского — государственному канцлеру Николаю Петровичу Румянцеву. После смерти Николая Петровича в 1826 г. его имения, в т.ч. и Тарутино, наследует младший брат, действительный тайный советник Сергей Петрович Румянцев.

Граф Румянцев, «понимая достопримечательность полученного им тарутинского владения», принял решение освободить крестьян от крепостной зависимости, посчитав, что

им «приличнее находится в ведении правительства, нежели во владении частного лица».

В конце 1828 г., после получения «высочайшего соизволения», 745 душ крестьян и дворовых села Тарутина, близлежащих деревень Гранищева, Агафьина, Дубровки, Жукова и Чёрикова были уволены С.П. Румянцевым в «свободные хлебопашцы» и переданы в государственное ведомство. В пользование крестьяне получили от графа землю и другие угодья в этих местах, которые разделили между собой. За это они обязались платить в течение 21 года остаток долга Сергея Петровича (после выплат им в 1827 и 1828 гг.) в Санкт-Петербургский опекунский совет (сумма всего долга Румянцева составляла 60 тысяч рублей ассигнациями).

Поскольку свободу крестьяне получили в честь событий 1812 г., происходивших на тарутинской земле, то «из благодарности к оказанной им милости изъявили графу Сергею

Петровичу усердное желание воздвигнуть на собственном их иждивении особый в Тарутине памятник в ознаменование славы российского воинства и блистательных подвигов, оказанных им под предводительством знаменитого вождя генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского». На строительство памятника по проекту, представленному С.П. Румянцевым, крестьяне в 1829 г. собрали 44 тысячи рублей ассигнациями за три срока: первый взнос в 25 000 руб. в апреле, второй — 5 000 руб. в июне, в первых числах ноября — 14 000 рублей.

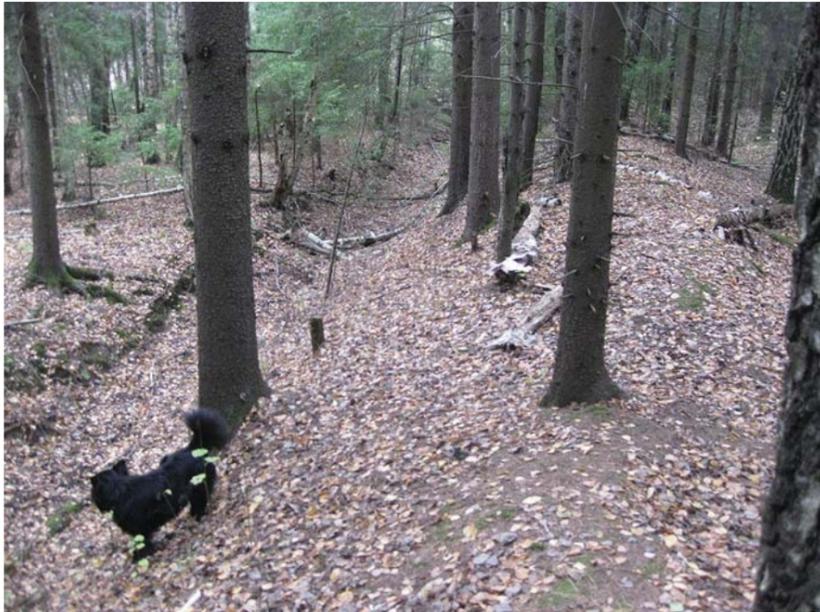
Автором проекта памятника мог быть сам С.П. Румянцев. «Сооружение памятника должно быть по его же (Румянцева) предначертанию, а хранение и поддержка, в случае надобности, была принята крестьянами на себя».

Первоначальный проект памятника после его обсуждения крестьянами был несколько изменён.

Торжества при открытии памятника в Тарутино. 24 июня 1834 г.

Предложение крестьян о сооружении памятника и его рисунок были переданы через министра внутренних дел генерала Закревского императору и удостоились «высочайшего утверждения». Изменения, внесённые крестьянами в проект, касались завершения монумента: вместо богини Победы — одноглавый орёл.

Открытие памятника, сооружённого на одном из сохранившихся укреплений тарутинского лагеря (просьба сохранять эти укрепления содержалась в письме М. И. Кутузова к А. Н. Нарышкиной), состоялось 25 июня (7 июля) 1834 г.

Событие это было торжественным, многолюдным и продолжалось 3 дня. Из почётных гостей присутствовали исполняющий обязанности губернатора Тиличев, предводитель калужского дворянства Чаплин, начальник 4-й артиллерийской дивизии Вольф. Епископ Калужский и Боровский Никанор совершил литургию и молебен, 101 пушечный выстрел артиллеристов 8-й конно-артиллерийской бригады батареи № 4 прозвучал в честь открытия памятника, под звуки полковой музыки прошли парадом 4 батальона Рязанского пехотного полка и артиллеристы упомянутой бригады.

После учреждения палаты государственных имуществ в её ведение перешло Тарутино с деревнями и памятник. При описании имущества были обнаружены повреждения памятника, и в 1855 г. его перестроили по проекту архитектора Антонелли. Переустройство памятника, его дальнейшее содержание приняли на себя крестьяне: ежегодно тарутинские и граничевские жители платили «на памятник» по 50 копеек с души (деньги под проценты помещались в приказ общественного призрения).

Впервые за счёт казны тарутинский монумент (на карте 1912 г. обозначен как Монумент действительных заслуг) ремонтировали в 1912 г. (в конце мая он ещё стоял в лесах): обновили позолоту, колонну покрасили в серовато-голубой цвет. Несколько позднее на первой ступени каменного основания установили три доски, с перечнем полков, принимавших участие в Тарутинском сражении, и именами особо отличившихся его участников. В 1940 г. доски сорвали. Две находятся сейчас в Тарутинском музее.

Монумент благополучно пережил 30-е гг. XX в., когда разрушались памятники в Бородине, Малоярославце, Москве. Памятники, установленные в честь славных побед героям 1812 г., рушили как «не имеющие историко-художественной ценности»! На заседании Московского отдела народного образования (в то время Тарутино находилось в Московской области, а судьбой памятников занимался Наркомпрос) 25 марта 1932 г. обсуждали возможность разборки тарутинского памятника. Поскольку сведения о нём исчерпывались только статьёй из словаря Брокгауза и Ефрона, то решили просить Калужский РИК прислать необходимый материал для установления художественной ценности памятника.

Чем закончилась переписка, нам неизвестно, но памятник сохранился.

Устоял памятник во время боёв и оккупации села немецко-фашистскими войсками в октябре-декабре 1941 г. Возле него стояла немецкая зенитка, а дорогу, проходящую рядом, перед отступлением немцы заминировали.

22-метровый Монумент русской воинской славы стоит в центре

одного из сохранившихся укреплений тарутинского лагеря. Украшение чугунной колонны памятника — военно-геральдическая атрибутика (мечи, шлемы, латы римских воинов), расположенная с четырёх сторон в два ряда; вверху, под карнизом — пояс из лавровых венков, символизирующий победу. Завершение памятника — шар, опоясанный изображением 12 знаков Зодиака, и одноглавый орёл — аллегорический предвестник Победы — с расправленными крыльями, держащий стрелы-молнии в лапах. На полевом тарутинском памятнике есть пояснительные надписи: «На сём месте российское воинство под предводительством фельд-маршала М. М. Кутузова, укрепясь, спасло Россию и Европу» и «Сей памятник воздвигнут на иждивении крестьян села Тарутина, получивших от графа С. П. Румянцева безвездную свободу» — на каменном основании; на чугунной плите — буквы «М. З. К. Е. Б.», означающие «Мышегский завод княгини Екатерины

Бибарсовой». Перед монументом установлена плита со строками из письма М. И. Кутузова к владелице Тарутина А. Н. Нарышкиной: «Село Тарутино... ознаменовано было славною победою русского войска над неприятельским. Отныне имя его должно сиять в наших летописях наряду с Полтавой, и река Нара будет для нас так же знаменита, как и Непрядва, на берегах которой погибли бесчисленные ополчения Мамая. Покорнейше прошу... чтобы укрепления, сделанные нами близ села Тарутина, укрепления, которые устрашили полки неприятельские и были твёрдою преградой, близ коей остановился быстрый поток разорителей, грозивший наводнить всю Россию, чтобы укрепления сии остались неприкосновенными. Пускай время, а не рука человеческая их уничтожит; пускай земледелец, обрабатывая вокруг них мирное своё поле, не тронет их своим плугом; пускай и в позднее время будут они для россиян священными

памятниками их мужества; пускай наши потомки, смотря на них, будут воспламеняться огнём соревнования и с восхищением говорить: вот место, на котором гордость хищников пала перед неустрашимостью сынов Отечества!».

К 150-летию Отечественной войны 1812 г. была проведена полная реставрация монумента с разборкой на детали каменного основания, чугунной колонны, ремонтом земляной насыпи. Отремонтированный памятник вновь засиял позолотой.

В 2008 г. начаты работы по ремонту тарутинского монумента. В 2011 г. отремонтирована колонна памятника, обновлена позолота украшающих её элементов, орла.

Любуясь этим величественным монументом, мысленно возвращаясь к событиям, во славу которых он воздвигнут и сохранён нашими предками, которые умели достойно увековечить воинскую славу, и в достойном же виде содержать памятник!

Среди местного населения бытует много домыслов и небылиц о памятнике в Тарутине.

Как и всякое незаурядное событие, открытие памятника в Тарутине не могло не вызвать интереса среди местного населения, и с годами его история обрела всё новыми и новыми надуманными фактами.

К самым первым, пожалуй, можно отнести ответ тарутинских крестьян Александру Сергеевичу Пушкину (запись в его дневнике 28 ноября 1834 г.), что столп установлен в их честь.

Реставрация памятника к 150-летию 1812 г. (1957–1959) тоже вызвала множество слухов. Якобы во время разборки колонны начался пожар (некоторые утверждают, что в орле) и сгорели документы (списки крестьян, получивших свободу), которые в ней были заложены; что после реставрации памятник стал ниже, да и позолота хуже — не так сияет, как дореволюционная. По мнению других, позолота была почти красная, да вот потом кто-то лазил на памятник и «сбивал» золото (воровал).

Очень многие утверждают, что во время оккупации 1941 г. (октябрь-декабрь) у орла было отбито крыло. Но это не так.

Многие тарутинские мальчишки в детстве лазили «на орла», в том числе и до Великой Отечественной войны, и там были пчёлы или осы, что вполне возможно.

Самым распространённым является утверждение, что орёл был двуглавым («Сами видели!»), затем одну убрали, а экскурсоводы врут («Так им велели»). Однако есть фотографии начала XX в. и брошюра 1912 г. с изображением памятника, который завершён одноглавым орлом. Есть газета за 31 декабря 1941 г. с фотографией памятника — орёл одноглавый.

Часто можно слышать о надписи с тыльной стороны каменного основания, там такая же плита с четырьмя заклёпками, как и с фасада, где есть текст.

О надписи говорят не только некоторые жители (другие же утверждают, что её не было): в книге Л. Раковского «Кутузов» (Лениздат, 1986. С. 490) эпитафия «Пала Москва, но, опершись на Кутузова, устояла Россия» комментируется как надпись на памятнике в Тарутине. Но документальных подтверждений надписи нет. ❏

Тарутинский памятник. Фотография сделана накануне 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г.

Из собрания Калужского объединённого музея-заповедника

Не прошло и двух месяцев с момента торжественного открытия в день рождения императора Николая I Тарутинского памятника, как его посетил А. С. Пушкин. По всей видимости он специально сделал «крюк», поехав из Москвы в Полотняный Завод через Тарутино, по Старой Калужской дороге. В своём дневнике 28 ноября 1834 г. Александр Сергеевич сделал следующую запись: «Я ничего не записывал в течение трёх месяцев. Я был в отсутствии — выехал из Петербурга за 5 дней до открытия Александровской колонны, чтоб не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами, — моими товарищами, — был в Москве несколько часов — видел А. Раевского, которого нашёл поглупевшим от ревматизмов в голове. Может быть, это пройдёт. Отправился потом в Калугу на перекладных, без человека. В Тарутине пьяные ямщики чуть меня не убили. Но я поставил на своём. — «Какие мы разбойники?» — говорили мне они. — Нам дана вольность, и поставлен столп нам в честь». Графа Румянцева вообще не хвалят за его памятник и уверяют, что церковь была бы приличнее. Я довольно с этим согласен. Церковь, а при ней школа, полезнее колонны с орлом и с длинной надписью, которую безграмотный мужик наш долго ещё не разберёт. В Заводе прожил я 2 недели, потом привёз Наталью Николаевну в Москву, а сам съездил в нижегородскую деревню...».

КНЯЗЬ НИКИТА ЯКОВЛЕВИЧ ЛЬВОВ

Гусарский полудоспех начального человека полка Х. Ф. Рыльского. Из собрания Калужского объединённого музея-заповедника. Фото И. Б. Шведова

Гусарский полк Х. Ф. Рыльского был сформирован в Москве в середине XVII в. по образцу польских «крылатых гусар». Был первым гусарским полком тяжелой кавалерии в Московском государстве. Принял участие в Смоленском походе 1654 г. Расформирован в конце 1650-х гг.

По своей форме предмет повторяет польские гусарские полудоспехи типа «полурак». Стальные части украшены медными розетками («гвоздями репейчатыми») и продолговатой формы накладками, имитирующими орнамент из листьев и цветов. Эти декоративные элементы можно встретить в отделке многих предметов защитного вооружения XVII в., выполненных в Московской Оружейной палате. На нагруднике и ожерелье закреплены медные двуглавые орлы с поднятыми вверх крыльями.

По имеющимся данным, доспех поступил в собрание Калужского губернского музеума после 1853 г. и хранился в Дворянском собрании до передачи по акту от 20 октября 1892 г. в Палаты Коробовых в музей при Калужской ученой архивной комиссии. Можно предположить, что гусарский полудоспех хранился в семье одного из калужан и был передан потомками в учрежденный с 1847 г. в Калуге губернский музей. Еще один близкий по форме и декоративной отделке полудоспех, описанный в Переписной книге 1686/1687 г., хранится ныне в собрании Оружейной палаты Московского Кремля.

В. Бессонов

золотыми шнурами с кистями на груди и подоле. На руках — перчатки, в левой руке он держит символ власти — пернач. На голове — красная шапка отороченная мехом и украшенная драгоценными камнями. Такого же цвета сапоги на ногах воеводы.

Воевода вышел из ворот Покровской башни, находившейся с северной стороны крепости вблизи церкви Покрова Пресвятой Богородицы (Покрова на рву). За правым плечом воеводы видна угловая башня и крыша Ильинской проездной башни с шатром вестового колокола. В крепости просматриваются купола Троицкого собора и церкви святого Николая Чудотворца и Святого Алексея Митрополита. Посадские люди, выстроившиеся по дороге, встречают воеводу поклоном.

С правой стороны на дощатом настиле дороги стоит воеводский конь, которого держит начальный человек в полудоспехе гусарского полка Рыльского. Это был первый гусарский полк тяжелой кавалерии, который формировался по образцу польских «крылатых гусар» в середине XVII в. в Москве под командованием полковника Христофора Федоровича Рыльского. Гусарский полк принял участие в Смоленском походе 1654 г., в котором участвовал и князь Н. Я. Львов, и был расформирован в конце 1650-х гг. Как видно, один из начальных людей гусарского полка оказался в начале 1660-х гг. на службе в Калуге у воеводы. Поверх полудоспеха начального человека одета ферезея. Этот тип верхней одежды средиземноморского происхождения получил широкое распространение на Руси с 1640-х гг., превратившись к концу XVII в. в одежду, отличавшую представителей военно-административного сословия. Ферезея представляла собой узкий плащ с объемным подолом и длинными рукавами, не зашитыми спереди.

Совершив торжественный выход из крепости, калужский воевода верхом на коне в подобающем его статусу одеянии и с символом власти в левой руке, в сопровождении ближних людей, отправится из города в уезд осмотреть вверенные ему царем владения и лично убедиться в том, что калужские земли под его неусыпным оком пребывают в тишине и спокойствии.

Выход калужского воеводы князя Никиты Яковлевича Львова из города в острог. Апрель 1661 г. Худ. В. М. Типикин. 2017 г.

В своей деятельности воеводы второй половины XVII в. опирались не только на выдаваемый им при назначении на место наказ, но и на принятый Земским собором в 1649 г. свод законов — Соборное уложение. Власть воеводы простиралась практически на все стороны жизнедеятельности города и уезда: военную, фискальную, административную, судебную, полицейскую и даже нравственную. Для выполнения возложенных царем многочисленных функций воеводы должны были периодически обзирать вверенные им территории и лично наблюдать за состоянием находящегося под их управлением города и уезда.

Воевода являлся в глазах всех сословий олицетворением высшей власти помазанника Божия — царя. Поэтому его выход за пределы крепости (в терминологии XVII в. — города), где находился центр управления — приказная изба и двор воеводы, являлся важным событием для жителей посада (острога). Именно такой торжественный выход калужского воеводы из города в острог изображен на рисунке. Воевода одет в парадный кафтан бордового цвета с причудливым узором, который пошит из привезенной с востока ткани. Грудь украшают красные двойные шнуры с золотыми пуговицами. Кафтан подпоясан кожаным ремнем с позолоченной пряжкой и декоративными накладками, к которому крепится сабля иранского типа. Поверх кафтана одета шуба, покрытая дорогой тканью зеленого цвета и расшитая

КАЛУЖСКИЙ ВЕСТНИК РВИО

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ЗАЩИТНИКАМ ОТЕЧЕСТВА!

8 мая накануне 74-й годовщины Великой Победы в городе воинской доблести Жукове торжественно открыли Аллею Героев. С инициативой об увековечивании памяти уроженцев Жуковской земли, удостоенных звания Героя Советского Союза, выступили жители района. При поддержке Российского военно-исторического общества, руководства региона и муниципального образования эта идея воплотилась в жизнь.

Аллея расположена у памятника выдающемуся полководцу Великой Отечественной войны, четырежды Герою Советского Союза, маршалу Георгию Константиновичу Жукову. Мемориальный комплекс включает в себя девять скульптур — Героям Советского Союза Семёну Романову, Евгению Савельеву, Николаю Пысину, Алексею Приказчикову, Константину Платонову, Николаю Химушину, Герою России Александру Смирнову и полному кавалеру ордена Славы Ивану Степанову.

В торжественном мероприятии участвовали заместитель губернатора области Василий Быкадоров, советник председателя Российского военно-исторического общества Ростислав Мединский, глава администрации Жуковского района Анатолий Суярко, а также представители органов государственной власти и общественных организаций.

В качестве почетного гостя на открытие Аллеи Героев была приглашена дочь Героя Советского Союза, летчика, уроженца д. Серезино,

командира эскадрильи 8-го гвардейского штурмового авиаполка гвардии капитана Николая Васильевича Пысина — Татьяна Новикова.

От имени главы региона и Правительстве области ветеранов и жителей района со знаменательным событием и Днем Победы в Великой Отечественной войне поздравил Василий Быкадоров. В своем выступлении он в частности отметил: «Сейчас с нами нет тех, кому воздвигают бюсты, но их души с нами. Эта работа не пропадет даром. Этот день отмечают миллионы

людей во всем мире, где берегут историческую память, где скорбят о 27 миллионах наших погибших соотечественников. И мы сегодня должны хранить и нести миру правду о Великой Победе. Мы не имеем права проиграть войну за человеческую память».

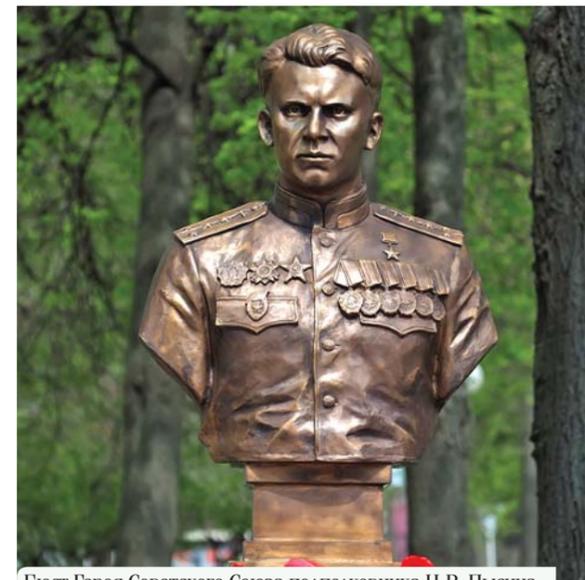
Заместитель губернатора говорил о важности патриотического воспитания молодежи. Основой этого воспитания, по его словам, является память о Великой Отечественной войне и Великой Победе нашего народа над фашизмом.

Выступает Заместитель Губернатора Калужской области В.А. Быкадоров

Выступает советник председателя РВИО Р.И. Мединский

Бюст Героя Советского Союза подполковника Н.В. Пысина

«Пока мы будем вспоминать тех, кто побеждал, пока мы будем перебирать их фотографии, праздник Великой Победы не утратит свой смысл. Постоянно поисковики поднимают из земли воинов, павших на фронтах. На калужской земле в боях погибли более трёхсот, а по не официальным данным свыше четырёхсот тысяч солдат. Но все меньше и меньше остается среди нас непосредственных участников и свидетелей тех событий. О страшных военных днях нам, ныне живущим, напоминают многочисленные воинские захоронения и обелиски, памятники героям-победителям. Каждое такое напоминание — это отстаивание наших святынь и ценностей. Наш долг — бережно хранить и передавать из поколения в поколение летопись Подвига родной страны, свято чтить память ее защитников», — сказал Василий Быкадоров. Подчеркнув, что открытие Аллеи Героев является данью уважения и преклонения перед ратными подвигами уроженцев Жуковского района, он поблагодарил Российское военно-историческое общество в лице советника председателя — Ростислава Мединского, а также скульптора Дениса Стритовича за неоценимую помощь в изготовлении памятников — бюстов героев Великой Отечественной войны.

«За мужество и героизм, проявленные на фронтах Великой Отечественной войны, 188 калужан были удостоены звания Героев Советского Союза, в том числе семеро из них — уроженцы нынешнего Жуковского района. Среди них — те, кто защищал подступы к Москве, воевал в небе Сталинграда, освобождал Кубань и Крым. Четверо героев отдали свои жизни на полях сражений, пятеро, пройдя всю войну, продолжили трудиться во благо своего Отечества», — отметил Ростислав Мединский, выступивший автором проекта аллеи Героев.

В память о солдатах России, погибших в годы Великой Отечественной войны, на церемонии была объявлена минута молчания. После открытия аллеи у каждой скульптуры героев жители города положили цветы. Цветы растут и на четырёх клумбах у мемориала. Они выполнены в виде звёзд, символизируя награды маршала Победы Георгия Константиновича Жукова. ❏

На открытии мемориала

У бюста Героя Советского Союза Н.Ф. Химушина

Аллея Героев

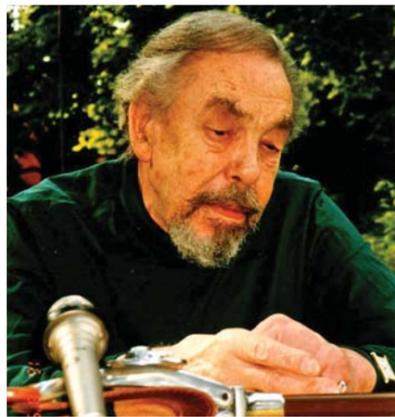
АЛЛЕЯ ГЕРОЕВ — УРОЖЕНЦЕВ ЖУКОВСКОГО РАЙОНА
СОЗДАНА В 2019 ГОДУ
РОССИЙСКИМ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИМ ОБЩЕСТВОМ
ПРИ УЧАСТИИ ЖИТЕЛЕЙ И
ОРГАНИЗАЦИЙ ЖУКОВСКОГО РАЙОНА
АВТОР ПРОЕКТА: Р.И. МЕДИНСКИЙ
СКУЛЬПТОРЫ: Д.А. СТРИТОВИЧ, Т.А. ЮРЧЕНКО, Н.И. СИДОРОВА

ДВОРЯНСКИЕ УСАДЬБЫ

«Я НЕ МЫСЛЮ СЕБЯ БЕЗ РОССИИ!..»

Интервью с князем А. Н. Оболенским

Дмитрий Кузнецов,
член Союза писателей России

Интервью с князем Алексеем Николаевичем Оболенским было записано мною летом 1998 г. в его родовом имении Березичи под Козельском. Я, тогда репортёр областного ТВ, выехал в составе съёмочной группы на встречу с Алексеем Николаевичем, в очередной раз прибывшим на родину из Америки, насколько помню — по приглашению директора Национального парка «Угра» В. П. Новикова. Подготовленный мною газетный материал был вскоре опубликован на страницах «Мецената» (литературного приложения областной газеты «Весть»). По моей просьбе публикацию передали князю, и, как мне рассказывали, нареканий она у него не вызвала. Вторично я встретился с А. Н. Оболенским через два года там же, в Березичах. Бросалось в глаза, что здоровье князя сдаёт. Ходил он, заметно сутулясь, глядел хмуро и был не расположен к общению. В 2004 г., во время последнего приезда в Россию, Алексей Николаевич умер. По желанию князя, похоронен он в своей фамильной усадьбе, на русской земле...

Кто в нашей стране не знает фамилии Оболенских! На протяжении веков этот древнейший княжеский род составлял опору русской государственной власти. Прямые потомки Рюрика, князья Оболенские проявили себя и в военном деле и на дипломатическом поприще. Под знамёнами Дмитрия Донского рубились они на Куликовом поле, по воле Иоанна III ходили на Литву и Польшу, вместе с Иоанном Грозным брали Казань, а позже, став жертвами его гнева, ложились на плаху...

К концу XIX века род Оболенских являлся одной из самых крепких и многочисленных династий империи, кровно связанной с большинством других знаменитых фамилий, в том числе и с царской. «Судьба русского дворянина — шпага, книга или крест! На одном из сих трёх путей должен он служить Отечеству, не пачкая рук торговлишкой и душу оборотливостью

не смущая...» — эта фраза, дошедшая до нас из петровской эпохи, многое объясняет в судьбах представителей княжеского рода. За редким исключением все они были людьми военными, но и те, кто выбрал статскую службу, чести фамильной не уронили, более того, приумножили.

Один из таких людей — Алексей Дмитриевич Оболенский, сенатор, член Государственного Совета, в 1906–1908 гг. обер-прокурор Святейшего Синода. Жизнь его была тесно связана с Калужским краем, а если точнее — с Козельским уездом, где у Оболенских находилось родовое имение Березичи.

И теперь ещё воображение случайных посетителей старинного княжеского парка поражают огромные липы и лиственницы, посаженные в 90-х годах прошлого века. Ну а обгорелые развалины дворца Оболенских — свидетельство советского

варварства — отзываются острой болью в душе всякого, кто хоть на миг сможет себе представить красоту ещё не разорённого дворянского гнезда.

Обожавший своё имение А. Д. Оболенский заказал петербургскому зодчему Адольфу Гавеману необычный проект главного здания усадьбы: в нём причудливо совмещались разные стили восточной и западной архитектуры, было что-то средневековое и в то же время неуловимо присутствовал модерн. Этот сказочный дворец был построен к 1905 году.

Дата символическая! — «вихри враждебные» уже всю веяли над страной. Не мог владелец усадьбы предполагать тогда, что через два десятка лет княжеский парк, по аллеям которого ходил некогда гость Оболенских граф Л. Н. Толстой, придёт в полное запустение; вековые деревья, слышавшие игру на фортепиано

Князь А. Д. Оболенский (1855–1933)

Усадьба Березичи. Фото начала XX в.

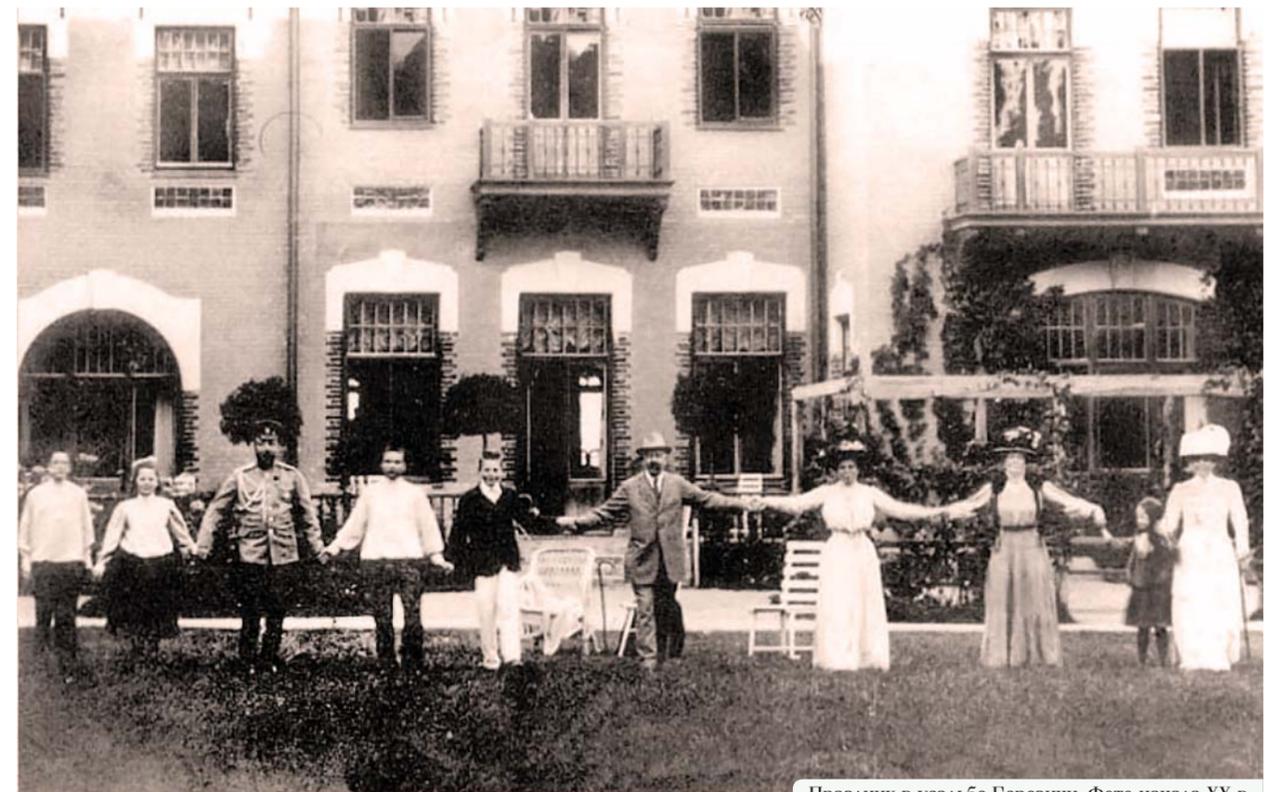
Рубинштейна и Римского-Корсакова, будут внимать голосам советских работников, устроивших здесь свой санаторий. Ещё через полвека случайный пожар уничтожил остатки дворца Оболенских. Загаженная территория перестала считаться санаторной зоной. А рядом с обугленными руинами был установлен гипсовый памятник Володе Ульянову (маленький Ленин с книжкой) и открылся детский интернат.

Сам же последний хозяин имения после Октябрьского переворота

спасся каким-то чудом. Существует рассказ, что рабочие Стекольного завода, основанного А. Д. Оболенским, не дали приезжим комиссарам расправиться с князем и помогли ему перебраться в Москву. Ну а потом — эмиграция, жизнь в Германии и смерть в середине 1930-х гг. в предчувствии новых бед для России.

Оболенские, Трубецкие, Голицыны — все эти древнейшие фамилии, пропущенные через горнило Первой мировой (Великой) войны

и мясорубку Гражданской, теряя виднейших своих представителей, встали на грань полного исчезновения. К счастью, свеча не погасла! Род Оболенских сохранил даже свою прямую линию. И ныне внук А. Д. Оболенского, князь Алексей Николаевич, гражданин Соединённых Штатов Америки, в прошлом — дипломат, служащий Госдепартамента США, получил возможность приехать на землю предков, прикоснуться к останкам родового гнезда...

Праздник в усадьбе Березичи. Фото начала XX в.

Ворота в усадьбу (современный вид)

Руины главного усадебного дома

* * *

Удобный американский автобус прибыл в Березичи в жаркий августовский полдень. Два десятка туристов, весело переговариваясь, двинулись по центральной аллее. Их ждал обед и диковинное зрелище — развалины княжеского дома. Сам же князь, опираясь на тяжёлую трость, шёл чуть-чуть в стороне от группы. В свои семьдесят девять лет глава рода Оболенских держался вполне уверенно и твёрдо. С 1992 года родовое имение навещал он уже четвёртый раз, и чем-либо новым удивить его было трудно.

Взгляд князя из-под набухших век казался насмешливым и острым. Русская речь его отличалась какой-то изысканной правильностью и в то же время была насыщена образными выражениями и поговорками, которые можно встретить теперь разве что в словаре Даля. Обращаясь к своим спутникам, он, естественно, переходил на английский, но затем с видимым удовольствием продолжал беседу на родном языке. Со встречавшим гостей директором Национального парка «Угра» В.П. Новиковым князь был явно на дружеской ноге, во всяком случае, общался с ним вполне по-приятельски.

Надо заметить, что, в общем-то, ничего такого сверххарактеристичного в облике Алексея Николаевича Оболенского не наблюдалось. Одетый достаточно скромно, он не приковывал внимания какой-то особой осанкой, барственными манерами. И лишь ряд крупных перстней, сверкавших на пальцах, говорил о принадлежности их владельца к богатому и древнему роду.

На этот раз в Россию князь приехал вместе с супругой Евдокией Владимировной. Никто бы не подумал, что эта милая пожилая женщина, так похожая на множество русских бабушек — урождённая американка! Но об этом чуть позже... А пока — о главной цели княжеской поездки.

Туристы из Америки, сопровождающие князя, — люди состоятельные, так или иначе имеющие отношение к бизнесу и готовые вложить средства в «русский проект» при соответствующих гарантиях. Лучшая гарантия, что деньги не будут разворованы, а пойдут действительно на важное и нужное дело, это — княжеское слово! Князю верить можно, князья не обманывают...

Сам же Алексей Николаевич мечтает — ни больше ни меньше — о восстановлении дворца Оболенских,

о реконструкции имения и превращении его в исторический музейный комплекс. К счастью, это ещё возможно! Существует даже проект реставрации, разработанный родственником князя берлинским архитектором Герздорфом. Что же касается денежных средств, то, видимо, приезд американской группы связан отчасти и с проблемой их получения.

Но всё это — перспектива. А вот — суровая реальность. В интернате, расположенном на территории имения, около ста тридцати детей. Надо ли говорить о том, что живут они отнюдь не богато? В течение ряда лет Алексей Николаевич оказывал им серьёзную помощь, а в нынешний приезд «тряхнул» и американцев: раскошеливайтесь, господа, на благое дело...

Не зря Оболенских в своё время любили жители окрестных сёл и рабочие Стекольного завода, — хозяева они были хорошие. А на Руси добро помнят. Оттого-то и дед Алексея Николаевича не был выдан на комиссарскую расправу, да и его самого встречают в Березичах с особым уважением.

И всё же, общаясь с князем, невольно испытываешь чувство некоей неловкости: шутка ли — потомок Рюрика, осколок прежней Великой России и в то же время — американский

дипломат, жизнь которого связана с самыми трагическими событиями XX века. Вот сидит он за маленьким деревянным столиком в своём родовом парке, чуть поодаль — руины дворца и гипсовый Ленин с отколотым носом, вокруг — столетние лиственницы. Князь ждёт вопросов, ему приятно говорить на родном языке.

— Как Вам, стопроцентному эмигранту, удалось сохранить русскую речь в такой чистоте?

— Это, знаете, длинная история. Моё детство и юность прошли в Италии, во Флоренции, где я попал в середине XIX века. Во Флоренции образовался настоящий петербургский двор, только не на Неве, а на речке Арно. Я вырос там, хотя учёбу начал ещё в Берлине, в русской гимназии. Ну а в среде «флорентийцев» я прожил тринадцать-четырнадцать лет, решающих лет в любой жизни. Жил по-русски, со всеми русскими обычаями и замашками. Женился тоже в Италии, в Риме, почти полвека тому назад. Жена перешла в Православие. Она американка, с юга. Кстати, певица. До сих пор поёт. И у нас трое детей — две дочери и сын. Дети православные и жена православная, и я православный... (Алексей Николаевич смеётся, а я вспоминаю

рассказ сопровождающего группу интуристов о том, как во время ужина в столичном ресторане князь, подойдя к поющим на эстраде цыганам, выдернул шнур аппаратуры из сети со словами: «В России цыгане под фонограмму не пели! А ну-ка, пойте живьём...» Петь живьём «цыгане» не решились. Ситуацию спасла Евдокия Владимировна, исполнив для друзей романс в классической русской манере.)

— А своих детей Вы воспитывали тоже в русских традициях и обычаях?

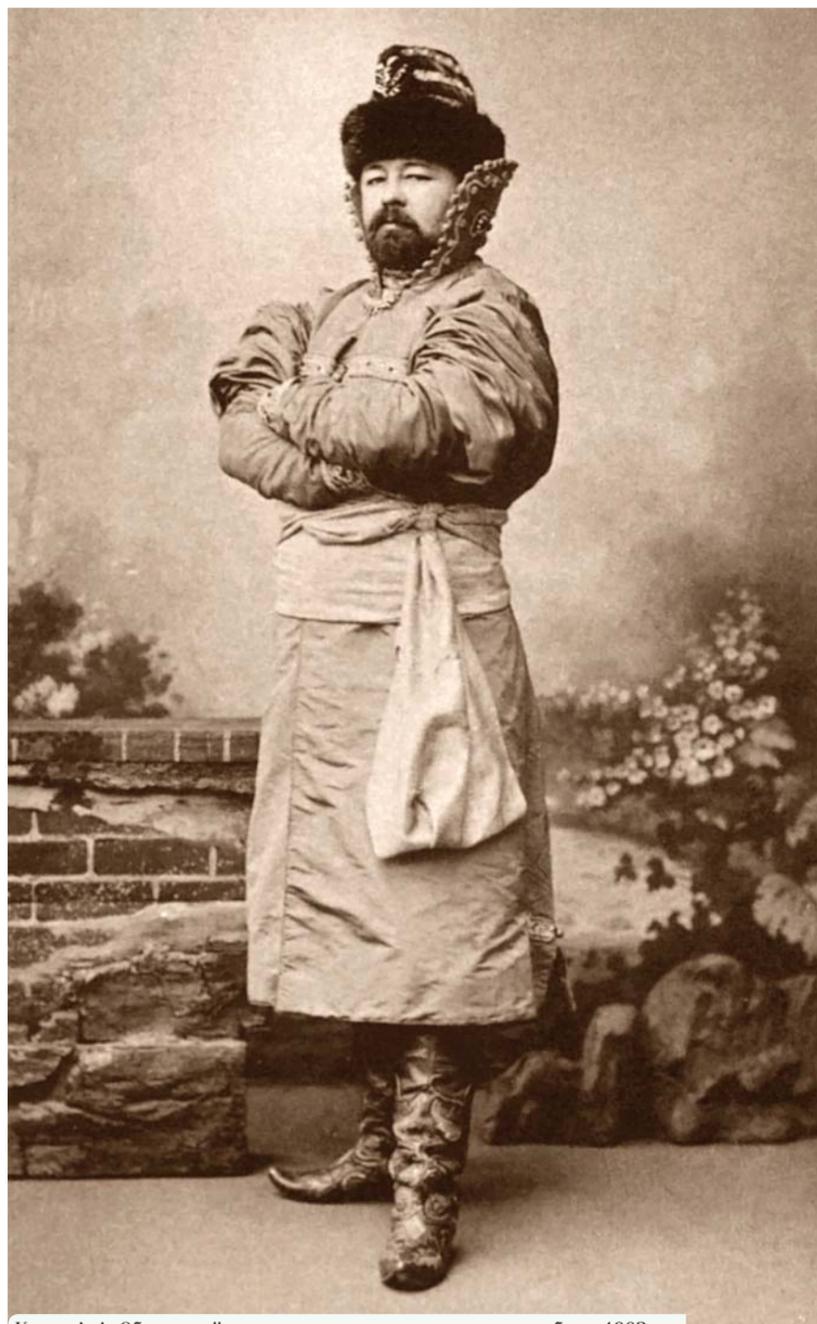
— В традициях, поскольку это возможно, да! В смысле языка, к сожалению, нет. Америка всё же берёт своё. Да вот хотя бы моя жена... Она объясняется по-русски и всё понимает, а после трёх стопок водки говорит на языке моих предков не хуже меня. Но — нужны три стопки водки, и просит она их по-английски, а не по-русски!

— Вы, вероятно, помните своего деда, Алексея Дмитриевича Оболенского? Расскажите немного о нём, ведь он был ярким представителем той России, которую мы, увы, утратили...

— Вы утратили, не я! Простите, но это важно! Вас интересует личность моего деда? Он был

Слева направо: директор НП «Угра» В.П. Новиков, корреспондент ГТРК «Калуга» Д. Кузнецов, князь А.Н. Оболенский, корреспондент ГТРК «Калуга» О. Афончикова, сотрудники НП «Угра». Березичи, 1998 г.

Князь А. Д. Оболенский на историческом костюмированном балу. 1903 г.

последователем Победоносцева, обер-прокурором Синода, и считал одним из своих жизненных назначений добиться отделения церкви от государства. Ему это удалось. На Поместном Соборе в 1917 году (назначение даты ничего общего с революцией не имеет) в России было восстановлено Патриаршество и упразднена, следовательно, власть Святейшего Синода как некой иезуитской канцелярии, которая заведовала всей религией.

— Ваш дед пытался вернуться из эмиграции на родину?

— Нет. Никогда. Мой дед выехал из страны в 1920 году. Он выехал в Германию, в Дрезден. И я лично помню, как дед говорил, что он в Россию никогда больше не вернется. А это можно понимать и так и сяк: не вернется, потому что не пустят или потому что не хочет... Тут уж я не берусь судить.

— В нашей стране очень популярна песня про корнета Оболенского... (Князь смеётся, видимо, понял,

о чём идёт речь.) Ваши родственники участвовали в Белом движении?

— Да. Мой отец был поручиком в 4-м гвардейском Стрелковом полку Императорской фамилии, и вместе с полковыми товарищами он организовал заговор, чтобы освободить государя и его семью в Екатеринбурге. Это один из малых заговоров, к сожалению, не удавшийся... Они прибыли в Екатеринбург слишком поздно, опоздали где-то на сутки. Брат моей матери, князь Борис Александрович Урусов, был убит большевиками в годы Гражданской войны. Подробностей я не знаю. Из других Оболенских, по крайней мере, трое или четверо были арестованы и расстреляны.

— Как Вы думаете, возможно ли в России восстановление монархии? Хотя бы в перспективе?

— Вы знаете, это бабушка надвое сказала. Восстановление монархии... Строго говоря, она ведь никогда не прекращалась. Коммуно-большевицкий режим — это же, в сущности, повторение самодержавия, только вульгарное, в виде кровавой пародии. А если вы спрашиваете насчёт восстановления династии Романовых, то, я думаю, что их песня отпета. Но у нас другие династии есть, исторические династии... В частности — Рюриковичи. Я вот — Рюрикович, но я не лезу на престол, поверьте. А вот среди наших семей есть те, кто могли бы...

Исторически же говоря, Россия как государство, начиная со времён призыва варягов — «Земля наша велика и богата, но порядка в ней нет...» — и кончая 1917 годом, иного никогда не знала. Включая то, что я сейчас сказал о большевизме... А президент Ельцин? Это ведь такое явление, которое не приноворишь ни подо что, кроме наших сумбурных российских представлений о государственности!

— Алексей Николаевич, Вы сейчас подданный Соединённых Штатов Америки...

— Гражданин! Подданным я был бы, если бы родился чуть пораньше, государя императора Николая II.

— Может ли наступить такой момент в Вашей жизни, что Вы всё-таки примете гражданство России?

— Не знаю. (Глубокий вздох.) Гражданство, видите ли, мне косвенно предлагалось — ещё, правда, в годы холодной войны — личностью, о которой вы, наверное, слышали — Анатолием Фёдоровичем Добрыниным,

советским послом в США. Я с ним дружил. Он мне намекал, не предлагал! Но я просто не знаю, как на это ответить... Мне представить себя гражданином России как-то, простите, не выходит. Но если говорить о подданстве, то коли случится так, что будет восстановлена царствующая династия, а значит — будет престол (чей бы он ни был, включая Романовых), то тогда этот вопрос даже не поднимается! А гражданин... Как я могу быть гражданином России, когда я русский? Позвольте, но это такая же несуровица, как, например, мокрая вода...

— Вы в прошлом — дипломат. Ваша работа как-то пересекалась с Россией?

— Ох, а вы думали?! Пересекалась. Но вы, видимо, хотите меня спросить, не находились ли интересы Соединённых Штатов и мои ощущения, которые вы довольно ясно поняли, на перепутье или одно против другого? Конечно, да! И это было очень жестокое противоречие.

— Вы сказали, что дружили с Добрыниным. Но возможна ли дружба между монархистом и коммунистом?

— А почему бы нет?

— И всё же это нонсенс...

— Ну, почему же? Я, видите ли, несколько лет назад, будучи в России, попал в одну деревню и там встретился с моим ровесником, заядлым коммунистом, бывшим НКВД-шником. Он совершенно ясно и точно говорил, что стрелял, убивал белых и тому подобное. И мы с ним, так же, как я с вами, довольно ясно, честно и коротко объяснились. Я этому человеку пожал руку, потому что он не отказался от своей сути, не переворачивал — да, но... Хотя, конечно же, если бы мы столкнулись с ним лет шестьдесят назад, он бы меня не моргнув глазом застрелил, зарезал... И это была бы крупная неприятность. Но, собственно, в чём его винить? Иное дело — Иосиф Виссарионович или Владимир Ильич, давшие ход таким процессам, результатом которых стали миллионы человеческих жертв. Вот против этого я воевал, стоял и, если это должно, не дай Бог, повториться, снова буду стоять. С коммунистами же можно общаться вполне по-дружески, если окажетесь, в известной степени, один на один...

— Давайте вернёмся к цели Вашего приезда. Вы действительно

Князь А. Н. Оболенский во время записи интервью. Усадьба Оболенских в с. Березичи. 1998 г.

собираетесь воссоздать дворец Оболенских?

— Я очень надеюсь, что это удастся. Конечно, Березичи — не Останкино, не Петергоф и не Гатчина. Но всё же это уникальное имение с уникальным дворцом, настоящее дворянское гнездо России, той самой, что теперь уходит в далёкие времена. Я думаю, что дворец будет восстановлен и это произойдёт в память деда, который его построил. И нужно это вовсе не для моего блага, — хотя, поверьте, если бы дворец стоял, я бы очень наслаждался, — но чтобы нынешние и будущие дети не росли вне русской культуры и истории. И если восстановление усадьбы и дворца Оболенских поможет им прикоснуться к чему-то прекрасному, то тогда, возможно, душа моего деда сказочным образом вернётся сюда и будет (князь смеётся) гулять здесь каким-нибудь привидением. Праздники устраивать... Он конфеты любил, будет давать всем конфеты, дед мой...

— И всё же, Алексей Николаевич, что для Вас наша страна в её нынешнем состоянии? Не ощущаете ли Вы себя русским в Америке и американцем в России?

— И здесь, и там я ощущаю себя очень даже русским. Настолько русским, что, я думаю, мне без России, без её веры, культуры, литературы, истории, невозможно было бы существовать семьдесят девять лет, шестьдесят девять лет, двадцать девять лет, девять лет, и вообще... Я не мыслю себя без России. Но я также думаю,

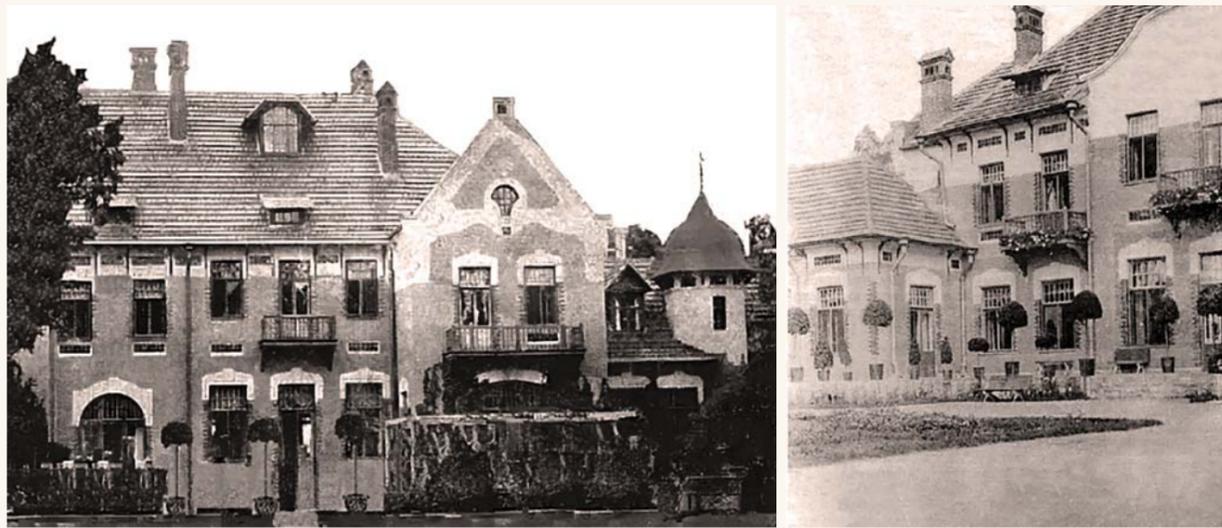
что и России без меня невозможно было бы существовать.

Князь поднимается. И мы идём к выходу из парка, где уже слышится весёлый гомон туристов.

— Американцы... — улыбается Алексей Николаевич, — я их называю толстолобыми и тупоумными. Они все такие. Пожизненно. Не удивляйтесь, я знаю, что говорю, не даром ведь столько лет прослужил им верой и правдой. Ну а вам, да и вообще всей молодой России, я хочу пожелать во что бы то ни стало сохранять интерес к своему прошлому, этакое детское любопытство... И, насколько это возможно, не совращайтесь той современностью, которая больше всего бросается в глаза. Подчас то, что не сразу видно, оказывается гораздо более важным.

Прощаясь, князь шутиливо бьёт меня по плечу: «Полегче на поворотах!», и вот уже автобус с американской группой едет в сторону Оптиной пустыни. Затем — Москва, перелёт в Вашингтон, где у Алексея Николаевича, по его словам, квартира, напоминающая петербургский салон начала XX века. Далее — неизвестность... Или — неизбежность? Но я вдруг вздрагиваю от странного ощущения — старый княжеский парк как будто лишился чего-то очень важного, без коего и сама жизнь как-то тускнеет. И дальним эхом вспоминаются слова князя:

— Я не мыслю себя без России. Но я также думаю, что и России без меня невозможно было бы существовать. ■

УСАДЬБА КНЯЗЕЙ ОБОЛЕНСКИХ В СЕЛЕ БЕРЕЗИЧИ

Замечательным примером усадебного комплекса, в котором в разной степени сохранности присутствуют элементы усадебного хозяйства, является усадьба «Березичи» в Козельском районе Калужской области. На сегодняшний день это один из 20 сохранившихся усадебных комплексов XVIII—нач. XX в., которые находятся в национальном парке «Угра» и в его охранной зоне. Усадьба «Березичи» уже давно и вполне заслуженно привлекает внимание отечественных исследователей.

По сведениям Генерального межевания, которое проводилось в Козельском уезде в конце 1760–1770 гг., населённого пункта на месте данной усадьбы и его окружения на правом берегу р. Жиздры не было. Усадьба появилась позднее, видимо, именно она обозначена на Военно-топографической карте Российской империи 1846 г. По сведениям конца XIX в., поместье называлось Заречьем. Название было вызвано, очевидно, расположением поместья за р. Жиздрой относительно большого села Березичи. Имение Березичи не позднее, чем с 1-й половины XVII и до 1-й четверти XIX в. находилось в роду Чичериных, затем, во 2-й половине 1820-х гг., принадлежало В. Л. Пушкину, дяде А. С. Пушкина, и в 1829 г. было приобретено князьями Оболенскими. Им имение принадлежало до революции 1917 г. В 1881 г. во владение вступил Алексей Дмитриевич Оболенский (1855–1933). В 1880-х гг. он приобрёл Заречье у своей родственницы Протасовой. А. Д. Оболенский в начале своей карьеры служил в Министерстве юстиции и Сенате в чине титулярного советника. Затем уехал в Березичи и начал службу по выборам. В 1881 г. был избран почётным мировым судьёй Козельского уезда и председателем съезда мировых судей. В 1882 г. был пожалован в Камер-юнкеры Двора Его Императорского Величества. С 1883 г. по 1894 г. избирался предводителем дворянства

Козельского уезда. В 1894 г. вернулся на государственную службу: до 1897 г. был управляющим дворянским и крестьянским банками, с 1897 по 1901 г. — товарищем министра внутренних дел, затем оставил пост товарища министра и был назначен сенатором с пожалованием в шталмейстеры Двора, в 1902–1905 гг. служил товарищем министра финансов, был главным начальником управления неокладных сборов и казённой продажи питей, в 1905 г. был назначен членом Государственного совета, где примкнул к группе центра, с весны 1905 г. вновь управлял дворянским и крестьянским банками, с октября 1905 по апрель 1906 г. в правительстве графа С. Ю. Витте занимал пост обер-прокурора Святейшего синода, с апреля 1906 г. состоял присутствующим членом Государственного совета. В 1900–1910-е гг. А. Д. Оболенский избирался на различные должности в Калужской губернии: был гласным губернского земского собрания от Козельского уезда, гласным уездного земского собрания, в 1917 г. был членом Козельской городской думы, был избран почётным мировым судьёй уездного окружного суда, почётным членом Отделения епархиального училищного совета.

В Заречье ко времени приобретения его А. Д. Оболенским был старый помещичий дом. В одном из писем 1893 г. Алексей Дмитриевич писал: «В Березичах хозяйственный центр, здесь всё старое, сад большой, всяких затей меньше. В Заречье — дача, рядом сосновый лес, дорожки лучше расчищены... розы тут цветут во всю Ивановскую».

К 1900-м гг. старый дом в Заречье сгорел, и это привело к решению построить здесь новый усадебный ансамбль. По сведениям музея стекольного завода (заложенного А. Д. Оболенским восточнее усадьбы в 1912 г., ныне в п. Стекольного Завода), начало строительству

было положено в 1901 г. Автором проекта главного дома явился, согласно публикациям последних десятилетий, видный петербургский архитектор Адольф Робертович Гавеман (1868–?). В ансамбль вошли пейзажный парк и ряд служебно-хозяйственных построек. Флигель, судя по отличиям его форм от форм главного дома, был построен к нему несколько позже.

В 1917 г. историк литературы, пушкинист Н. О. Лернер писал об усадьбе: «Вот ржаное поле, пересечённое аллеей старых берёз, — въезд в Березичи. Две усадьбы — старая в Березичах и новая в Заречье — это прекрасная усадьба в английском стиле. Через длинный мост на сваях над Жиздрой вы приближаетесь к усадьбе — всё время по шоссе, такое редкое удобство в русских путях сообщения, быстро проезжаете через неглубокую рощицу, отделяющую дорогу от усадьбы. Перед вами розовые стены дома, крыльцо с «фонарём» и просторный высокий вестибюль — только вы вошли и оглянулись — охватывает чувство: Европа, Европа!».

В 1917 г. семья А. Д. Оболенского эмигрировала. В начале 1920-х гг. усадьба в отличие от других значимых усадеб Калужской губернии, не обследовалась, хотя имелась информация о том, что в усадьбе сохраняются фамильные портреты и библиотека. До 1924 г. постройки Зареченской усадьбы находились в ведении уездного здравотдела, затем были переданы подотделу госимуществ Козельского уезда.

В 1924 г. в связи с этой передачей были составлены описания главного дома и других построек усадьбы, названной «дача «Заречье», бывшая Оболенского». В описании главного дома отмечено: «дворец каменный 2-этажный, крытый черепицей, с подвалом, 26,3×11 сажень...». Перечислены помещения — 33 комнаты (включая ваннные комнаты), передняя, лестничная клетка. К 1924 г. здание не понесло значительных утрат: были лишь разбиты стёкла некоторых окон и дверей, пропали многие дверные замки и элементы печных и каминных приборов, в некоторых помещениях обрушилась штукатурка перекрытий.

В описании отмечено много служебно-хозяйственных построек; все они, за исключением кирпичных конюшни, сторожки и ограды с воротами, были деревянными. Каменный флигель, примыкающий к главному дому, был, видимо, сочтён его частью. Отмечена также парковая беседка с мостиком. Вместе с постройками усадьбы подотделу госимуществ Козельского района был передан её земельный участок с парком, садом и огородом.

До Великой Отечественной войны в усадьбе располагались школа и санаторий смоленского партактива «Березичи». В бытность санатория на территории усадьбы появились новые постройки; вместе с тем, производились работы по уходу за парком. Во время войны усадьба оказалась в зоне сражений, и её ансамбль сильно пострадал. Вероятно, именно тогда были утрачены многие служебно-хозяйственные постройки. После войны в усадьбе размещался специализированный детский дом для детей военнослужущих, а затем разместилась школа-интернат. Для её деятельности на территории усадьбы были построены спальные и учебные корпуса. По разным сведениям, в 1964, 1968 или 1970 г. главный

Никольская церковь в с. Березичи

дом был сильно повреждён пожаром. Приблизительно в 1980-х гг. были восстановлены полностью или частично утраченные к тому времени беседка с мостиком.

В 1992 г. решением малого Совета Калужского областного Совета народных депутатов от 22.05.1992 № 76 усадьба была включена в список выявленных объектов культурного наследия Калужской области под названием «Ансамбль усадьбы Оболенских (4 объекта)», датой XVIII—XIX вв. и адресом: Козельский р-н, п. Стекольного Завода (Березичи).

Сохранившаяся до наших дней Никольская церковь была возведена в Березичах в 1845 г. К 1848 г. колокольня была выстроена только до второго яруса, в храме не было иконостаса. Финансировал постройку тайный советник, сенатор, князь Александр Петрович Оболенский. В начале строительства предполагалось два престола. 26 августа 1845 г. в тёплом приделе был освящён престол во имя святой великомученицы Екатерины. Однако позднее был оставлен лишь один престол во имя святителя и чудотворца Николая.

Земли при храме было в середине XIX в. 34 десятины, в том числе усадебной 1/40 десятины. В начале XX в. — 36 десятин, включая 1 десятину усадебной земли. В 1915 г. здесь располагались два деревянных дома причта (священника и псаломщика).

Кроме того, в 1917 г. при церкви числилась каменная часовня, выстроенная на месте алтаря прежней деревянной церкви, и церковная школа в земском доме, где обучались 71 мальчик и 24 девочки. Территория храма была обнесена каменной оградой.

В приход храма входило село Березичи и деревня Хутор, в которых в 1915 г. насчитывалось 216 дворов.

В 1931 г. храм был закрыт, открывался в конце 1941 г., во время оккупации. В послевоенный период здание использовалось под склад. Передан Русской православной церкви в конце 1990 г.

Материал предоставлен Управлением по охране объектов культурного наследия Калужской области. 📄

АРХЕОЛОГИЯ

«ЧЁРТОВО ГОРОДИЩЕ» – СТАРЫЕ ЛЕГЕНДЫ И НАУЧНЫЕ РЕАЛИИ

Олег Прошкин,
заведующий отделом археологии и древней истории
Калужского объединённого музея-заповедника,
кандидат исторических наук

Место, о котором пойдёт речь, находится примерно в 15 км северо-восточнее города Козельска и в 5 км северо-восточнее города Сосенский. В географическом отношении урочище расположено на правом берегу реки Чертовская (правый приток Жиздры) близ впадения в неё ручья Черногрязка — на широком водоразделе Оки и Жиздры. С 1973 г. является памятником природы регионального значения, а в 1997 г. включено в состав Национального парка «Угра».

Знаменито своим природно-геологическим комплексом. Участок, где находится легендарное урочище, является выходами на поверхность серых песчаников, практически не затронутых ледниковыми процессами. Их образование геологи относят ко времени более 300 миллионов лет назад. Большой интерес представляет и местная фауна. В числе многочисленных видов разнообразных растений здесь можно встретить такие реликты, как мох-шистостега (*Schistostega pennata*) и папоротник-многоножка обыкновенная (*Polypodium vulgare*). Оба вида сохранились здесь с доледникового периода.

Дремучий лес, глубокие и мрачные овраги, отвесные скалы и глыбы камней с давних времён невольно заставляли людей считать это место связанным с нечистой силой. Много рассказов и легенд, связанных с ним, ходило среди жителей окрестных деревень и сёл. Одна из легенд и дала название урочищу — «Чёртово Городище».

Записанная и опубликованная Л. Кавелиным во второй половине XIX столетия, она звучит так: «У обаяльного православного мужичка была дочка красавица. Полюбилась она чёрту, и стал он свататься за неё; пристал к отцу, что называется с ножом к горлу; отдай, да отдай, и проси у меня тогда, что похочешь; а нет, жди беды себе. Но православного не скоро проведёшь; на то он вишь и православный! Мужичек подумал, подумал, да и говорит лукавому: ну, что с тобою делать; если полюбилась девка, так возьми, только с уговором: чтобы ты беспременно, до петухов, построил вот тут в нашем лесу, моей дочке дворец, всему миру на удивление; а не построишь до петухов, чтоб нам с тобой и не знаться

более. Чёрт только ухмыльнулся и был таков; думает: наша взяла? Посмотрел место, хват, похват, а камня-то вокруг и на сто вёрст нет. Делать нечего: собрал, значит, своих, да и ну таскать их по воздуху откуда-то издалека. Трудился сердешной всю ночь, а кончить не успел; до окон вишь дошёл, крикнули петухи, и где из них кто летел, значит, по воздуху с камнями-то, там их и покидали, что и по сю пору словно дорожку из леса в поле видать. Вот вам от чего и прозвалось оно чёртово городище».

Аналогичный, но уже более литературный рассказ встречаем у Т. Рождественского. Сюжет таков, что к дочери разбойника Кудеяра Любуше сватается Чёрт, но девушка, не желая выходить за него замуж, так

как является истинной христианкой велит ему «в одну ночь, до петухов, выстроить свадебный замок на вершине холма, одиноко возвышавшагося среди поросших вековым лесом болот, где на десятки вёрст кругом не было ни одного камня, годного для постройки». Чёрт с радостью согласился, и ночью началась работа — вся нечистая сила стала таскать каменные глыбы и строить среди леса свадебное сооружение. «Видя, что постройка скоро будет окончена, Любуша, в ужасе, стала дразнить своего петуха», крик которого испугал Чёрта и на этом строительство закончилось — «...вся нечистая сила, которой положено гулять по свету только до петухов, стремглав бросилась под землю».

А среди глухого леса до сих пор стоят остатки недостроенного каменного дворца. Т. Рождественский указывал, что записал эту легенду «в лесах Козельской казённой «засеки» со слов старика-лесничего, всю жизнь прожившего вблизи Замка Дьявола, или «Чортова Городища», как называют его местные крестьяне...».

Сюжет данной легенды уходит своими корнями в древнеевропейскую мифологию. Самой близкой и древней аналогией является переложение мифа о сватовстве горного великана к богине, записанного Снорри Струлуусоном в его произведении «Младшая Эдда» (XIII в.): «В те давние времена боги только начинали селиться, и, когда они устроили Мидгард и возвели Вальгаллу, пришёл к ним некий мастер и взялся построить за три полугодия стены, да такие прочные, чтобы смогли устоять против горных великанов и инеистых исполинов, вздумай они напасть на Мидгард. А себе выговаривал он Фрейю в жёны и хотел завладеть солнцем и месяцем. Асы держали совет и сговорились с мастером на том, что он получит всё, что просит, если сумеет построить стены в одну зиму. Но если с первым летним днём будет хоть что-нибудь не готово, то ничего он не получит. И не вправе он пользоваться чьей то помощью в этой работе. Когда они поставили эти условия, он стал просить у них позволения взять себе в помощь коня Свадильфари».

Закончилась эпопея достаточно печально! «В тот же вечер, лишь отпавился мастер за камнями со своим конём Свадильфари, выбежала из лесу с ржанием кобыла навстречу коню. И лишь заметил её конь, взбесился, порвал удила и ускакал за ней. Каменщик бросился вслед и хочет изловить коня, но лошади носились всю ночь, и работа не тронулась с места. На следующий день было сделано много меньше, чем обычно. И каменщик, увидев, что не закончить работу ему к сроку, впал в ярость великанскую. Асы признали в строителе горного великана, и позвали Тора. Тот час явился Тор — первый же удар вдребезги разбил ему череп».

Похожий сюжет имеют и русские народные сказки, где обычно царь, выдавая замуж свою дочь, велит жениху построить дворец в одну ночь, а к дворцу должен вести мост и т.п.

Выходы на поверхность серых песчаников доледникового периода

Папоротники Polypodium vulgare

Лес возле урочища

Е. М. Мелетинский указывает существующую параллель в финской легенде, где главная героиня испытывает и обманывает лесного демона, добывающего её руки, заставляя его до конца дня принести различные предметы.

В легенде о «Чёртовом Городище» жених представлен в образе чёрта, прототипом которого является великан Сурт, описанный Снорри Стурлусоном. «Surt» в древнескандинавской мифологии означает «чёрный», в славянской мифологии «Чёрт» (словенское «Crŭt», праславянское «Сьрт», словацкое «Cert»), также переводится как «чёрный». А в сербских и болгарских легендах черти и бесы — это непременно великаны. Если обратиться к существам (духам) низшего пантеона финской и балтийской мифологии, то увидим, что одним из важных персонажей здесь является Хейси (Хийси) — чёрный лесной дух. Хейси, по финским преданиям был повелителем лесов и рисовался страшным существом, а в XV–XVI вв. он напрямую отождествлялся с чёртом. На территории Финляндии, Скандинавии и Прибалтики сохранились древнейшие из культовых камней — камни с чашами или с разным количеством выдолбленных на каменной поверхности небольших углублений — следами от «пальцев Хейси». Эти камни располагались в специальных культовых местах — «рощах Хейси».

В балтийской мифологии духами, аналогичными Хейси, впоследствии отождествляемые с христианским чёртом, являлись Вайнапаганы, строившие гигантские мосты из каменных глыб и состязавшиеся в силе перекидыванием гигантских камней. На этих камнях оставались углубления от их пальцев и этим камням приписывали ритуальные свойства. Углубления в этих камнях назывались «чёртовыми пальцами».

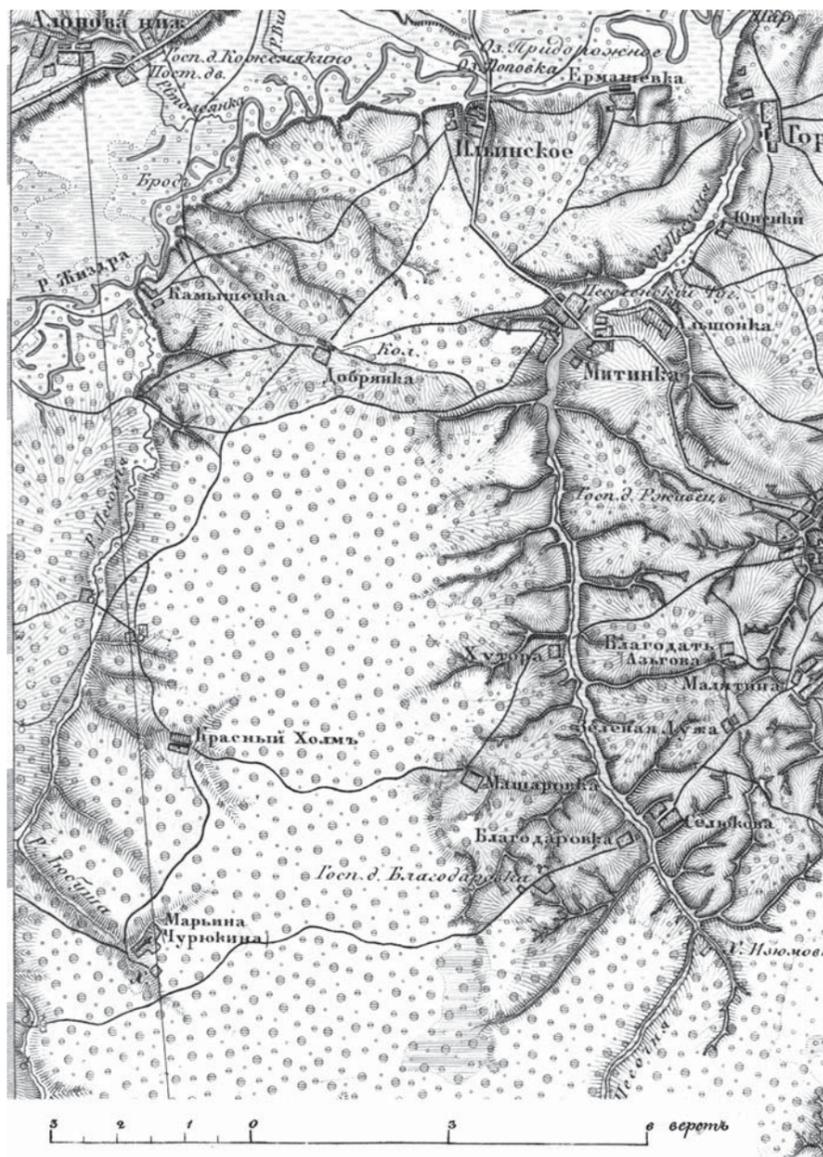
Сюжет легенды о строительстве «свадебного замка» очень древний. На его культовый характер косвенно указывает существование в данной местности камней с углублениями — «чёртовыми пальцами». Вероятно, что легенда оформилась в дошедшем до нас виде не ранее того времени, когда в этой местности укоренилось христианство. Однако основа легенды — древнеязыческая. Интересна она ещё

Камень с многочисленными углублениями — «чёртовыми пальцами»

Камень с углублениями

Участок, где расположено урочище «Чёртовое Городище» на топографической карте 1912 г.

Первые археологические раскопки на городище вокруг камня с «чёртовыми пальцами» в 1992 г.

и тем, что связана непосредственно с конкретным местом — урочищем «Чёртовое Городище», где так же, как и в Финляндии, Прибалтике, Скандинавии имеются гигантские камни с различными углублениями — «чёртовыми пальцами». Не исключено, что в древности могла существовать какая-либо взаимосвязь между подобными местами.

Первое описание легендарного урочища мы находим в книге иеромонаха Леонида «Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни», изданной в 1862 году: «Недалеко от древнего Ржавца в глуши леса, называемого Аржавским же (составляет часть древней Лихвинской засеки), есть замечательное место: это развалины какой-то исторической постройки, на которую употреблены камни огромной величины, взятые повидимому издалека; ибо нигде вблизи каменных ломок не имеется. Здание было занесено на большое пространство и выложено до половины окон; вокруг на довольном расстоянии лежат такие же большие камни, а часть их разбросана в одном направлении, по пути к зданию с поля. О древности этой постройки свидетельствуют вековые деревья, растущие внутри его, и давно поросшие мохом стены. Народное воображение населяет это таинственное место духами, называя его Чёртовым городищем».

Однако, ни на одной известной нам старой карте XVIII — начала XX веков урочище не обозначено. Научное изучение урочища началось в начале XX столетия в качестве интереснейшего природного объекта и продолжается до сих пор (ботаник А. Е. Жадовский, почвовед Р. С. Ильин, геологи И. И. Кромм, В. П. Есипов, геоморфолог В. П. Новиков и др.). С 1987 года оно получило новое звучание в качестве уникального археологического объекта. Во-время обследования урочища экспедицией Института археологии АН СССР под руководством А. С. Фролова здесь был обнаружен и исследован археологический памятник — городище, т. е. укрепленное в древности поселение. В 1992 году на городище были проведены первые археологические раскопки. С 1999 года и до 2012 года археологические исследования в урочище и его окрестностях проводились Калужским

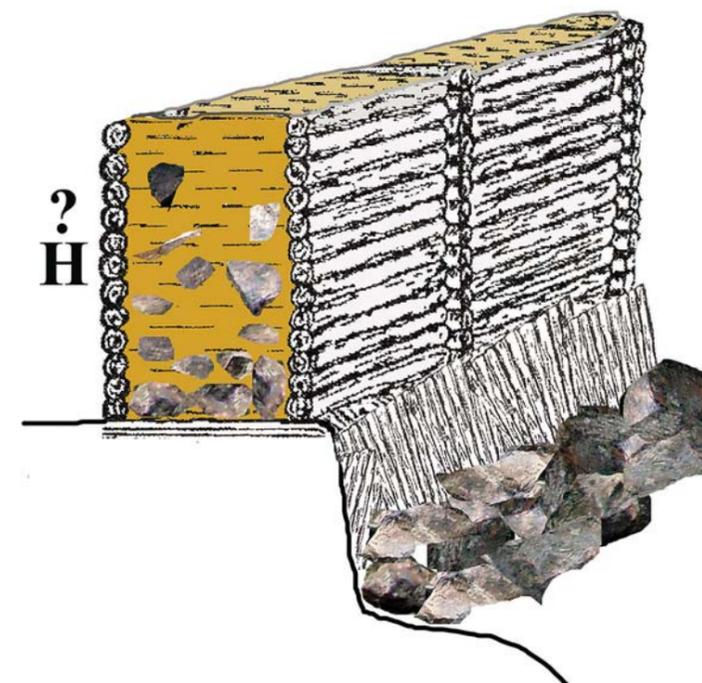

Археологические раскопки на городище в 2012 г.

областным краеведческим музеем, а затем Институтом археологии РАН совместно с Национальным парком «Угра».

Наибольший интерес из комплексов памятников археологии, открытых в урочище и его ближайших окрестностях, представляет само городище. Городище находится на высоком скалистом мысу правого берега р. Чертовская, на высоте 15–24 метра над уровнем воды. С восточной и южной сторон площадки мыса сохранились остатки оборонительных сооружений в виде земляного вала высотой до 2,5 метра. В северо-восточной части вала имеет разрыв шириной около четырёх метров — следы древнего въезда на поселение. Перед валом с напольной стороны сохранился оборонительный ров глубиной до двух метров.

Степень научной изученности городища, знаменитого своей древней языческой легендой, ещё не столь высока, как многих других древних поселений. В результате археологических раскопок здесь исследована незначительная часть культурного слоя памятника, а также остатки оборонительных сооружений — валов и склоны мыса. На городище пока не обнаружено каких-либо остатков построек или же их следов. Косвенным свидетельством их существования являются немногочисленные находки кусочков глиняной обмазки, применявшейся в древности при строительстве жилых, хозяйственных и других сооружений.

Предполагаемая реконструкция восточных укреплений

Вал городища и следы древнего въезда

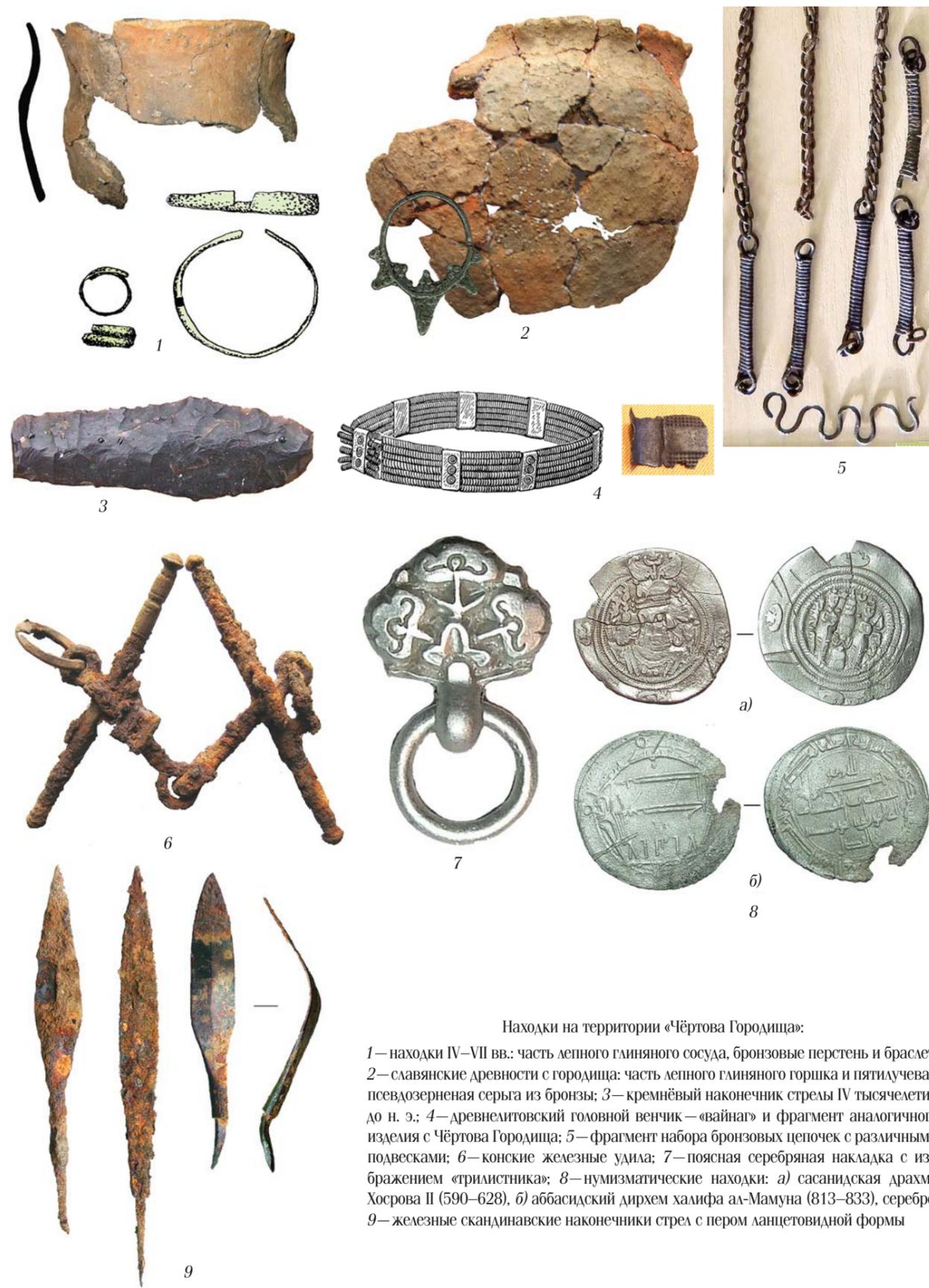
Особенно важным моментом при раскопках является изучение культурного слоя, который выражен здесь достаточно слабо — это верхний слой грунта (лесной подзол) толщиной 15–20 сантиметров. Однако даже при такой слабой мощности культурный слой этого городища содержит многочисленные находки.

По хронологии они делятся на три группы. Первая группа включает предметы эпохи каменного века (VII–IV тысячелетия до н.э.), составляющие всего 1% от общего числа всех находок. Это самые древние находки на городище! Представлены такими кремнёвыми орудиями, как наконечник стрелы, скребки, скобели, ножевидные пластины. По мнению исследователя эпохи каменного века А. С. Фролова, «наличие обработанных человеком кремней на данном мысу, занятом впоследствии городищем, явно свидетельствует о существовании здесь небольшой кратковременной (?) стоянки мезолитических охотников».

Вторая группа представлена находками III–VII веков, которые составляют только 5% от всей массы найденных здесь артефактов. Большой интерес представляют находки фрагментов лепных, сделанных ещё без применения гончарного круга глиняных сосудов — горшков и мисок, характерных для населения этого времени на территории всего верхнего Поочья. Кроме керамики, с данным этапом жизни на поселении связаны находки таких украшений, как проволочный браслет и полуспиральное кольцо, выполненные из бронзы. К этому же времени относится и ряд находок предметов быта (глиняные пряслица, железные ножи) и вооружения. В числе последних — железные трехлопастные наконечники стрел и наконечник копья с пером ромбовидной формы.

Культурный слой городища в стенке раскопа

Находки на территории «Чёртова Городища»:

1 — находки IV–VII вв.: часть лепного глиняного сосуда, бронзовые перстень и браслет; 2 — славянские древности с городища: часть лепного глиняного горшка и пятилучевая, псевдозерновая серьга из бронзы; 3 — кремнёвый наконечник стрелы IV тысячелетия до н. э.; 4 — древнемитовский головной венчик — «вайна» и фрагмент аналогичного изделия с Чёртова Городища; 5 — фрагмент набора бронзовых цепочек с различными подвесками; 6 — конские железные удила; 7 — поясная серебряная накладка с изображением «трилистника»; 8 — нумизматические находки: а) сасанидская драхма Хосрова II (590–628), б) аббасидский дирхем халифа ал-Мафуна (813–833), серебро; 9 — железные скандинавские наконечники стрел с пером ланцетовидной формы

Каменные конструкции у подножия вала

Следы сгоревшей деревянной оборонительной стены

Предметы вооружения III–VII в. с «Чёртова Городища» в географическом плане имеют множество аналогий. Такие же наконечники стрел использовались в Средней Азии и в обширной степной зоне от Южной Сибири до Подунавья. Наконечник копья более характерен для северной, лесной, полосы Восточной Европы.

Вопрос о том, кто жил на этом поселении в то далёкое от нас время, в смысле его этнической принадлежности остаётся пока открытым. По мнению специалиста по археологии и этногенезу славян и балтов В. В. Седова, основное население верхнего Поочья в первой половине — середине I тысячелетия н.э. принадлежало к «днепровским балтам».

И наконец, третья группа находок с «Чёртова Городища», самая многочисленная — 94% от всего числа найденных предметов, относится к позднему, славянскому, периоду этого поселения и датируется от рубежа VIII–IX веков до середины X века. Именно к этому времени относится наибольшее число разнообразных находок — украшений, деталей костюма, предметов быта, предметов вооружения и снаряжения боевого коня и многих других.

Для находок этого периода характерно то, что они чётко распределяются по нескольким этническим группам, т.е. характерны для разных народов, населявших Восточную Европу.

Так, находки, связанные со славянским населением и его культурой представлены грубой лепной глиняной посудой и украшениями. Основные формы посуды — это горшки и миски. Украшения представляют наибольший интерес. Это серьги в виде трёх и пятилучевых колец, выполненные из серебра в технике псевдозерни. Лучевые серьги (как их называют специалисты) с «Чёртова Городища» датируются концом VIII–IX в., а их прототипами являлись зерновые и псевдозерновые серьги Подунавья VII–VIII вв. Эти находки отражают ранний этап славянско-го освоения бассейна верхней Оки в IX в.

На городище найдены украшения, характерные и для финно-балтского населения Восточной Европы, которые отражают близкие контакты пришлового славянского населения как с финно-уграми среднего Поочья,

так и с местным населением. Ярким примером могут служить детали головных венчиков — вайнагов, украшенных пунсонным орнаментом. Название «вайнаг» происходит из прибалтийских языков: «vainags» — венчик (латыш.), «vainikas» — венчик, корона (литов.). Большой интерес представляет набор бронзовых цепочек с различными привесками, которые употреблялись в финно-балтской среде в конце I — начале II тысячелетия н.э.

Достаточно большое число находок — предметы вооружения и снаряжения коня, предметы быта, детали костюма и поясного набора, украшения — связаны с кочевническими или степными древностями. В своём роде уникальны конские железные удила, которые использовались во второй половине I тысячелетия н.э. в кочевнической среде. Другой редкой находкой является поясная серебряная бляшка-накладка (украшение пояса) с орнаментом в виде «трилистника». Находки этой группы свидетельствуют о тесных контактах местного населения с кочевниками-степняками.

Отдельного внимания заслуживают нумизматические находки. За годы исследований «Чёртова Городища» был собран целый комплекс восточных монет — аббасидских дирхемов, драхм и полудрахм. Самая старшая монета комплекса — сасанидская драхма Хосрова II (590–628), чеканенная в г. Нишапур в Иране, а самая младшая — аббасидский дирхем халифа ал-Мамуна (813–833), чеканенная в г. Самарканде в 813/14 г.

На городище изучался не только культурный слой с большим числом различных находок, но и остатки оборонительных сооружений в виде земляных валов. В 2006 г. был полностью прорезан восточный вал городища, где были обнаружены остатки сгоревшей и разрушенной древо-земляной стены. Возможно, это была стена из срубов, изнутри забитых грунтом. О её размерах судить достаточно сложно. Вероятно, её толщина составляла не более полутора метров. Ниже стены находился эскарп — вертикально подрезанный склон мыса, а каменные конструкции у его подошвы являлись дополнительным препятствием к стене.

Важным основанием для датировки фортификационных сооружений

городища являются сами оборонительные конструкции, которые содержат практически все строительные приёмы, характерные для укрепленных поселений славян IX–X веков.

Оборонительные сооружения «Чёртова Городища» сохранились в сильно обгоревшем состоянии. Остатки восточной стены практически сгорели дотла и частично рухнули вниз по склону. О пожаре ярко свидетельствуют и прослойки прокалённого докрасна песка, и обожжённые камни. Когда и в связи с чем произошло это событие, однозначно пока сказать нельзя. Вероятно, оно могло иметь место в первой половине X в.

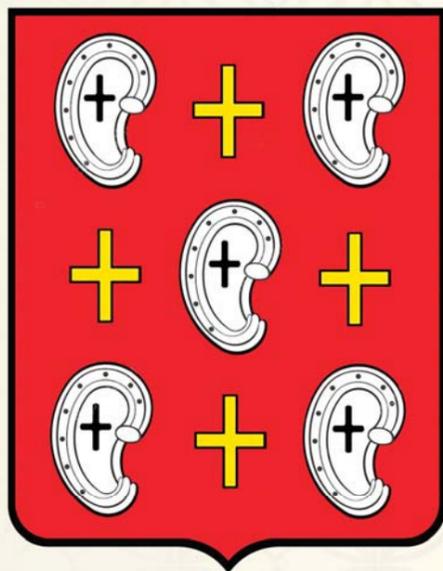
На вопрос — кто нападал и кто мог его защищать, однозначного ответа сейчас нет. Похоже, что это были не кочевники степей, создававшие в то время угрозу странам Восточной Европы и зарождавшейся тогда Киевской Руси. Согласно летописям, верхняя Ока во второй половине IX — первой половине X в. находилась под протекторатом Хазарии, которая облагала вятичей данью. Настоящая внешняя опасность возникла только в первой половине X в., когда Русь начала «окняжение», т.е. подчинение отдалённых от Киева славянских племён путём обложения их данью. Например, в Повести временных лет под 947 г. описано, как княгиня Ольга, идя в Новгород «устави по Мьсте погосты и дани и по Лузе оброки и дани», а за год до этого захватила и сожгла древлянский Искоростень.

Возможно, что и в военном конфликте на «Чёртовом Городище» принимал участие отряд из дружинников. В числе многочисленных находок, связанных с дружинной средой, выделяется группа наконечников стрел с пером ланцетовидной формы, характерных для IX–X вв. Такие наконечники стрел появляются в Европе ещё в VIII в. и очень широко применялись в Скандинавии. В Восточной Европе их находки связаны с дружинной средой.

Единственное предположение о том, что представляло собой это укрепленное поселение в IX в., на настоящем уровне его изучения заключается в определении его в качестве культового места, а возможно, и убежища. Аналогий подобному поселению этого периода на верхней Оке пока неизвестно. ■

ГЕРАЛЬДИКА

СЛАВА И ДОБЛЕСТЬ КОЗЕЛЬСКА!

«Мал Козельск городок, да старше Москвы на годок». 1146 год — именно эта дата упоминается в Новгородской летописи и считается годом «рождения» Козельска. Город был основан на месте древнего поселения славян-вятичей. Первоначально принадлежал Черниговскому княжеству. Затем, пройдя через княжескую междоусобицу, отошел к Новгород-Северскому, выделившись в самостоятельный удел. Первым князем, получившим Козельск во владение, был Мстислав Святославич. Участвовал в сражениях с половцами. В 1223 году вместе с сыном привел свои полки на реку Калку, где оба погибли в битве с татарами. Козельск перешел к малолетнему сыну князя Мстислава, Василию. Но ему не пришлось долго править в своем уделе.

Козельск получил известность мужественной семинедельной обороной весной 1238 года против войска хана Батюга, все защитники погибли, город был уничтожен. Позже Козельск вошел в состав Карачевского княжества. Во второй половине XIV в. город находился во владении Литвы, с 1494 г. в составе Московского государства.

Иван Грозный включил Козельск в опричнину, при нем город был окружен новой деревянной крепостной стеной. В 1610 году был разграблен польско-литовскими войсками. В 1708–1713 гг. Козельск находится в составе Смоленской губернии. С 1713 года в Московской губернии, с 1719 года — в Калужской провинции. С 1776 года — уездный город Калужского наместничества (позднее — губернии). 8 октября 1941 года Козельск был оккупирован немецко-фашистскими войсками. 28 декабря 1941 года войсками Западного фронта в ходе Калужской операции город был освобожден.

Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2009 года за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества, городу Козельск присвоено почетное звание Российской Федерации — «Город воинской славы».

В соответствии с Указом Президента РФ в городе была установлена стела Воинской славы с изображением исторического герба Козельска.

Исторический герб Козельска был Высочайше утвержден 10 (21) марта 1777 года императрицей Екатериной II вместе с другими гербами городов Калужского наместничества (ПСЗ, 1777, Закон № 14596). Автором

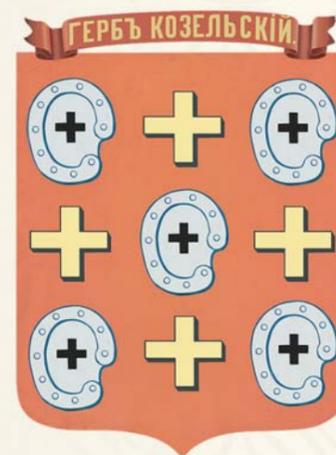
исторического герба Козельска являлся герольдмейстер, князь М. М. Щербатов.

Подлинное описание герба города Козельска гласит: «Во время нахождения Батюга в Россию, сей градъ бывъ удѣломъ малолѣтняго Князя Василія Титыча, былъ осажденъ Татарскими войсками, и хотя малолѣтство Князя являлося бы должествовать ослабить его жителей, но вѣрность ихъ къ Государю, превозмогая въ нихъ всѣ другіе чувства, они разсудили съдѣлать вылазку и общесъ Княземъ погибнуть или спастися. Сіе ими исполнено было, но отъ превосходящаго числа Татаръ были всѣ побиты. Въ напомяніе сего приключенія, въ гербъ имъ полагається: въ червленомъ полѣ, знаменующимъ кровопролитіе, на крестѣ расположенные пять серебряныхъ щитовъ съ черными крестами — являющіе храбрость ихъ защищенія и несчастную судьбину — и четыре златые креста — показующіе ихъ вѣрность».

В советский период герб Козельска (1777 года) не использовался.

3 мая 2012 г. решением Козельской Городской Думы за № 189 (с поправками от 24.05.2012 г. № 193) был утвержден герб Муниципального образования городское поселение «Город Козельск». Внесен в Государственный геральдический регистр Российской Федерации под № 7726.

Описание современного герба города Козельска гласит: «В червленом (красном) поле пять обремененных черным греческим (равноконечным отвлеченным) крестом серебряных фигурных тарча (2–1–2) перемежаемых четырьмя золотыми греческими крестами. Щит увенчан золотой башенной короной о трех видимых

Исторический герб Козельска 1777 г.

Герб Козельской ракетной дивизии

Герб Козельска на монете номиналом 10 рублей, из серии «Города воинской славы»

зубцах с двумя обнаженными, скрещенными за короной мечами с серебряными клинками и золотыми рукоятками и ободом, усыпанным самоцветами».

Герб города Козельск может воспроизводиться как со статусной короной установленного образца, которая соответствует статусной короне города воинской славы (скрещенные за короной мечи) и бывшего административного центра Козельского княжества (цветные камушки на ободке короны), так и без неё.

За основу герба муниципального образования «Город Козельск» взят исторический герб города Козельска Калужской губернии, утвержденный 10 марта 1777 г.: «Красный цвет — символ мужества, красоты, жизни».

Черный цвет в геральдике символизирует благоразумие, мудрость, скромность, честность и вечность бытия.

Серебро в геральдике — символ чистоты, мудрости, благородства, мира, взаимосотрудничества.

Золото — символ богатства, величия, прочности, интеллекта и прозрения».

В авторскую группу, занимавшуюся разработкой современного герба города Козельска, вошли: реконструктор гербовой символики Константин Моченов (г. Химки), столичные художники и дизайнеры: Роберт Маланичев, Ольга Салова и Сергей Исаев.

В 2008 году Приказом командующего ракетных войск стратегического назначения ВСН был учрежден герб Козельской гвардейской Краснознаменной ракетной дивизии, в основу которого положен элемент герба города Козельска — серебряный щит с черным крестом, обозначающий место дислокации соединения.

1 августа 2013 года Банк России выпустил памятную монету номиналом 10 рублей, серии Города воинской славы на реверсе которой изображен герб города Козельск. ■■

В декабре 2009 г. Козельску было присвоено звание «Город воинской славы»

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ЭТЮДЫ

«СТУЧАЛИ КОЛЁСА, МЕЛЬКАЛИ ОГНИ...»

Рассказ-хроника

Сергей Денисов,
член Союза фотохудожников России

В Москве он с трудом взял билет до Брянска, а ехал почему-то один в купе, а может, и во всём вагоне. Надвигались сумерки, колёса выстукивали бесконечную мелодию. «Убегайте — догоняйте, убегайте — догоняйте. Трам-та-та-там, трам-та-та-там...».

Николай Васильевич бездумно смотрел на пролетающие мимо полустанки, деревеньки, и, как сумерки на землю, лёгкая грусть опускалась

на душу командировочного. И трудно сказать, что тому причиной — одиночество ли в дальней дороге, тоскливые ли пейзажи за окном, а может, и мысль, что уже не тот возраст, чтоб кататься из Азии в Европу решать заводские проблемы...

— Стоянка две минуты, — прокричала проводница, и поезд затормозил.

— Калуга-2, — прочёл Николай Васильевич, и тут же в памяти засветились искорки давно отгоревших огней.

Калуга, начало шестидесятых. Кольке Рябинину семнадцать. Приехал из села Кудрина поступать в пединститут. В старинном здании, приятно прохладном после уличной жары, сдал документы седоватой женщине и взял записку в общежитие. Женщина быстро и чётко объяснила, как туда пройти, не учтя, правда, что Колька первый раз в городе. Под конец она показала направление рукой. Колька пошёл по азимуту.

«В старинном здании, приятно прохладном после уличной жары, сдал документы седоватой женщине и взял записку в общежитие...»

«На площади Карла Маркса утомлённая жарой женщина торговала газированной водой...»

Узкий проход, деревянная лестница вниз, два поворота и коридор. Аби-туриент моментально заблудился и, вернувшись, как ему казалось, к началу маршрута, высматривал, у кого бы спросить. Послышалась музыка, вернее, несколько фривольных аккордов на фоне. Колька потянулся на звук, поднялся на этаж. Звуки стали слышнее. Задиристый юношеский голос с чувством запел:

В Кейптаунском порту
С какао на борту
«Жанетта» оправляла такелаж.
И прежде чем уйти
В далёкие пути,
На берег был отпущен экипаж.

Песня доносилась из приоткрытой двери в актёрский зал. Окна были занавешены, и в полумраке был еле виден парнишка, сидящий за пианино.

Но тут ворвался в порт
Французский теплоход
В сиянии своих прожекторов.

Глаза привыкли к полутьме. Пел загорелый юноша спортивного вида. На нём были светлая майка с ярким рисунком на груди и узкие, в обтяжку,

брючки. Судя по одежде, это и был тот самый «стиляга», которым пугали в школе пионер- и комсомольцевожатые.

И кортики достав,
Забыв морской устав,
Они дрались, как тысяча чертей...

Но Кольке парень нравился всё больше, как и песня, кончившаяся на совсем трагической ноте: четырнадцать французских моряков не вернулись на борт, погибнув в честной пьяной драке. Парень не собирался расслабляться и продолжал так же самозабвенно молотить по клавишам. Теперь пошла классика — много раз слышанный по радио «Танец маленьких лебедей». Но, к изумлению слушателя, у этого балета оказались слова:

По стенкам бегают клопы (два раза)
Туды-сюды (два раза).

Колька громко захохотал. Певец вскочил и тревожно оглянулся. Но тут же успокоился:

— Это ты, — сказал он, будто знакомому. — А меня тут гоняют, не дают лабать. Вообще-то у меня дома пианино есть, но там тоже... Петь

не дают, не наша, говорят, тематика. Ты что, поступаешь? На какой?

— На физмат думаю.

— А я на исторический. Олег, — и протянул руку.

Они вместе сходили в общежитие, где Колька отметил и оставил свой чемоданчик. Пошли посмотреть город. На площади Карла Маркса утомлённая жарой женщина торговала газированной водой.

— Кутить так кутить! — сделал картинный жест Олег. — Дайте два без сиропа!

От холодной газировки у Кольки схватило желудок. Вспомнил о хлебе насущном — из дома-то ушёл в половине пятого утра, а сейчас давно за полдень. Зашли в студенческую столовую. Там ждал сюрприз: «Закрыто на обед».

— Как же так, на обед — и вдруг закрыто?

— А пошли ко мне, я тоже не обедал. Живу рядом, мать дома, накормит, знаешь как — не то что в столовой!

Как ни отнекивался Колька (неловко вот так сразу, да и не принято в деревне за чужой стол садиться), а всё же Олег уговорил. Жил он

«Жил он тут же на улице Ленина в солидном, довоенном ещё доме...»

тут же на улице Ленина в солидном, довоенном ещё доме. Однако трёхкомнатная квартира показалась Кольке тесноватой.

Он не знал, что здесь живут всего трое, а не шестеро, как у него дома. В гостиной, где оставил его Олег, Кольку сразу же привлёк книжный стеллаж во всю стену. Столько книг он видал только в библиотеке. Но что это были за книги! Собрание Джека Лондона, Марк Твен, весь «Кожаный чулок», «Три мушкетёра», «Айвенго», Жюль Верн, А. Толстой, Ян... Глаза разбегались, и дух захватило. Не выдержав, доставал и листал совсем незнакомые «Ночной полёт»

Экзюпери, «Колыбель для кошки» Воннегута, «Саламину» Кента. Листая, в то же время слышал где-то на кухне недовольный женский голос и принял его на свой счёт. Хотел потихоньку выскользнуть из квартиры, но Олег его задержал и отвёл на кухню:

— Садись, сейчас рубанём. А это, не обращай внимания, ты тут ни причём. Познакомься, Юлия Григорьевна. А хочешь, зови просто тётя Юля. Юлия Григорьевна улыбнулась и поставила перед ребятами тарелки. Потом появился суп, сыр, котлеты, и друзья застучали ложками.

— Чай сами нальёте. — И хозяйка исчезла.

«Пошли "привыкать к городу". На входе в парк взяли билет на танцы...»

— Ничего, что я тут? Неудобно как-то.

У Кольки всё не проходило чувство неосознанной вины.

— Да что ты опять! — резко сказал Олег, но тут же заговорщически придвинулся.

— Тут такое дело. Отец работает на ликёроводочном, главным инженером. Ходит с портфелем. Там у него бумаги, да мама обед ему кладёт. А в портфель каждый день бутылку коньяка ставят. Он ругается, а они так наловчились незаметно подсовывать, что он даже не знает кто. То ли в цеху, то ли секретарша, то ли ещё кто.

— Да-а, — наивно протянул Колька. — Так ведь и спиться можно, алкоголиком стать.

— Не в этом дело. Отец вообще не пьёт. Даже по праздникам. А ты представь, сколько в году рабочих дней — куда такую прорву бутылок девать? Вот мама их выливает в толчок, а бутылки бьёт и выносит в мусорку, да ещё так, чтоб соседи не видели. Вот и сегодня подняла портфель...

Колька молчал, потрясённый. Город всё больше удивлял его. В каком-то оглушённо-приподнятом состоянии он засобиравался.

— Пойду в общагу, занимаюсь. Завтра экзамен. В десять.

— У нас тоже в десять. Сочинение. Да ладно ты, погоди. Маг послушаем. У меня «Бич-Бойс» есть, Холидей, Чибби-Шейкер...

Непривычные для деревенского слуха «забугорные» песни не произвели на Кольку должного впечатления. Он «не врубился». Но посидели нормально, поговорили. Гость ещё порывался уйти, но Олег вдруг предложил:

— А пошли в «Центральный» на танцы. За два часа математику не выучишь, а тебе к городу привыкать надо. Похилиаем до броду, как говорится, всё равно уже вечер.

Пошли «привыкать к городу». На входе в парк взяли билет на танцы. Съели по мороженому, и тут заиграл оркестр. Деревянная площадка, выгороженная в уголке небольшого парка, быстро заполнялась. По сравнению с деревенским «пятакком» и гармошкой всё было ослепительно красиво: нарядные молодые люди, гуляющие по аллее пары, фонари в листве деревьев, не говоря уж о духовом оркестре, разместившемся на эстраде под двумя уютными липами.

У входа на танцплощадку стояла компания ребят, в которой выделялся светловолосый малый с совершенно белыми бровями. Он развлекал свою шоблу грубыми шутками. Кольку покорило, когда тот развязно остановил высокую девчонку, поднимавшуюся на площадку:

— Скажите, пожалуйста, вы в кавалерии не служили?

Девчонка уже, видимо, сталкивалась с этим типом и пошла в атаку:

— Что, Седой, хочешь сказать, у меня ноги кривые? — Она-то знала, что ножи у неё точёные.

Но «Седому» это и надо было:

— Нет, морда лошадиная! — И громко захохотал.

Девчонка готова была ему выцарапать глаза, но ушла, сдерживая бессильную ярость. Кольке показалось, что не всё здесь так распрекрасно, розовое сиянье немного померкло.

Два мальчика, по виду, пятиклассники, которым на танцах нечего было делать, собрались уже уходить, но вдруг стали гримасничать и показывать руками на ограду:

— Смотри, Фомич лезет, ну даёт Фома! Сейчас начнётся!

Со стороны двора, к которому примыкал парк, на ограду танцплощадки взобрался, как кошка, тощенький пацанок. В его загорелой рожице было что-то обезьянье. Он балансировал на железной оградке, жестикулируя и напевая про себя. Танцующие посмеивались, предвкушая развлечение. Колька решил, что Фомич — здешний озорник и клоун, каких в школе называют шкодягами. Появились трое парней с красными повязками на рукавах. Один стал у входа, в тени дерева, а двое вроде бы равнодушно прохаживались по аллейке.

«Обезьяна» тем временем важно уселась на кирпичной опоре ограды, посверкав протёртыми локтями, и достала из кармана пачку сигарет. Не какую-нибудь там «Приму» или «Дымок», а иностранную с фильтром. Тогда они только начали появляться и считались или высшим шиком, или, напротив, выкрутасами зажавшейся буржуазии. Помахав сигаретой, Фомич достал такую же шикарную зажигалку и стал ею чиркать, явно собираясь закурить. Друзинники уже неприкрыто следили за артистом. Он был на грани двух нарушений, за которые его нужно было ловить и наказывать.

«...всё было ослепительно красиво: нарядные молодые люди, гуляющие по аллее пары, фонари в листве деревьев...»

«...не говоря уж о духовом оркестре, разместившемся на эстраде под двумя уютными липами...»

«Оркестр звенел золотом труб. Танго, вальс фокстрот, пасодобль...»

На танцы проходили по билетам, а у Фомы билета не было. Но он-то ещё сидел на заборе. Здесь было запрещено курить, но он ещё так и не закурил. Публика смеялась на пасы дружинников, а мальчишка только входил во вкус. Он-таки закурил, отводя в сторону руку с сигаретой, а другую уперев в бок, изящно выпускал струю дыма.

— Фомичёв! — крикнул дружинник. — А ну слезай! Здесь не курят! — и засвистел.

Фомич даже не обернулся.

Он несколько раз перебежал по железной ограде от столба до столба, останавливаясь и задумчиво дымя сигаретой. Дружинники бегали вслед по площадке и по аллейке, свистя и мешая танцующим. Выглядели при этом совсем не солидно. Вдруг Фомич, будто вспомнив что-то, прыгнул с забора чуть ли не в руки третьему дружиннику. Но поймать его было непросто — увёртлив, чертёнок. Ещё секунда — и он смешался бы с толпой гуляющих, но тут неожиданно ловко белобрысый выставил ногу. Фомич

«Они шли по улице Ленина, и конца ей не было видно...»

грохнулся об асфальт. Приподнялся и, стоя на коленях, потрогал разбитое плечо. Из носа и ссадины на лбу текла кровь. Дружинники подняли его и повели к двери с надписью «Штаб ДНД».

Колька бросился к белобрысому, но Олег крепко схватил за руку и с трудом удержал, показав кивком на рослых дружинников. Колька ещё подёргался, но всё же остыл. Олег говорил:

— Ты будешь в милиции чалиться, а завтра экзамен. А парня сейчас отпустят, только лекцию прочитают да сигареты отберут.

В самом деле, минут через десять мальчишка вышел из штаба, опустив голову, украшенную пластырем. Колька перевёл взгляд на белобрысого. Тот весело танцевал танго, продолжая изрыгать свои пошлые остроты.

Оркестр звенел золотом труб. Танго, вальс фокстрот, пасодобль... Олег кружился и успевал кивать знакомым. Здесь он был своим. Колька скромно жался у стенки, но Олег подвёл его к тоненькой девочке в очках:

— Николай — Марина. — И умчался.

И Николай больше не пропускал ни одного танца, не давая передышки Маринке. Впрочем, держась за тонкую талию, он не выпускал из вида белую голову над чёрным пиджаком.

Заиграли «Марш юных нахимовцев» — это был сигнал к окончанию танцев. Олег взял под ручки Лялю и Маринку, Колька помахал им рукой. Олег ответил долгим взглядом и покачал головой. «Седой» не торопился, стоял под липой с девушкой и чего-то ждал. Подбежала ещё девочка, и тогда они втроём пошли на выход. Колька держался позади, не привлекая к себе внимания. После грома музыки и толпы город поразил уютом и спокойствием. Редко когда проезжал автомобиль или троллейбус. Тихий вечер переходил в ночь. От стен домов ещё отдавало теплом, но уже чувствовалась ночная свежесть. Парень шёл молча, наверно, кончился запас пошлятины, подумал Колька. Девчонки переговаривались потихоньку, иногда принимались напевать. Колька не предполагал, что город такой большой. Они шли по улице Ленина, и конца ей не было видно. Свернули вправо, и ночным ветерком донесло густой аромат хлебной закваски. «Пекарня близко», — подумал Коля. Его уже утомило

хождение, но он вспоминал пацана, размазывающего по лицу кровь, и кулаки его сжимались сами собой.

Но вот одна из девушек юркнула в калитку палисадника, и на крыльечке низенького домика вспыхнул свет. Оставшаяся парочка повернула назад.

«Провожание. Вторая серия», — понял Колька, стоя в тени тополя.

Вторая серия оказалась ещё длинней. Пересекли главную улицу, шли дворами, вдоль кладбищенской стены, опять свернули и пришли к двухэтажным кирпичным домам. Девчонка впорхнула в дом, а белая голова над чёрным костюмом осталась у входа, шурша папиросами. Колька, больше всего боявшийся упустить «объект», так и высочил на него.

— Ты, — сказал блондин, — откуда сорвался?

— Я к тебе. Спросить хотел.

— А по роже ты не хотел?

После этого можно уже и драться, но главное было — объяснить за что. Иначе ничего не имело смысла. Колька подошёл совсем близко.

— Чего тебе Фомич сделал? Чем обидел?

— Ух ты, шкет! — белобрысый положил папиросу в карман. — Ты сейчас у меня на забор полезешь, кукарекать будешь!

— А всё же? — Колька лез на рожон, это была его манера. Зная, что

«Но вот одна из девушек юркнула в калитку палисадника, и на крыльечке низенького домика вспыхнул свет...»

его невысокая и щуплая фигура не внушает уважения, он пользовался этим маленьким обманом. Противник расслаблялся, думал решить всё одним ударом. Кольке хотелось, чтоб здоровяк, почти на голову выше его, разозлился и начал первым.

— Я спросил. Ответь!

— Отвечаю! — «Чёрный пиджак» резко занёс свой кулачище, но тут же, получив в солнечное сплетение и в челюсть, упал в пыль.

— Вставай, костюм помнётся, — Колька уже представлял, как сейчас

отметелит этого гада. Его злость вырвалась наружу, но лежащего он бить не собирался.

Белобрысый валялся на земле, и удивлённое лицо его становилось всё более сосредоточенным. Вдруг он вскочил и, быстро пробежав по двору, скрылся за домом. Этого мститель не ожидал и стоял в полной растерянности.

— Эй ты, Робин Гуд! — послышался сверху насмешливый голосок, и знакомая уже девичья фигурка выглянула с балкончика.

«Пересекли главную улицу, шли дворами, вдоль кладбищенской стены...»

«Колька ничего больше не стал ждать и побежал в темноту кладбища, то и дело натываясь на оградки...»

«Когда ещё «шёл по следу», он видел в глубине церковь. Теперь её силуэт на фоне неба помог сориентироваться...»

«Да ведь это брат и сестра, только она рыжая, а он альбинос», — подумал Николай. — Послушай, ты беги скорее отсюда! Они же убьют тебя! — В голосе была тревога и отчаяние.

— Испугала, да не очень. Кто они-то?

— Да он же за Витохой побежал. Ты что, не здешний? Их вся улица знает, все боятся. Беги вон туда, на кладбище они не пойдут. Ну, уходи же, уходи скорей.

Где-то, не очень далеко, послышался рёв мотоцикла. Вопли девчонки всё же подействовали. Колька направился в сторону кладбища, но только перешёл двор, как туда влетел мотоцикл. Рулил высокий тощий малый с носатой, зверской физиономией. Он был босой, в одной майке и трусах. Сзади сидел белообрый в пыльном костюме с палкой в руке. Спрятавшийся за углом Николай разглядел отрезок железной трубы. «Прямо фашисты» — подумал он.

Дважды покружив по двору, мотоцикл выехал на улицу, а Робин Гуд побежал к кладбищенской калитке. Дошло наконец, что попал, мягко говоря, в рискованную ситуацию. Нужно торопиться — с улицы опять послышался мотоцикл. Николай толкнулся в дощатую калитку — она оказалась заперта. Перемахнул её и заметил рядом, в нескольких метрах, удобную дыру в заборе. Туда-то и подъехал мотоцикл. «Фашисты» по очереди заглянули в дыру — Колька вжался в калитку — потом поехали к дому. Когда наш партизан поглядел через щель между досками, там их было уже трое.

Витоха что-то бессвязно выкрикивал, блондин нервно сжимал трубу и ударял ею по ладони, а третий, неизвестно откуда появившийся мужичонка, жестикулировал и показывал в сторону кладбища. Мотоцикл валялся на боку в траве.

Колька ничего больше не стал ждать и побежал в темноту кладбища, то и дело натываясь на оградки. Когда ещё «шёл по следу», он видел в глубине церковь. Теперь её силуэт на фоне неба помог сориентироваться. Он вышел на широкий мощный проезд и добрался до железных ворот. С ужасным скрипом отворил дверцу и оказался на незнакомой улице.

Дальше он шёл только по наитию. Иногда ему казалось, что вот сейчас выйдет к институту, а иногда — что окончательно заблудился. К общежитию пришёл, когда на востоке стало светлеть. Долго стучал в дверь, но он не знал, что тётя Дуся славилась терпением. Наконец дверь приоткрылась:

— Фылюган! Ты знаешь, сколько время? Три часа. Щас милицию позову. Читай вот!

Дверь захлопнулась. На ней была табличка: «Вход с 8 до 23 ч.». Приютилась косая, покрытая росой скамейка под окном тётки Дусиной дежурки.

Десять часов. Продрогший за утро Николай сидит за ученическим столом в ряду абитуриентов. Перед ним листы, проштампованные институтской печатью. На доске чернявый, похожий на цыгана преподаватель пишет два варианта задач. Рябинину достался первый. В окно жарит летнее солнце, приятно разливаясь по телу успокоительным теплом. Задачи незамысловатые, он берёт их одной левой, не нужно торопиться. Главное — сосредоточиться, сосредоточиться...

Проснулся он от лёгкого толчка в плечо.

— Как почивали? — цыган явно сдерживал своё возмущение, но только не своё остроумие. — Вам кофе в постель или как?

Колька вскочил, обвёл сонными глазами смеющиеся лица и вышел из аудитории. На этом закончились калужские воспоминания. В тот же день он забрал документы и уехал домой.

Поезд мчался сквозь ночь. Проехали Кромино, Воротыньск, Бабынино...

Когда-то это была дорога домой. Давно, очень давно не был дома Николай Рябинин. Остались там братья и сестра, но вот уже лет двадцать о них ни слуху ни духу. Когда потерял

«Он вышел на широкий мощный проезд и добрался до железных ворот. С ужасным скрипом отворил дверцу и оказался на незнакомой улице...»

он связь с домом — когда умерла мама или когда завёл свою семью? Жизнь не баловала. Что Калуга — так, эпизод. Единственное, что он понял тогда — не откладывай на потом то, что нужно сделать сейчас. И после, когда уже учился в Московском политехническом, увидев в кафе, как негр ударил по лицу девушку, не медля ни секунды, грохнул ему так, что тот не смог сам подняться. Рябинина скрутили, и его карьера загремела в пропасть. За осложнение международных отношений (негр кричал: «Мой папа работает царьком!») студент получил пять лет отсидки. Отбыл три с половиной, но ещё лет пять после ощущал клеймо на своей шкуре. Институт окончил заочно. Много поколесил,

пока не осел в многоэтажной сибирской деревне под названием Асбест, в которой вместо церкви возвышалась громадная, всегда коптящая труба и где жила та единственная, которую он так долго не мог найти.

Домашовка... Поезд рассекал пространство, мчал его мимо воспоминаний юности, мимо детства. Где-то читал: твой дом там, где твоё сердце. А где моё сердце?

Прогрели по железному мосту. Внизу чуть блеснула в ночи речушка. Вдруг Рябинин засуетился, стал собирать вещи. Оделся, схватил чемодан и выскочил в тамбур. «Кудринская» — мелькнуло и погасло, поезд даже не замедлил ход. Только огни, как звёзды, уносились назад. ■

ЗНАМЕНИТЫЕ КАЛУЖАНЕ

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ МАЛИНИН — УЧЁНЫЙ, ИСТОРИК, КРАЕВЕД

Майя Добычина,
начальник управления по делам архивов Калужской области,
кандидат исторических наук

Среди ярких представителей исторической науки, внёсших значительный вклад в изучение общероссийской и региональной истории, важное место занимает калужский историк, краевед, архивист и музеевед Дмитрий Иванович Малинин. С его именем связана целая эпоха в научной, общественной, педагогической и культурной жизни Калужской губернии 1910-х — начала 1930-х гг.

Дмитрий Иванович Малинин родился 26 октября (7 ноября) 1879 г. в с. Тарасьево Лихвинского уезда Калужской губернии в семье сельского священника Ивана Ивановича и Марии Николаевны Малининых. Иван Иванович (1846–1926), после окончания Калужской духовной семинарии в 1868 г. прослужил 10 лет учителем в имении князя Львова (отца будущего кадета) в с. Поповке Алексинского уезда Тульской губернии, а 15 октября 1878 г. был рукоположён в священника к приходу церкви с. Тарасьева Лихвинского уезда Калужской губ. При его участии в с. Тарасьево была открыта церковно-приходская школа, где Иван Иванович преподавал Закон Божий, кроме того, состоял депутатом по училищно-епархиальным делам (1879–1882). Здесь прошли первые годы жизни Дмитрия Ивановича. В ноябре 1881 г. семья переехала в с. Неделино Малоярославского уезда Калужской губернии, так как туда получил назначение Иван Иванович. Здесь он также состоял законоучителем в неделинских мужском и женском

училищах, служил по выборам гласным Малоярославского земского собрания (1889–1892), был членом Малоярославского училищного Совета. Несколько раз И. И. Малинин получал благодарность от епархиального начальства за заботливость, усердную и полезную службу, губернского училищного Совета, а в 1891 г. благодарность Малоярославского училищного Совета «за заботливость о своевременной выдаче жалования учителям сельских школ». В Неделе проходили детские годы Дмитрия Ивановича и его братьев Сергея (р. 1881 г.) и Владимира (р. 1884 г.), здесь он обучался в Неделеинском земском училище, после окончания которого как сын священника поступил в Калужское духовное училище (1891), продолжив обучение в Калужской духовной семинарии (1895–1902). В последующие годы младшие братья будущего учёного также продолжали обучение в этих учебных заведениях. В 1895 г. отец Иван Иванович был переведён с семьёй в с. Устов Козельского уезда, где прожил до самой смерти.

Учёба в семинарии определила дальнейший путь Дмитрия Малинина. Известно, что он увлекался марксизмом (популярными тогда научным течением) и состоял библиотекарем марксистского кружка. Этот факт позволили отнести его к «неблагонадёжным». Отвергнув предложение поступить на казённый счёт в Духовную академию, Дмитрий Иванович делает попытку продолжить учёбу в Варшавском университете, но та самая «неблагонадёжность» оказывает ему плохую услугу и его не принимают. Тогда его выбор пал на Юрьевский (Тартуский) университет, куда Малинин благополучно поступил на историко-филологический факультет, проучившись с 1902 по 1907 г. Во время учёбы начинается научная деятельность Дмитрия Ивановича: вышла его первая значительная библиографическая работа «Что читать по русской литературе XIX в.», получившая положительный отзыв специалистов и впоследствии переизданная, а в 1908 г. под руководством профессора русской истории И. И. Лаппо Малинин успешно защитил магистерскую диссертацию на тему: «Реформы в системе прямого обложения населения Московского государства». К сожалению, материальные трудности не позволили начинающему учёному остаться в университете для подготовки к профессорскому званию. Имея звание учителя гимназии и прогимназии с правом преподавать историю, Малинин получает место (1907 г.) преподавателя истории в Екатеринославской Мариинской женской гимназии.

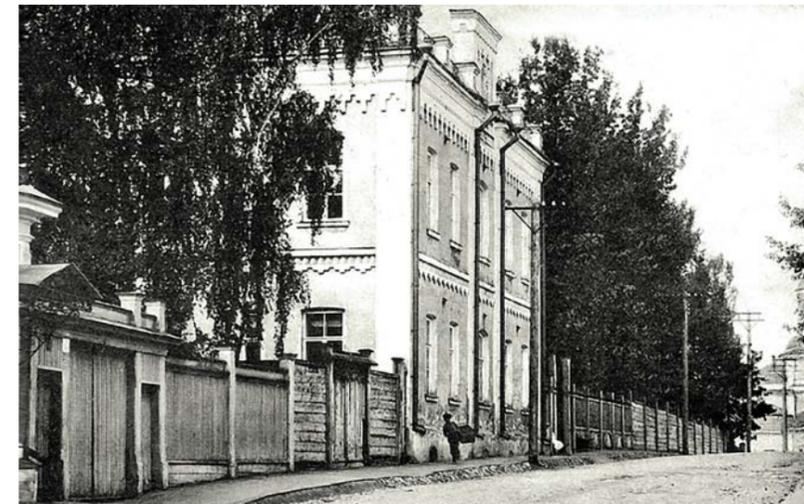
В 1909 г. Малинин возвращается в Калугу. Здесь он начинает свою научную, общественную и педагогическую деятельность: с 16 октября 1909 г. преподавателем истории в Калужском казённом реальном училище, в частной школе М. И. Шалаевой.

Он активно занимается с учащимися, читает лекции, проводит экскурсии. Уже весной 1910 г. в течение Великого Поста для учащихся устраивались чтения, для средней и старшей группы Д. И. Малинин должен был прочитать лекции по поводу 300-летнего освобождения Троицко-Сергиевой лавры, а в 1913 г. Дмитрию Ивановичу было поручено доклад о царствовании Дома Романовых на литературном вечере. С 1911 г. в училище действовала экскурсионная комиссия, которая ставила своей целью ознакомить учащихся с историческими местами России. Д. И. Малинин принимал активное участие в её работе, проводил экскурсии по достопамятным местам губернии, в губернский исторический музей и др. С 1 января 1916 г. Дмитрия Ивановича переместили с должности преподавателя параллельных классов училища на место преподавателя основных классов. После революции в октябре 1917 г. Калужское реальное училище стало называться 2-й советской школой II ступени, где Дмитрий Иванович продолжал работать до её закрытия в 1921 г.

В январе 1910 г. Дмитрий Иванович обратился с прошением в Калужскую учёную архивную комиссию (КУАК) о разрешении ему работать с документами губернского музея и вступить в члены КУАК. На страницах «Известий Калужской учёной архивной комиссии» появляется ряд его статей, основанных на использовании исторических источников, большинство

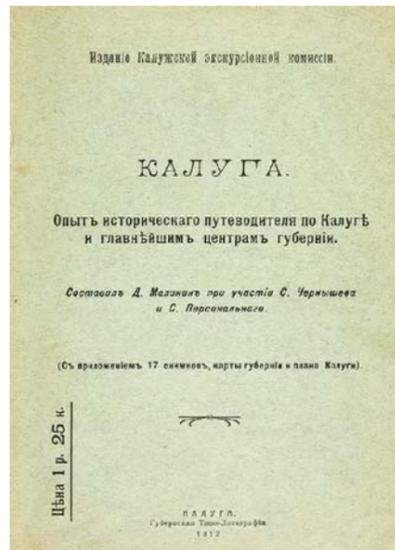
Здание Императорского Юрьевского университета, где в 1902–1907 гг. проходил обучение Д. И. Малинин

Здание Калужского казённого реального училища, где Д. И. Малинин работал преподавателем истории

Дом купцов Коробовых, где располагалась Калужская учёная архивная комиссия

Обложка знаменитого путеводителя Д. И. Малинина

Здание Казанского девичьего монастыря, где с 1926 г. располагался Государственный архив Калужской области. Фото 1965 г.

из которых впервые введены им в научный оборот. Знания Дмитрия Ивановича по истории родного края требовали обобщения, и он составил один из главных своих трудов, популярный и поныне «Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии». Впоследствии Малинин был действительным членом Русского географического общества, Нижегородской и Псковской учёных архивных комиссий, профессором Калужского отделения Московского археологического института.

Д. И. Малинин был одним из главных создателей Калужского общества истории и древностей (КОИД), которое образовалось в ноябре 1918 г. в результате слияния КУАК и учреждённого ранее «Общества охраны местных памятников художественной старины». Одну из главных задач общество видело в наблюдении за ходом реквизиции имущества, документов и библиотек у представителей дворянского сословия, с целью сохранения наиболее ценных предметов для музеев, архивов и библиотек. Благодаря работе общества, а его членами стали представители местной интеллигенции и научного сообщества, были спасены музейные ценности, архивные документы, проведены исследования историко-культурного наследия Калужского края.

В июне 1921 г. Малинин был назначен заведующим губернским архивным бюро, созданным в феврале 1919 г. Его предшественником, первым уполномоченным был А. В. Борисенков, возглавлявших архивную секцию КОИД. Приступил к своим обязанностям Малинин только в октябре 1921 г. Как и его предшественник, в донесениях в Москву неоднократно обращал внимание архивного руководства страны на неудовлетворительное положение дел в архивной сфере губернии, скудном финансировании, нехватке кадров, брошенных архивных документах в уездах губернии и т.д. В своей первой статье «Зачем берегут архивы и старые документы», написанной в должности заведующего архива в 1921 г., он показал важность развития в регионе архивного

дела, необходимость сохранения архивных документов. Это положение получило дальнейшее развитие в его других материалах. Благодаря деятельной натуре Малинина в архиве продолжалась научная работа. В свете пропаганды революционного прошлого, им были подготовлены к печати статья «Голод и русская общественность», отрывки «Из воспоминаний о кружке социал-демократического союза учащихся г. Калуги за 1905 г. Доминирующей темой научных исследований архивистов в 1924–1925 гг. стали революционные события 1905–1907 гг. в Калужской губернии. По этой проблематике Малининым и сотрудниками архива была опубликована серия статей. Кроме названных сюжетов учёным активно разрабатывались и другие вопросы региональной истории: история сёл, городов, предприятий, калужская периодика, положение отдельных социальных групп (рабочих, крестьян, учащихся).

8 мая 1923 г. Дмитрий Иванович был снят с должности заведующего и стал научным сотрудником губернского архива (до 1929 г.). Одновременно с работой в архиве он был директором Калужского областного музея (1924–1926) В конце 1925 — начале 1926 г. Малинин тяжело заболел у него случился приступ грудной жабы, а через несколько дней — инсульт, после которого остался паралич левой руки. К работе он смог вернуться только в августе 1926 г. В 1929 г. Дмитрий Иванович по состоянию здоровья, на котором сказались не только прежние болезни, напряжённая работа, но и наступление времени гонений на краеведение конца 20-х годов, вышел на пенсию. Через некоторое время он стал пенсионером персонального значения, получая 75 рублей. С этого времени до 1933 г. Д. И. Малинин работал дома, основное внимание сосредоточив на научной работе. В 1930 г. он был приглашён участвовать в работе Берлинского журнала по европейской истории, а в 1933 г. — в международной выставке исторической книги в Варшаве. Умер Д. И. Малинин в ночь

Четвёртые чтения памяти Д. И. Малинина. 16 ноября 2018 г.

на 16 ноября 1933 г. Похоронен на Пятницком кладбище Калуги. Могила сохранилась.

Дмитрий Иванович был женат на дочери священника Ольге Ивановне Сиротиной. Венчание происходило 5 ноября 1912 г. в церкви Богоявления в Калуге. У Дмитрия Ивановича и Ольги Ивановны была дочь Вера.

После себя учёный оставил огромное научное наследие (статьи, брошюры, рукописи, подготовительные материалы, научные доклады, сообщения и т.д.) в основном касающиеся истории Калужского края. Имя Малинина, глубокого знатока, энтузиаста и подвижника местного краеведения, ещё при жизни получило известность далеко за пределами края. Потомкам только предстоит оценить его вклад как в общероссийскую, так и региональную историографию. Отличающиеся многогранностью тематики исследования Малинина, относящиеся к разным эпохам и различным вопросам, имеют значения не только в узко краеведческом смысле, но и в плане изучения истории и культуры страны в целом.

Вопрос об увековечивании памяти ученого-краеведа ставился перед научной общественностью начиная с 1960-х годов. В начале 1960-х годов ученый-филолог В. И. Безъязычный предпринимал попытки по розыску архива Д. И. Малинина.

В конце ноября — начале декабря 1961 г. в Калуге силами краеведов было организовано собрание, посвящённое Д. И. Малинину, на котором В. И. Безъязычный выступал с докладом о его жизни и деятельности, призывая увековечить его имя, открыть доску на его доме, переиздать труды. Но дальше разговоров у тогдашней калужской краеведческой общественности не пошло.

В 1964 г. В. И. Безъязычный направил в областную газету «Знамя» статью к 85-ю со дня рождения Д. И. Малинина, но опубликована она была намного позже и в значительно переработанном виде.

В 1966 г. В. И. Безъязычный писал М. М. Днепровскому: «...Калуга оказалась в отношении памяти Д. И. Малинина преисполненной самой чёрной неблагодарности, ибо,

как и Вы, я хорошо представляю, сколь много сделал он для изучения калужской истории. <...> Я считаю своим долгом всегда подчёркивать его заслуги и сказать о нём доброе слово. В течение ряда лет мною собраны многие ценные документы, характеризующие жизненный путь Д. И., его полная библиография».

А вот несколько выдержек из переписки Ольги Ивановны Малининой с К. М. Ярхо в 1965 г.: «...Надо правду сказать, что Дмитрий Иванович не исторический деятель какой-то особенный, в большом масштабе, но в своё время для Калуги начал хорошее дело, его знали даже в Москве, к нему обращались за разными справками из Москвы...»

Только в 1990-е годы научная общественность Калуги, в условиях новых веяний поставила вопрос об увековечивании памяти учёного, историка, краеведа. В 1992 и 2004 г. была переиздана его работа «Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии».

12 ноября 1999 г. совместно Госархивом Калужской области и областным краеведческим музеем был проведён Научный Совет, посвящённый 120-летию со дня рождения краеведа. Это мероприятие ещё раз показало насколько велико имя Дмитрия Ивановича Малинина для Калужской земли, насколько богато и необходимо его научное наследие, насколько много ещё существует вопросов, в которых могла бы отразиться деятельность этого самобытного человека.

29 сентября 2001 г. На доме, в котором жил Д. И. Малинин открыта мемориальная доска.

7 ноября 2014 г. силами Калужского представительства Российского общества историков-архивистов, на базе Муниципального архива г. Калуги состоялось расширенное заседание посвящённое, 135-летию со дня рождения Дмитрия Ивановича Малинина.

Среди прочего было решено учредить научные чтения памяти Д. И. Малинина, которые проводятся ежегодно в ноябре начиная с 2015 г. 📖

АРХИВНАЯ ПОЛКА

ИВАН ГЕРАСИМОВ, ПО ПРОЗВАНИЮ КОРОТКИЙ, КРЕСТЬЯНИН КОЗЕЛЬСКОГО УЕЗДА КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ — УЧАСТНИК ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ 1855–1856 ГОДОВ

По материалам Государственного архива Калужской области

Алексей Зябкин,
директор ГКУ «Государственный архив Калужской области»

Документы, хранящиеся в региональных архивах, до сих пор приносят любопытные находки исследователям, изучающим историю российской провинции XIX века. Не являются исключением и фонды Государственного архива Калужской области.

В марте 2017 года с участием ГКУ «ГАКО» проводилась выставка почтово-филадельфических материалов, посвящённая 3-й годовщине референдума о возвращении Крыма в состав Российской Федерации.

При подготовке материалов к выставке вызвала интерес публикация в «Калужских губернских ведомостях» (номер от 27 августа 1855 года) письма Соловецкого архимандрита Александра калужскому губернскому предводителю дворянства (в период с февраля 1854 по декабрь 1856 года данную должность занимал статский советник Семён Яковлевич Унковский): «...в Северной пчеле № 123 увидел я статью Действительного Статского Советника Мансурова о геройском самоотвержении и мужестве крестьянина Калужской губернии, Козельского уезда, села Рождественскаго, деревни Слободки, владения Г. Генерал-Лейтенантши Викинской, Ивана Герасимовича Короткаго в Севастополе, на 5-м бастионе наряду с храбрыми воинами где сказано, что в награду за усердие Г. Генерал-Лейтенантша Викинская, помещица крестьянина Герасимова, выдала безвозмездно как ему самому, так и его семейству отпускную, которая и препровождена к Вам.

Прочитав эту статью, я заплакал. Какая искренняя любовь к престолу!

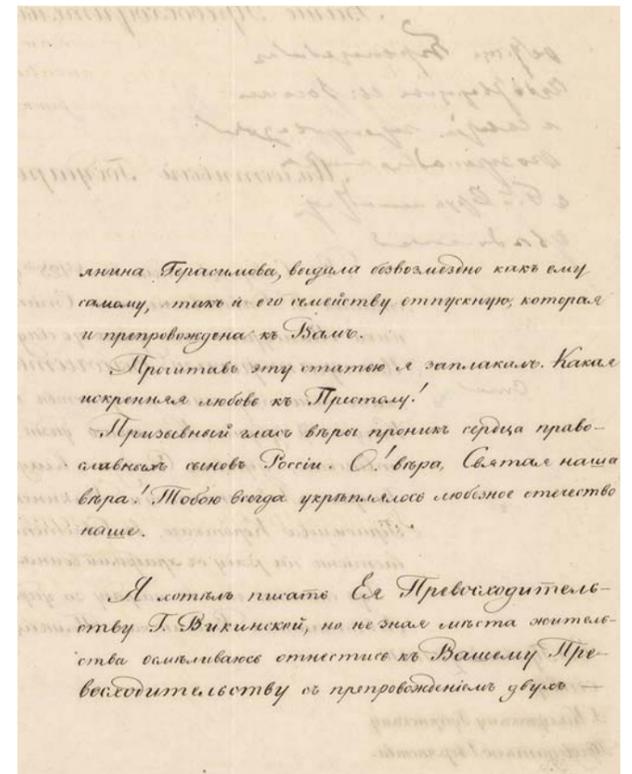
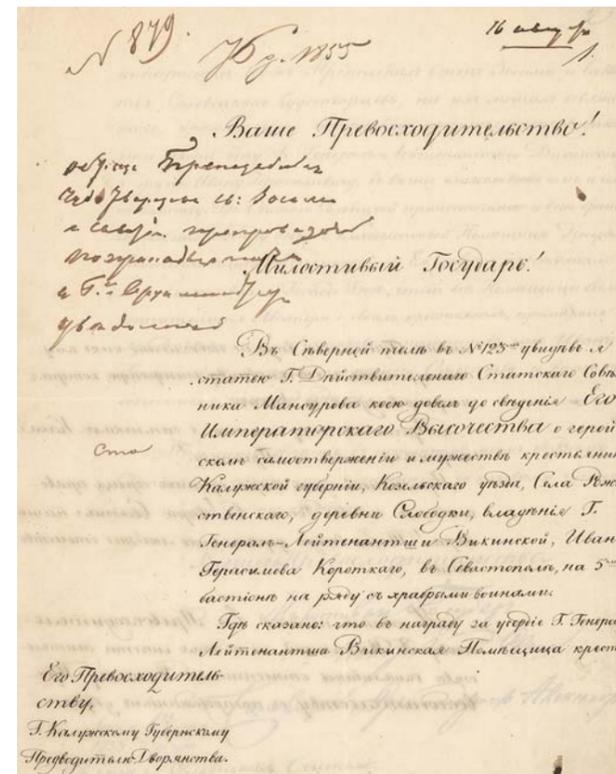
Призывный глас веры проник сердца православных сынов России! О! вера, святая вера. Тобою всегда укреплялось любезное Отечество наше.

Я хотел писать Ея Превосходительству Г. Викинской, но, не зная места жительства, осмеливаюсь отнестись к Вашему Превосходительству с препровождением двух кипарисных икон Преподобных Отец Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев, на их мощах освящённых, приемлю честь покорнейше просить: препроводить эти иконы одну генерал-лейтенантше Викинской, а другую Ивану Герасимовичу в вечное благословение им и их потомству.

В обители Соловецких принесено мною со всей братией моление Господу Богу о благочестивой помещице генерал-лейтенантши Викинской и ея добрых крестьянах. Да благословит Господь Бог, чтобы все помещицы были попечительныя матери о своих крестьянах, примерныя Христианки и имели таковых патриотов, как Иван Герасимович, на защиту нашего Отечества, и враги с бесчестьем изгнаны будут».

После прочтения данной публикации автору захотелось узнать, какой подвиг совершил наш земляк, действительно получил ли он и его семья вольную, и развить эту тему.

В архивном фонде калужского губернского предводителя дворянства имеется подлинник письма Соловецкого архимандрита Александра калужскому

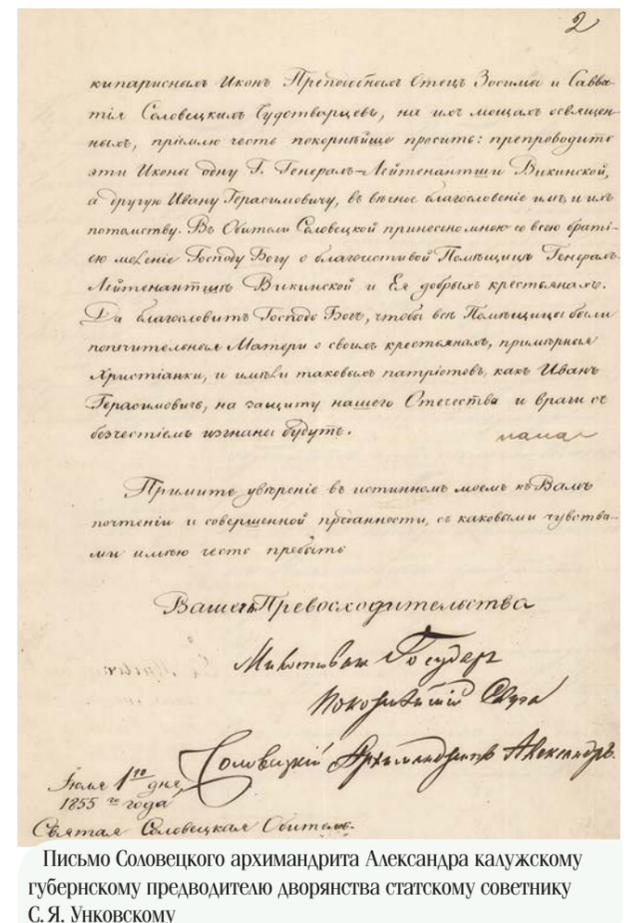
губернскому предводителю дворянства, опубликованного в «Калужских губернских ведомостях».

В хрестоматии «Калужский край. Книга первая» имеется ссылка на другую, более раннюю, публикацию в газете «Северная пчела» (от 5 апреля 1855 года № 72), в которой коллежский советник Мансуров доносит 17 февраля 1855 года из Севастополя: «14 февраля в присутствии смотрителя морских госпиталей майора Комаровского я осматривал бараки на северной стороне...»

В одной из палат в бараках я нашёл весьма замечательного человека, крестьянина Ивана Герасимова, по прозвищу Короткий. Он принадлежал к имению, бывшему во владении князя Голицына, Калужской губернии Козельского уезда с. Рождественского д. Слободки, от роду 35 лет. Горбатый, маленький ростом, черноволосый и, как сам он мне говорил: урод в семье, но с чрезвычайно живым и умным лицом. Он жил в Севастополе около 3 лет на заработке печником, по найму, у артельщика, имевшего казённые подряды, получал от 200 до 300 руб. ассигнациями в год, а оброка платил 75 руб...».

На сайте Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург) имеются цифровые копии обоих номеров газеты «Северная пчела» от 5 апреля 1855 года № 72 и от 7 июня 1855 года № 123.

В № 72 действительно имеется вышеуказанная публикация, а в № 123 опубликовано следующее: «В марте месяце сего года Статский Советник Мансуров дошёл до сведения ЕГО Императорского Высочества о геройском самоотвержении и мужестве крестьянина Калужской Губернии Козельского Уезда села Рождественскаго деревни Слободки, владения Генерал-Лейтенантши Викинской, Ивана Герасимова, по прозвищу Короткаго. Крестьянин этот, живший в Севастополе по найму

Калужский губернский предводитель дворянства С. Я. Унковский

Архимандрит Соловецкого монастыря Александр

у артельщика, имевшего казённые подряды, отправился с самого начала осады на бастионы, участвовал там в работах и наконец добровольно определился на 5-й бастион для помощи матросам — в чём встречалась нужда: таскал воду, землю, носил пищу и безотлучно находился при сражавшихся. Скоро после открытия огня Иван Герасимов ранен был в левое плечо штуцерною пулей, перевязался около самой батареи, и остался на своём месте, работая по-прежнему с отменной весёлостью; — другая пуля опять ранила его в ногу, но и эту рану он счёл пустою. И не уходил с бастиона; наконец, 9-го февраля, бомба контузила его в обе ноги и обожгла левое бедро, так что он с трудом мог ходить; и тут он, смеясь, перемогался два дня, но 12-го числа его отправили в госпиталь. 14-го числа Стацкий Советник Мансуров, видя его, был поражён его весёлостью. Герасимов смеялся над своими ранами, хохотал над неприятелем и просил только, чтобы его скорее выпустили на 5-й бастион.

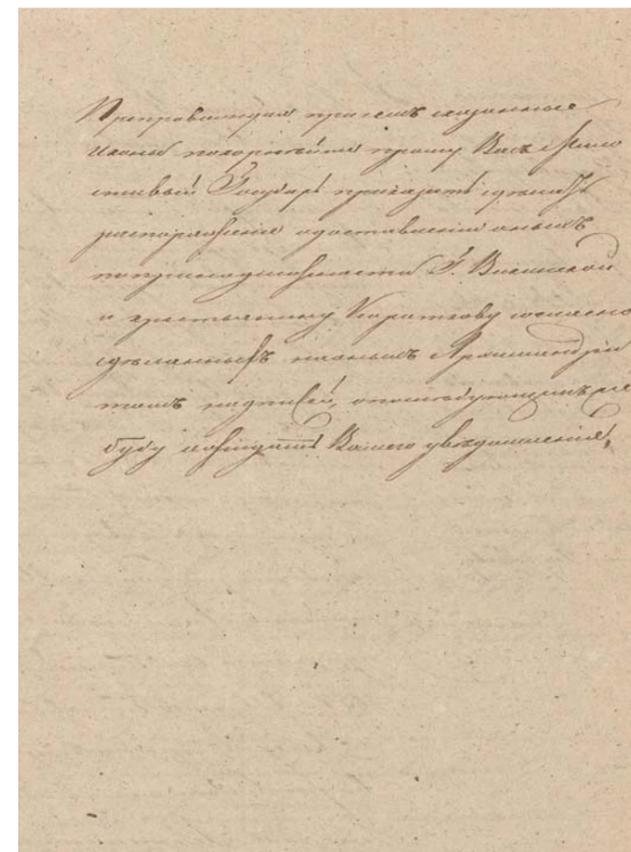
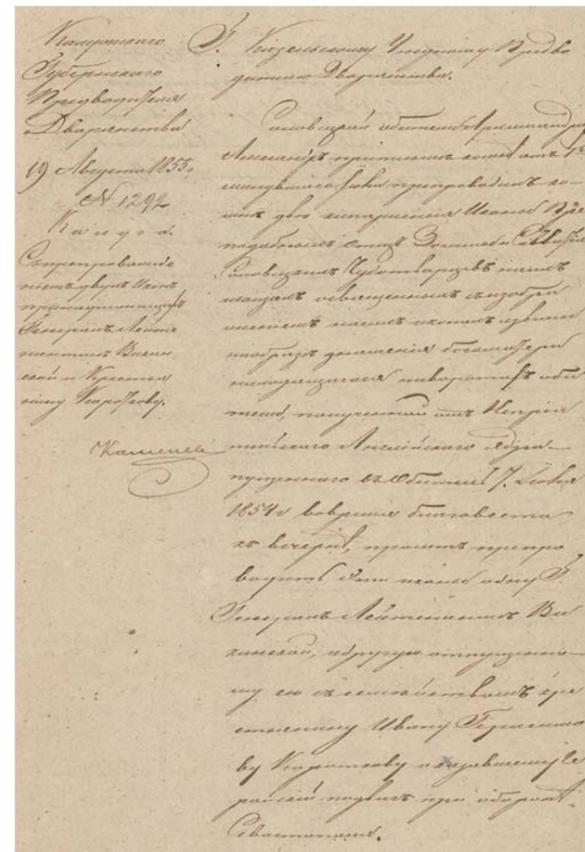
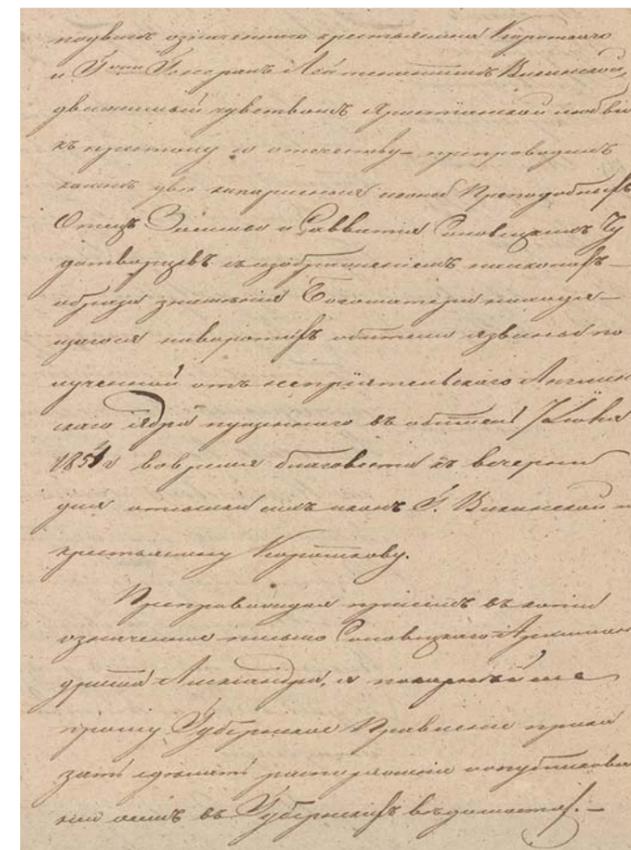
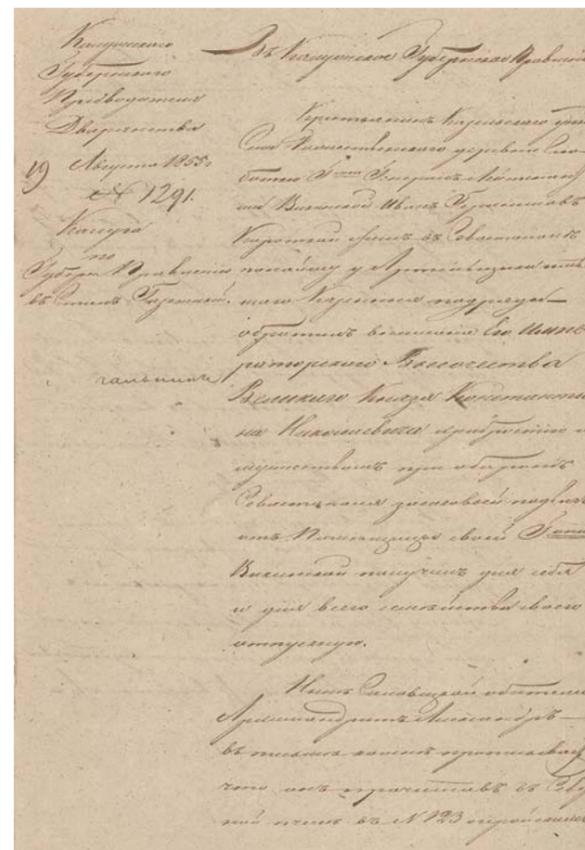
На вопрос, что побудило его сделаться столь воинственным, Герасимов отвечал, что сильно осерчал на неприятеля и надеялся как-нибудь заслужить Царскую милость; он предполагает, впрочем, возвратиться к себе в деревню, где у него остались старик-отец, жена и два сына.

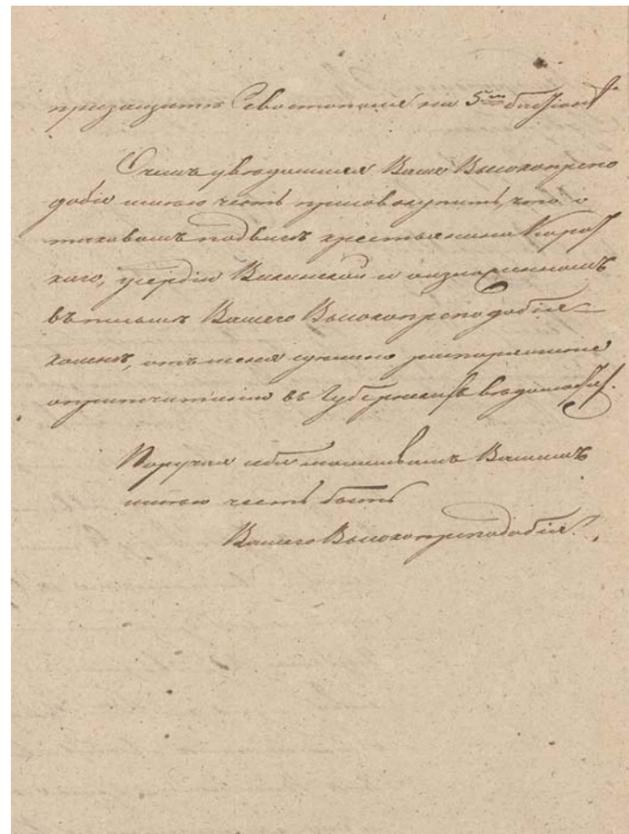
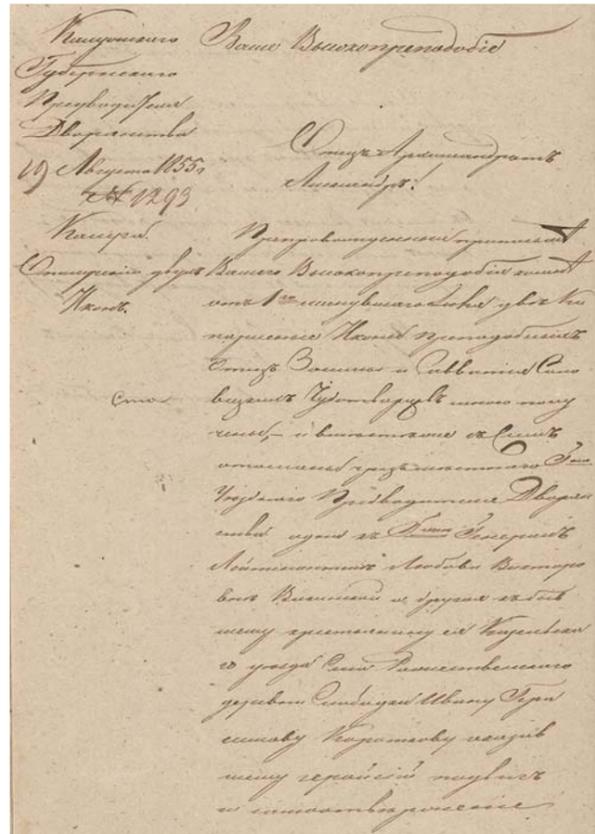
Г-жа Викинская, помещица крестьянина Герасимова, узнав о его похвальных действиях, в награду за усердие, выдала безвозмездно как ему самому, так и всему его семейству — составляющему обоюбого пола шесть душ — отпускную, которую и препроводила к губернскому предводителю, отказавшись от всякого за сие вознаграждения. (Морск. Сборн.).

Обратившись к переписке калужского губернского предводителя дворянства с целью отыскать

вышеуказанную отпускную были выявлены три письма калужского губернского предводителя дворянства:

- письмо от 19 августа 1855 года № 1291 в Калужское губернское правление: «...препровождая при сём в копии письмо Соловецкого архимандрита Александра, прошу Губернское правление сделать распоряжение о опубликовании означенного в Губернских ведомостях»;
- письмо от 19 августа 1855 года № 1292 Козельскому уездному предводителю дворянства: «...препроводить эти иконы одну генерал-лейтенантше Викинской, другую отпущенному ею с семейством крестьянину Ивану Герасимову Короткову, оказавшему геройский подвиг при обороне Севастополя». Здесь же по тексту идёт описание кипарисных икон «...Преподобных Отец Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев с изображением на иконах образа знамения Богоматери, находящейся на воротах обители язвины, полученной от неприятельского Английского ядра, испущенного в обитель 7 июня 1854 года, во время благовеста к вечерне...»;
- письмо от 19 августа 1855 года № 1294 — ответ Соловецкому архимандриту Александру о том, что «иконы мною получены и отосланы чрез местного г-на Уездного Предводителя Дворянства одна г-же генерал-лейтенантше Любови Викторовне Викинской и другая к бывшему ея крестьянину... Ивану Герасимовичу Короткову, оказавшему геройский подвиг и самоотвержение при защите Севастополя на 5-м бастионе. О чём уведомляю Ваше Высокопреподобие. Имею честь присовокупить, что о таком подвиге крестьянина Короткого, усердия Викинской и с изложением в письме Вашего Преподобия ко мне от меня сделано распоряжение о пропечатании в Губернских Ведомостях».

В письме Соловецкого архимандрита Александра говорилось про «Ивана Герасимовича Короткаго», а в статьях в газете «Северная пчела» и переписке калужского губернского предводителя дворянства нашего героя именуют как «Ивана Герасимова, по прозвищу Короткаго», «Ивана Герасимова, по прозвищу Короткий», «Иван Герасимов», «Герасимов», «крестьянин Герасимов» а также Иван Герасимович Коротков в соответствующих падежах. Это объясняется тем, что практически до конца XIX века у лиц крестьянского сословия в метрических книгах не указывались фамилии. Можно предположить, что из прозвища Короткий могла образоваться фамилия Коротков, Короткий или Коротких.

Кроме того, из текста просматривается некоторая неточность в части количественного состава семьи героя. В деревне «у него остались старик-отец, жена и два сына», т.е. четыре человека, а отпускную помещица выдала «всему его семейству — составляющему обоего пола шесть душ».

Обратившись к фонду «Калужская губернская казённая палата», мы просмотрели ревизские сказки IX ревизии 1850 года по Козельскому уезду и обнаружили следующие записи о состоящих мужского и женского пола дворовых людях и крестьянах помещицы генерал-лейтенантши Любови Викторовны Викинской.

«Ревизская сказка.

1850 года октября 24 дня, Калужской Губернии Козельского уезда деревни Слободки
Семья 15
Герасим Иванов 39/58 и 6 мес.

Герасима Иванова сын Дмитрий 24/40 и 6 мес.
Дмитрия Герасимова жена Федосья Кузьмина 45
Дмитрия Герасимова сын Матвей 7/26 и 6 мес.
Матвея Дмитриева жена Авдотья Фёдоровна 23
Матвея Дмитриева сын Матвей новорождённый /1
Дмитрия Герасимова 2-й сын Андрей 6 /22 и 6 мес.
Андрея Дмитриева жена Анна Васильева 23
Герасима Иванова 2-й сын Иван 21/37 и 6 мес.
Ивана Герасимова жена Анна Федотова 41
Ивана Герасимова сыновья:
Алексей больший 2 мес./16 и 8 мес.
Алексей меньший новорождённый/9
Ивана Герасимова дочери:
Настасья 18
Дарья 4
Марфа 2
Герасима Иванова 3-й сын: Николай 17/умер в 1849 году.
Герасима Иванова 4-й сын: Лаврентий 6/22 и 6 мес.»

Таким образом, у Ивана Герасимовича в 1855 году имелись 16 здравствующих родственников: отец; 2 брата (третий брат умер в 1849 году); жена; 2 сына; 3 дочери; 2 невестки; 5 племянников.

Можно предположить, что помещица Л. В. Викинская выдала отпускную на 6 душ, т.е. на самого Ивана Герасимовича, его жену, двух сыновей и двух дочерей. Вероятно, одна из трёх дочерей на этот момент вышла замуж и ушла в семью мужа (дочери Настасье в 1855 году было 23 года), либо умерла.

РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА.					РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА.				
1850 года Октября 24 дня, Калужской Губернии Козельского уезда деревни Слободки					1850 года Октября 24 дня, Калужской Губернии Козельского уезда деревни Слободки				
Семья.	МУЖЕСКИЙ ПОЛЪ.	Но послѣдней ревизии состояло и послѣ одной выбыло.	Изъ того числа выбыло.	Наибъ на лицо.	Семья.	ЖЕНСКИЙ ПОЛЪ.	Но послѣдней ревизии состояло и послѣ одной выбыло.	Изъ того числа выбыло.	Наибъ на лицо.
№		Лѣта.	Когда именно.	Лѣта.	№		Лѣта.	Когда именно.	Лѣта.
	Василий	✓	умеръ въ 1849 году	—					
	Матвей	✓	—	6					
	Иванъ	✓	—	21					
	Анна	✓	—	41					
	Дмитрий	✓	—	24					
	Матвей	✓	—	7					
	Андрей	✓	—	6					
	Иванъ	✓	—	21					
	Анна	✓	—	41					
	Алексей	✓	—	2					
	Алексей	✓	—	9					
	Настасья	✓	—	18					
	Дарья	✓	—	4					
	Марфа	✓	—	2					
	Николай	✓	умеръ въ 1849 году	—					
	Лаврентий	✓	—	6					
Итого мужескаго пола на лицо. 12					Итого женскаго пола на лицо. 7				

Поскольку в ревизской сказке приводятся сведения о состоянии жителей уезда по трём графам: «по последней ревизии состояло и после одной выбыло», «из того числа выбыло» и «ныне на лицо», то в X ревизии 1858 года должны быть: сведения 1850 года, а также отметки о выбытии, если такой факт имел место в промежуток между ревизиями. Таким образом, именно в ревизской сказке 1858 года, должно быть отражено, когда выдавалась отпускная и кому именно.

К сожалению, в фонде Калужской губернской казённой палаты в ревизских сказках X ревизии 1858 года по Козельскому уезду (ф. 86, оп. 3) сведений о крестьянах деревни Слободки не обнаружено. Данные документы на архивное хранение в ГКУ «ГАКО» не поступали, их местонахождение неизвестно.

Однако в фонде Козельского уездного суда было обнаружено дело по отношению Козельского уездного предводителя дворянства о засвидетельствовании отпускной, данной крестьянину помещица Викинского дер. Слободки Ивану Герасимовичу Короткову. Начато 2 мая 1855 года. Окончено 12 июля 1855 года.

В деле имеется письмо козельского уездного предводителя дворянства в Козельский уездный суд от 27 апреля 1855 года № 100 следующего содержания: «Крестьянин Генерал-Лейтенантши Любови Викторовны Викинской,

Козельского уезда деревни Слободки Иван Герасимович Короткий отличился при осаде Севастополя своим примерным мужеством, твёрдостью и презрением к полученным им ранам. Об этом было доведено до сведения Его Высочества Великого Князя Константина Николаевича, которому угодно было в награду за подвиг Короткого отпустить его с семейством из крепостного владения. Высочайшая воля сия была сообщена Г. Викинской которая, не пожелав выкупа за Короткого, отпустила его с семейством на волю, в чём и прислала отпускную. Но как этот акт ещё не засвидетельствован Судебным местом, то препровождая при сим отпускную Короткого, имею честь просить Уездный Суд засвидетельствовать её и потом препроводить ко мне обратно».

В деле имеется ответ Козельского уездного казначейства от 13 мая 1855 года № 604 на отношение Козельского уездного суда, в котором со ссылкой на сказки IX ревизии, указан состав семьи: «крестьянин Иван Герасимов с женой Анной и детьми сыновьями Алексеем большим, Алексеем меньшим, и дочерьми Дарьей и Марфой действительно состоит в деревне Слободки по № 15». Дочь Настасья не указана. Таким образом, подтверждается ранее высказанное предположение, что на момент оформления отпускной она не числилась членом семьи.

ГРАВЮРЫ ИЗ АРГЕНТИНЫ

Марина Зверева,

сотрудник Калужского музея изобразительных искусств

А. С. Гершельман

Каким образом в наше время происходит пополнение музейных фондов? Частично — за счёт закупок, которые удаётся осуществить музею, частично — за счёт даров, полученных от организаций и частных лиц. Каждый такой подарок — это бесценный вклад в музейное собрание. А если даритель передаёт музею целую коллекцию, состоящую из восьмидесяти четырёх старинных гравюр?

Поистине удивительная история произошла в 2015 году, когда в Калужский музей изобразительных искусств поступила коллекция печатной графики, собранная русским офицером, героем Первой мировой войны, Александром Сергеевичем Гершельманом (1893–1977). Личность собирателя заслуживает особого внимания. А. С. Гершельман был Георгиевским кавалером, полковником артиллерии Северо-Западной армии. За боевые отличия в Первую мировую войну он был награждён орденом Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость». В 1920-х годах жил в Берлине, Мюнхене, Вене. В 1948 году он переехал в Аргентину, а в 1961 году стал одним из организаторов Выставки старинного русского искусства в Буэнос-Айресе. Гершельман сотрудничал в журнале «Военная Быль», оставил воспоминания, частично опубликованные в ряде книг.

Дочь Александра Сергеевича, Марина Александровна, родилась в Вене в 1927 году. Окончила немецкую гимназию (русских гимназий там не было), а русской грамоте училась дома. В конце войны вместе с семьёй была эвакуирована в Зальцбург. В 1948 году Гершельманы переехали в Аргентину. С 1948 года и до своей кончины Марина Александровна жила в Буэнос-Айресе, где трудилась в церковном сестричестве, помогая больным русским эмигрантам. Служила в различных фирмах. Однажды её отец предоставил флигель для постоянного проживания своему другу Сергею Сергеевичу Аксакову (1899–1987). Когда Аксаков заболел, Марина Александровна ухаживала за ним, а в 1982 году они поженились. В 1992 и 1995 годах она посетила Россию, объездила много российских городов и сёл, участвовала в съёмках российского документального исторического фильма о роде Аксаковых.

М. А. Аксакова-Гершельман

Марина Александровна вспоминала: «Пребывание в России для меня было сильным эмоциональным переживанием. Я себя почувствовала ещё более русской. Поразило меня сохранившееся гостеприимство, не раз меня принимали незнакомые люди. Всюду я себя чувствовала прекрасно. Когда я уезжала из России, то мне казалось, будто я еду лишь в отпуск в Аргентину».

Незадолго до кончины Марина Александровна через российское посольство в Буэнос-Айресе передала художественную коллекцию своего отца в дар Калужскому музею изобразительных искусств. По словам Марины Александровны, решение о передаче произведений в музей было принято в память о её муже, Сергее Сергеевиче Аксакове, который родился в селе Верхние Прыски Козельского уезда Калужской губернии. Его отцом был Сергей Николаевич Аксаков — член Калужской губернской земской управы, родственник знаменитого писателя Сергея Тимофеевича Аксакова (1791–1859). В детские годы С. С. Аксаков жил в Калуге на Нижней Садовой улице, в доме номер 46. Сергей Сергеевич прошёл курс обучения в Морском кадетском корпусе Петра Великого, стал мичманом русского императорского флота. До 1920 года он исполнял должность воспитателя Морского корпуса. Известно, что Сергей

Сергеевич некоторое время находился в составе частей, предпринимавших попытки отбить у красных царскую семью. В 1924 году Аксаков переехал в Париж, где сотрудничал с монархическим движением. С 1948 года и до своей кончины жил в Буэнос-Айресе.

Поскольку художественная коллекция много лет находилась в условиях высокой влажности, все листы, поступившие в музей, находились в весьма плачевном состоянии. Реставраторам пришлось приложить немало усилий, чтобы вернуть их к жизни. И они блестяще справились с этой работой! Теперь эти листы можно «одевать» в рамы и демонстрировать зрителю. Но предстояла ещё работа по определению авторства работ, времени и места их создания, техники исполнения. Краткая опись, составленная Мариной Александровной Аксаковой, включала лишь приблизительные названия произведений. Следует заметить, однако, что она трогательно заботилась о сохранности листов, пытаясь их сохранить в условиях крайне неблагоприятного для бумаги климата.

К сожалению, Марина Александровна не располагала информацией относительно происхождения большей части произведений, однако она помнила, что серию из двадцати гравюр, начинающуюся, по её словам, изображением царя Михаила Фёдоровича Романова и заканчивающуюся изображением великого князя Николая Павловича (будущего императора Николая I), отец купил у Сергея

Леонидовича Милорадовича после смерти его тётюшки Марии Александровны Васильчиковой. Упомянутые гравюры хранились в имении Васильчиковой, расположенном близ горного массива Ракс в Нижней Австрии. Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что серия гравюр из знаменитого «Собрания двадцати четырёх портретов членов Императорской фамилии», входила ранее в состав частного собрания Марии Александровны Васильчиковой, бывшей фрейлины великой княгини Елизаветы Фёдоровны и дочери директора Императорского Эрмитажа Александра Алексеевича Васильчикова.

Альбом гравюр, исполненных в технике пунктира, был издан в Париже в 1817 году под названием «Собрание двадцати четырёх портретов императорской фамилии, писанных живописцем Беннером, который получил от его императорского величества позволение гравировать сии Портреты». Коллекция А. С. Гершельмана содержит двадцать из двадцати четырёх портретов, входивших в альбом: портреты Михаила Фёдоровича (1596–1645), Алексея Михайловича (1629–1676), Фёдора III Алексеевича (1661–1682), Иоанна V Алексеевича (1666–1696), Софьи Алексеевны (1657–1704), Петра I (1672–1725), Екатерины I (1684–1727), Петра II (1715–1730), Анны Иоанновны (1693–1740), Елизаветы I Петровны (1709–1762), Петра III (1728–1762), Павла I (1754–1801), Александра I (1777–1825), Марии

Фёдоровны (1759–1828), Елизаветы Алексеевны (1779–1826), великой княгини Александры Фёдоровны (1798–1860), великого князя Константина Павловича (1779–1831), великой княгини Марии Павловны (1786–1859), великой княгини Екатерины Павловны (1788–1810) и великого князя Николая Павловича (1796–1855), взошедшего на престол спустя восемь лет после выхода в свет альбома.

Портретные гравюры были выполнены французскими мастерами Жозефом Меку (1771–1832), Шарлем Жоанно (1795–1825), Антуаном Купе (1784–1852), Фридрихом Йоном (Джоном) (1769–1843) по миниатюрам Жана Анри Беннера (1770–1836), создавшим в 1817–1825 годах так называемую «Романовскую сюиту» — серию миниатюр на эмали с портретами представителей семьи Романовых. Портреты членов императорской фамилии художник исполнил по живописным оригиналам, хранившимся в Эрмитаже.

Помимо «Романовской сюиты», коллекция Гершельмана содержит двадцать пять гравированных и литографированных листов с портретами царствующих особ и некоторых деятелей своего времени. Согласно воспоминаниям Марины Александровны, её отец, будучи «преданным российской монархии», везде старался приобретать гравюры, касающиеся императорской фамилии. По её словам, «в какую бы страну он ни попал, при первой же возможности он

Жозеф Меку. Портрет царя Михаила Фёдоровича Романова. 1817 г. С оригинала Ж.-А. Беннера

Жозеф Меку. Портрет императора Петра I. 1817 г. С оригинала Ж.-А. Беннера

Шарль Жоанно. Портрет царевны Софьи Алексеевны. 1817 г. С оригинала Ж.-А. Беннера

Каролина Уотсон. Портрет Екатерины II. 1787 г. С живописного оригинала Александра Рослина

Иоганн Эрнест Мансфельд. Портрет Павла Петровича. 1796 г.

Жозеф Меку. Портрет императора Александра I. 1817 г. С оригинала Ж.-А. Беннера

разыскивал старьёвщиков-антикваров и копался в их залежах. Таким образом ему часто удавалось приобретать искомое, пополнявшее его собрание, большинство вставлялось в рамки и висело на стенах наших жилищ, придавая им вид музея».

В составе коллекции оказались редкие по иконографии и во многих случаях прижизненные портреты, среди которых следует выделить отдельные экземпляры, созданные в XVIII столетии. Самый ранний лист в этом ряду — портрет царя Бориса Годунова, выполненный в технике резцовой гравюры неизвестным западноевропейским мастером

Неизвестный западноевропейский мастер XVIII в. Портрет Бориса Годунова. 1721 г.

XVIII века. На гравюре Борис Годунов изображён в высокой меховой шапке и в кафтане, без бороды. Поскольку до наших дней не дошло ни одного достоверного портрета Бориса Годунова, остаётся лишь гадать, насколько то или иное его изображение правдиво. Наиболее распространён так называемый «тип Штенглина» — портрет, награвированный немецким миниатюристом Иоганном Штенглином (1710/1715–1776) по неизвестному оригиналу начала XVIII века. На нём Борис изображён в царском облачении, в шапке Мономаха, с бородой. По мнению выдающегося исследователя гравюры Дмитрия Александровича Ровинского, этот портрет «фантастический», то есть недостоверный, вымышленный.

В своём «Подробном словаре русских гравированных портретов» Ровинский приводит ещё один «фантастический» вариант изображения царя Бориса: так называемый «тип Кевенхиллера» (Кевенхюллера). Франц Кристоф фон Кевенхюллер (1588–1650) — историограф императора Фердинанда II. В 1634 году Кевенхюллер получил разрешение на использование материалов из императорской канцелярии для написания исторического трактата. Труд, состоящий из 12-ти томов in folio, впервые увидел свет в 1721–1726 годах (уже после смерти автора) в Лейпциге. Упомянутая гравюра и была предназначена для этой книги Кевенхюллера. Ровинский отмечает, что на гравюре Борис Годунов

изображён без бороды, «тогда как он носил бороду», но при этом делает примечание следующего характера: «В одном летописном сборнике однако же замечено, что Борис «ереси же латинской и Арменской добре потаковник бысть и таковии от него вельми любимы беша зело, и старии муже брады свои постризающе»; из чего можно заключить, что и Борис брил бороду».

«Портрет Екатерины Второй» исполнен в 1787 году Каролиной Уотсон (1761–1814) в технике меццо-тинто по живописному оригиналу Александра Рослина (1718–1793). Гравюра была заказана Робертом Уолполом для второго издания альбома гравюр, воспроизводящих лучшие картины из его Хоутонской коллекции. В 1779 году собрание Уолпола было продано Екатерине II и послужило основой Петербургского Эрмитажа.

Ранний портрет Павла Петровича (дат.) (1754–1801) в бытность его великим князем был награвирован в 1796 году австрийским художником и гравёром Иоганном Эрнестом Мансфельдом (1739–1796) по живописному оригиналу 1777 года. Он является прижизненным изображением портретируемого лица.

Портреты XIX века были созданы в основном в технике литографии, за исключением нескольких произведений, исполненных офортом и резцом. В числе последних — портреты великих князей Константина Николаевича (1827–1892) и Александра Александровича (1845–1894),

награвированные датским мастером Иоелем (Джоном) Баллином (1822–1855), групповой портрет семьи Николая I Томаса Райта, гравированный портрет Александра I (1777–1825) в старинной раме венской работы, великой княгини Марии Фёдоровны (1847–1928), а также весьма любопытный портрет великого князя Василия Иоанновича (Василия III) (1470–1533) (дат. 1851) работы английского мастера Уильяма Рая (1818–1901) по ксилографии известного немецкого художника и картографа Августина Хиршфогеля (1503–1553), датированной 1549 годом.

Следует заметить, что изображение Василия III считается вполне достоверным, поскольку было создано Хиршфогелем для первого издания книги Сигизмунда фон Герберштейна «Записки о Московии», вышедшей в свет в 1549 году на латинском языке. Герберштейн в качестве посла дважды приезжал в Россию и пользовался особым расположением великого князя Василия Иоанновича, который, по слухам, брал его с собой на охоту и обращался с ним запросто. Он создал первое подробное описание России, причём очень внимательно подходил к отбору информации, тщательно выверяя полученные сведения. Великий князь изображён на гравюре Хиршфогеля в профиль с характерным «орлиным» носом, облачённый в длиннополую одежду, высокую шапку и обувь с загнутыми вверх носками. Отличительной чертой портрета является характерный профиль Василия Иоанновича, что позволило ряду исследователей предполагать, что Герберштейн привёз с собой из Москвы некое изображение великого князя, не дошедшее до нашего времени. Существуют переводы сочинения Герберштейна с латинского на современные языки, в том числе на английский Р. Мэдже-ра. Именно для этого издания «Записок» Герберштейна, опубликованного в 1851 году в Лондоне, предназначалась гравюра Уильяма Рая.

В числе литографированных портретов членов императорской семьи — портреты императора Николая I (1825–1855) (дат. не позднее 1838), императрицы Марии Фёдоровны (1759–1828), императора Александра II (1855–1881), королевы Нидерландов Анны Павловны (1795–1865), великой княжны Ольги Николаевны (дат. 1849) (1822–1892), герцога

Уильям Б. Рай. Портрет великого князя Василия Иоанновича. 1851 г. С оригинала А. Хиршфогеля

Франсуа Фредерик Шевалье. Портрет императрицы Александры Фёдоровны. 1851 г. По живописному оригиналу Ф. Крюгера

Пётр Степанович Смирнов. Великая княгиня Мария Александровна. Вторая половина 1850-х гг. С оригинала И.К. Макарова

Иоель (Джон) Баллин. Портрет великого князя Константина Николаевича

Густав Феккерт. Портрет герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого

Константин Яковлевич Афанасьев. Портрет королевы Нидерландов Анны Павловны. 1852 г. С оригинала Никеза де Кейзера

Максимилиана Лейхтенбергского (1817–1852), герцога Георга Мекленбургского (1823–1876), а также групповой портрет императора Николая I с сыновьями и двойной портрет Николая I и Александры Фёдоровны.

Большая часть портретов создана немецкими, австрийскими и французскими литографами. Исключение составляют три графических произведения, среди которых выделяется двойной портрет Николая I и Александры Фёдоровны, изданный в России, в литографской мастерской А. И. Мошарского (СПб.). Изображения царствующих

особ эффектно обрамлены венками из лавровых и дубовых листьев, а для придания большей живости лицам ещё и раскрашены акварелью.

Портрет великой княгини Марии Александровны в детстве, исполненный русским литографом Петром Степановичем Смирновым с оригинала Ивана Кузьмича Макарова (1822–1897), был выпущен в литографской мастерской Рудольфа Гундризера (СПб.). В Санкт-Петербурге был создан и литографированный портрет императрицы Александры Фёдоровны. Литография была исполнена в 1851 году французским

живописцем и литографом Франсуа Шевалье (1812–1849) по живописному оригиналу Франца Крюгера (1797–1857) — любимого художника Николая I. Этот литографированный портрет был опубликован в книге Т. Руденко «Модные магазины и модистки Москвы первой половины XIX столетия» в качестве иллюстрации к тексту следующего содержания: «После кончины императора Александра I модистка Анна Сихлер руководила созданием и изготовлением траурных платьев для императриц Марии Фёдоровны и Александры Фёдоровны, а также для многочисленных великих княгинь и княжон и их фрейлин. Модистка представила в Печальную комиссию куклу в образе траурного платья и его описание: «Ратинное русское платье с крагеном, рукава длинные, около рукавов плюрезы, на шее особый плоский чёрный краген с плюрезами, а шемезетка из чёрного крепа, шлейф у императриц в 4 аршина, для великих княжон 3. На голове убор чёрного крепа с чёрною глубокою повязкою и с двойным печальным капором, один с шлейфом, а другой покороче; чёрные перчатки, веер, чулки и башмаки. В день погребения императрицы соизволят на голову иметь большую креповую каппу, так, чтобы всё платье закрывало».

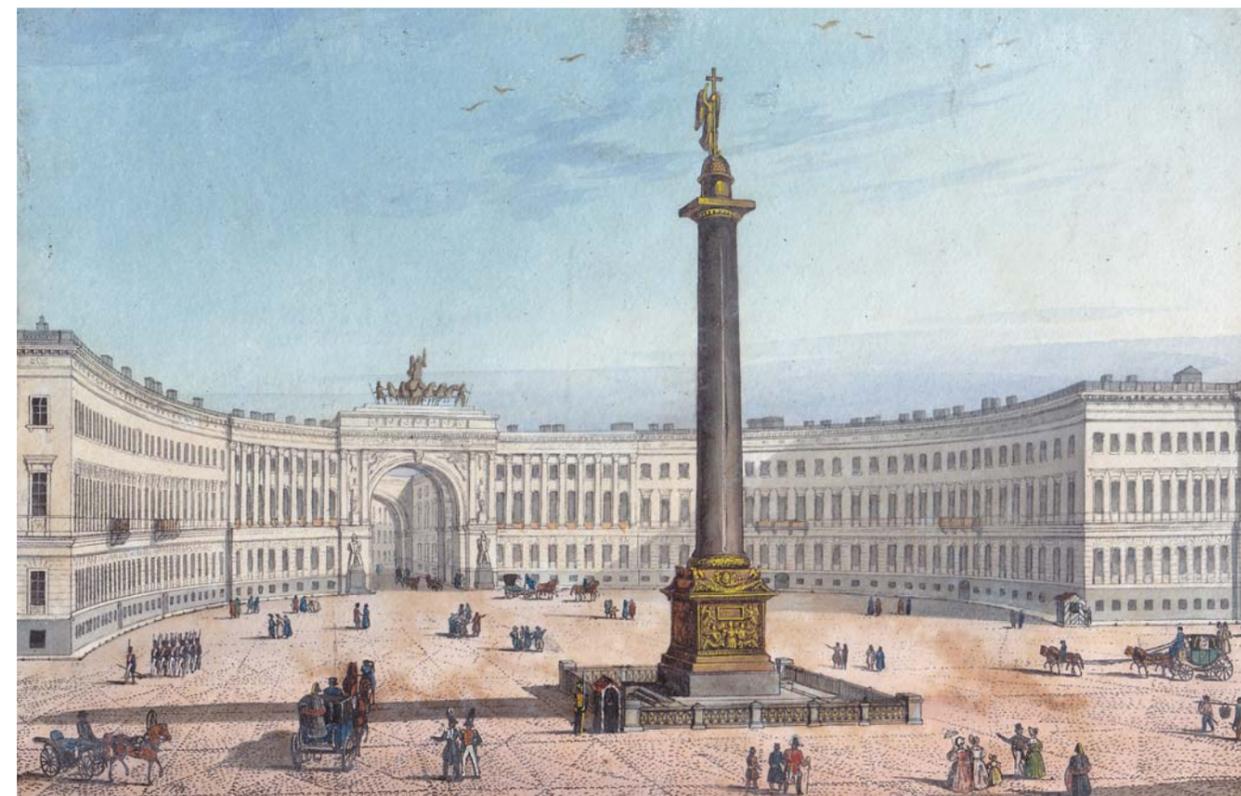
Помимо портретов членов императорских семей в составе коллекции есть несколько листов с изображением известных деятелей своего времени — героев войны 1812 года:

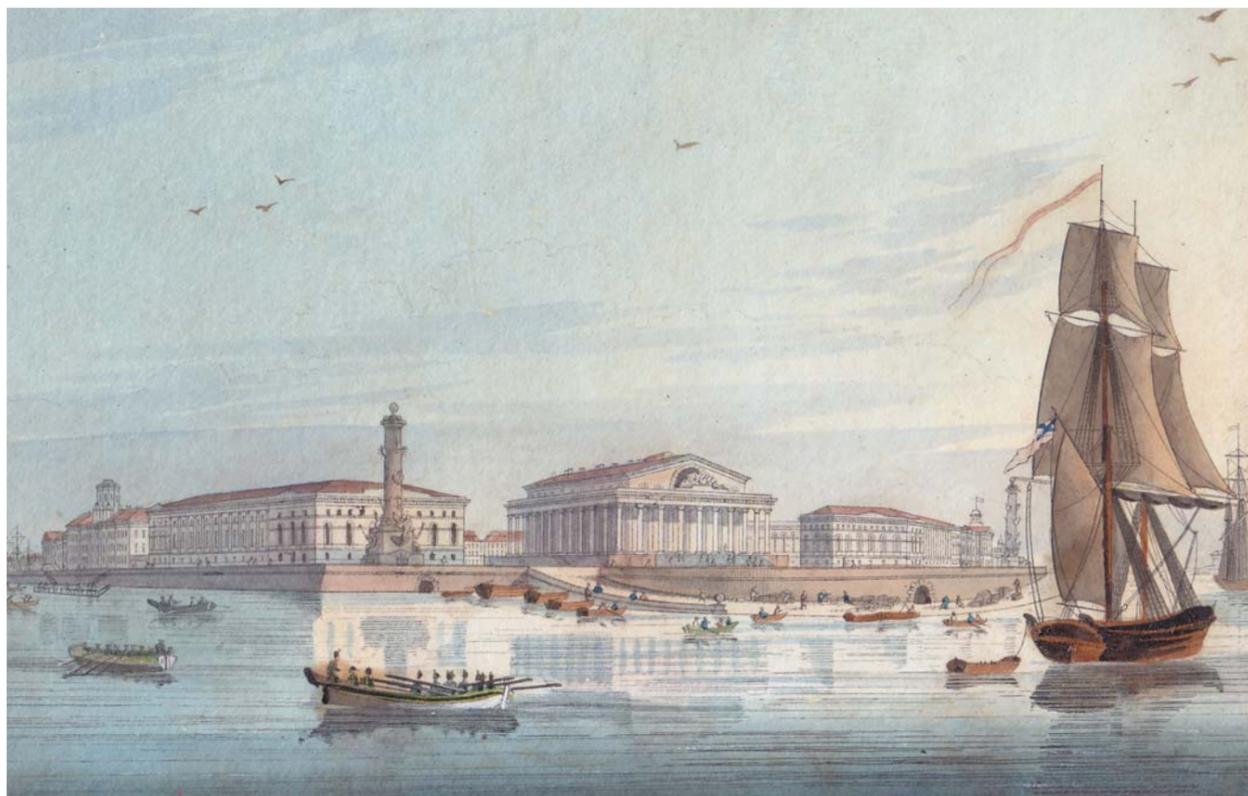
Генрих Шмидт. Портрет Николая I и Александры Федоровны

Мастерская Карла Петровича Бегтрова. Вид на Адмиралтейство от Дворцовой площади. 1830-е гг.

Мастерская Карла Петровича Бегтрова. Вид Дворцовой площади и Главного штаба. 1830-е гг.

Мастерская Карла Петровича Беггрова. Вид на Биржу со стороны Невы. 1830-е гг.

Мастерская Карла Петровича Беггрова. Казанский собор в Санкт-Петербурге. 1830-е гг.

Жан Батист Лепренс. Деревенские женщины, возвращающиеся с рынка. 1764 г.

Жан Батист Лепренс. Палач. Из серии «Стрельцы». 1764 г.

А. В. Суворова (1730–1800), Я. П. Кульнева (1763–1812), А. Н. Сеславина (1784–1858).

Следует отметить, что из восьмидесяти четырёх графических листов, входящих в состав коллекции, двадцать девять относятся к жанру видовой гравюры. Почти все они представляют собой архитектурные пейзажи Санкт-Петербурга и его окрестностей.

Наибольший интерес представляют собой небольшие листы одинакового размера, обведённые чёрной рамкой и расцвеченные акварелью. На обороте листов название композиции на французском языке. Самая узнаваемая гравюра — «Михайловский дворец в Санкт-Петербурге». В Государственном Русском музее хранится аналогичный рисунок, исполненный известным русским акварелистом, литографом и гравёром Карлом Петровичем Беггровым (1799–1875). В 1832 году Беггров был удостоен за него звания академика. Именно этот рисунок и послужил образцом для создания гравюры. К. П. Беггров одним из первых в России начал заниматься литографией, с 1825 года состоял в должности

учёного литографа при Главном управлении путей сообщения и публичных зданий. В 1828 и 1830 годах Беггров участвовал в создании декоративных росписей стен и потолков в Зимнем дворце, в залах Большого (Старого) Эрмитажа. Наибольшую известность принесли Беггрову литографированные пейзажи Петербурга, выполненные им для издания «Виды Санкт-Петербурга и окрестностей». Черно-белые литографии затем раскрашивались акварелью. Особенно ценятся экземпляры с авторской раскраской самого К. П. Беггрова. Литографии изготавливались и печатались в 1830–1850-е годы в Карлсруе, Париже и Петербурге. В 1834–1837 годах К. П. Беггров выпустил серию гравюр с видами Петербурга в авторской раскраске акварелью.

Коллекция Гершельмана включает также несколько листов различной тематики: батальные сцены, исторические и жанровые сюжеты. В их числе — гравюры, исполненные известным французским живописцем и гравёром XVIII века Жаном-Батистом Лепренсом (1734–1781). С 1758 по 1762 год Лепренс совершил несколько поездок

по России, во время которых он принял участие в росписи плафонов Зимнего Дворца в Санкт-Петербурге, а также создал большое количество рисунков и этюдов. После возвращения в Париж он писал картины исключительно на русские темы, выполнил несколько серий офортных и картонов для шпалерной мануфактуры. В коллекции Гершельмана — три офорта Лепренса: «Деревенские женщины, возвращающиеся с базара», «Женщина Ингерманландии» и «Палач» (из серии «Стрельцы»).

Собирателем по крупницам собирал всё, что касалось старой России, её истории, традиций и обычаев, включая в свою коллекцию такие сюжеты, как «Москва, 7 сентября 1812» (Бородинское сражение), «Ступай, дура, назад» (эпизод из русско-турецкой войны), «Крещение», «Погребение» и другие.

Таким образом, исследование показало, что коллекция А. С. Гершельмана не только обладает художественной ценностью, но и представляет исторический срез времени, отражая связь эпох, сквозь которую проходит история России. ■

ПОРТРЕТЫ РОДА КАШКИНЫХ ИЗ УСАДЬБЫ С. НИЖНИЕ ПРЫСКИ

Ольга Пелисова,

научный сотрудник ГУК КО Калужский объединённый музей-заповедник

В фондах Калужского объединённого музея-заповедника сохранились портреты галереи дворянского рода Кашкиных. Датой обретения портретов согласно записи в музейной книге поступлений считается 1929 г., время, когда предметы из собрания музея при монастыре Оптиной пустыни передавались в фонды Калужского краеведческого музея. В свою очередь портреты поступили в музей при монастыре из усадьбы Нижние Прыски.

Портрет Евгения Петровича Кашкина (1737–1796) — наместника Калужского и Тульского генерал-губернатора в 1793–1796 гг. написан согласно установившейся традиции изображения сановников его эпохи: в белом парике, в мундире, по обшлагам расшитом золотым узором, соответствующим ведомству и высшей наградой Российской империи — орденом Святого князя Александра Невского на шейной ленте. Помимо отражения статуса и передачи регалий изображаемого художнику в этом портрете, отличающимся мягким тёплым колоритом,

удалось уловить спокойный взгляд погружённого в раздумье человека.

Парный к портрету супруга портрет Екатерины Ивановны Кашкиной (Сафоновой) (1745–1803) сохраняет некоторые следы парсуны, тем не менее, его статичную композицию оживляет лёгкий поворот головы, сосредоточенный взгляд, устремлённый прямо на зрителя, яркий цветочный узор на платье и мягкий, словно светящийся колорит.

Екатерина Ивановна, как подобает женщинам её круга, занималась домом и воспитанием детей. Овдовев, она получила от императора Павла I в знак уважения за долгую

и усердную службу мужа, имение Сердобольское в Выборгской губернии.

Вероятно, оба портрета написаны в одно время и по случаю получения Евгением Петровичем Кашкиным высокой правительственной награды. Скромные по размеру портреты, тем не менее, хорошо воссоздают образы ярких представителей высшего общества екатерининской эпохи.

У четы Кашкиных было два сына и девять дочерей. Портрет одной из них, Татьяны (в замужестве Ртищевой), написанный неизвестным художником в начале XIX в. также

Портрет Евгения Петровича Кашкина Калужского и Тульского наместника. Неизвестный художник. Конец XVIII в.

Портрет Екатерины Ивановны Кашкиной, урожденной Миллер. Неизвестный художник. Первая половина XIX в.

Портрет Сергея Николаевича Кашкина. Художник Е. Ф. Крендовский (?). (Р. К. Шведе) 1850-е гг.

Портрет Гавриила Петровича Бахметьева с дочерью Анной и Анной Гавриловной Бахметьевой и свояченицей Марией Николаевной Ртищевой. Неизвестный художник. XVIII в.

Портрет Екатерины Ивановны Кашкиной, урожденной Сафоновой. Неизвестный художник. Конец XVIII в.

хранится в фондах Калужского объединённого музея-заповедника.

К редким жанровым изображениям можно отнести портрет Гаврилы Петровича Бахметьева с дочерью Анной Гавриловной (в замужестве Ртищевой) и свояченицей Марией Николаевной Ртищевой. Полотно второй половины XVIII в., выполненное неизвестным живописцем, открывает перед зрителем живую страничку частной жизни Гаврилы Петровича и его семьи. Художник изображает сцену, произошедшую во время домашнего концерта. Сама композиция холста, подобно музыкальному произведению, словно поделена изображёнными фигурами на такты. Участники концерта развёрнуты к зрителю, как будто приглашая присоединиться к прослушиванию, которое было чем-то прервано. Чем же вызвана пауза? Быть может замечанием Марии Николаевны, родной тётки, под опекой, которой росла Анна Гавриловна, будущая мать декабриста Сергея Николаевича Кашкина? Уже в этом раннем портрете художнику удалось так подметить характерные психологические особенности модели, что она легко узнаётся и в более поздних работах других авторов, между которыми нет противоречий. В этом умении разглядеть в столь юном человеке и передать на полотне его личность видится особая заслуга художника.

Портрет Сергея Николаевича Кашкина (1799–1868), а также портрет детей Кашкиных, Александра

и Юлии долгое время приписывались кисти Евграфа Крендовского, но согласно последней атрибуции Сергея Дмитриевича Алексева, научного сотрудника Русского музея, удалось установить подлинное авторство работ. Оба портрета написаны Робертом Константином Шведе, русским художником, выпускником Императорской Академии художеств, учеником известного исторического живописца Тимофея Неффа. Значительное портретное наследие художника (портрет М. Ю. Лермонтова на смертном одре, портрет декабриста Лорера и т. д.) хранится в собраниях столичных и региональных музеев России и зарубежья.

Портрет Сергея Николаевича Кашкина, написан вероятнее всего в начале 1850-х годов, во время непродолжительных визитов в Санкт-Петербург после возвращения ему права на въезд в столицу. Сергей Николаевич изображён в кресле за маленьким круглым столиком, в его левой руке виден, вероятно, мундштук трубки (или трость). Портрет выполнен в академической манере, с характерными для живописца приёмами, контрастом цветовых сочетаний и чёткостью контуров. С особым вниманием и деликатностью художник прописывает фактуру мягкого бархата пиджака и мебельной обивки, холодный блеск атласного шейного платка и драпировки. Портрет не лишён психологизма и раскрывает перед зрителем образ не молодого, но подвижного и деятельного человека.

Портрет детей Сергея Николаевича Кашкина, Александра и Юлии.

Александр Сергеевич Кашкин родился в 1840 г. в Прысках. В 1858 г. поступил юнкером в Преображенский полк. Участвовал в подавлении польского восстания 1863 г., а также во взятии Ташкента. Был награждён золотой саблей «за храбрость», орденом Святого Владимира IV степени за отличие при осаде крепости Ура-Тюбе. После прохождения курса в Военно-юридической Академии получил звание полковника. Служил военным судьёй в Вильно и Варшаве. В 1883 г. с произведением в чин генерал-майора был переведён на службу в Москву. Скончался по дороге в Италию, куда следовал на лечение. Погребён в Мюнхене с полагающимися военными почестями.

Юлия Сергеевна Кашкина родилась в 1838 г. в имении Нижние Прыски, получила домашнее образование. В 1863 г. вышла замуж за Константина Николаевича Боборыкина, генерал-лейтенанта, Оренбургского, а впоследствии Орловского губернатора.

В композиции парного портрета художник применил свой излюбленный приём, разместил фигурки детей на балконе, увитом зелёным плющом. Изображение плюща и тщательно выписанные витиеватые узоры яркого покрывала или дорогой узорчатой шали часто встречаются в работах К. Р. Шведе. Пышная зелень цветущего куста, написанного в тени балкона,

Портрет детей Сергея Николаевича Юлии и Александра. Художник Е. Ф. Крендовский (?) (Р. К. Шведе). 1850-е гг.

подчеркивает свежесть и нежность юного возраста моделей. Живой и психологичный детский портрет Кашкиных притягивает внимание зрителя снова и снова подобно магниту.

Не сразу раскрывается для зрителя портрет Екатерины Ивановны Кашкиной (урождённой Миллер 1806–1879 гг.), жены Сергея Николаевича Кашкина написанный неизвестным художником в первой половине XIX в. В него необходимо всматриваться и только при внимательном изучении откроются все его достоинства: приглушённый колорит, рассеянный свет, смягчённые контуры. Всё перечисленное подчеркивает не только внешнюю красоту, но и душевную. Екатерина Ивановна была образована, любила музицировать, обладала даром глубокой искренней веры. Кашкины прожили долгую счастливую семейную жизнь.

Глядя на портреты можно лишь догадываться о красоте интерьеров величественного усадебного дома, царившего над окружающей местностью и, к сожалению, разобранного в 1930 г. Портретное собрание из усадьбы Нижние Прыски, последними хозяевами которой были Кашкины, представляют собой своеобразный исторический документ. Демонстрируя её с субъективной психологической стороны, отражая социальные и бытовые нюансы, вкусовые предпочтения моделей, портреты оживляют давно ушедшую эпоху. ❏

К 100-ЛЕТИЮ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В КОЗЕЛЬСКЕ

История музея в Козельске началась 18 мая 1919 г., когда Комиссией отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса, возглавляемой Н. Н. Померанцевым и Н. П. Киселёвым, был образован культурно-исторический и церковно-археологический музей «Оптина пустынь». Первый этап деятельности музея, по сути, стал продолжением истории монастыря Оптиная Пустынь. От сотрудников музея требовалось

следить за сложившейся природно-ландшафтной средой, монастырским хозяйством, зданиями и храмами, сохранять росписи, внутреннее убранство, церковные ценности, уникальные издания и рукописи знаменитой Оптинопустынской библиотеки. Как вспоминала сотрудница музея в Оптиной Пустыни Мария Семёновна Добромыслова: «Основной задачей и целью музея, согласно декрету, было по мере возможности сохранить внешний облик бывшего монастыря

таким, каким он был при неоднократных посещениях его замечательными людьми нашей страны, всемирно известными писателями Н. В. Гоголем, Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым, А. К. Толстым, братьями Киреевскими и целым рядом других представителей литературы и искусства».

Музей создавался на базе монастыря и первым его руководителем, временно назначенным заведующим, стал отец Никон (Беляев), прославленный в 2000 г. в Соборе Оптинских

Преподобномученик архимандрит Никон (Беляев, 1886–1937), первый руководитель Оптинского музея

старцев. Он был арестован 17 сентября 1919 г. Преемником отца Никона была Лидия Васильевна Защук, официально назначенная на должность заведующей 20 июня 1920 г. За лояльное отношение к монахам и религиозность она была уволена в 1924 г. В 1934 г. Лидия Васильевна была пострижена в монахини с именем Августы, а затем, посвящена в схиму и назначена игуменьей подпольного женского монастыря в Белеве. 16 декабря 1937 г. матушка Августа была арестована и 8 января 1938 г. расстреляна под Тулой. В 2000 г. преподобномученица Августа (Зашук) была прославлена в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской.

В 1922–1923 гг. жила при монастыре, работая в первом Оптинском краеведческом музее, известная поэтесса начала XX в. Надежда Павлович.

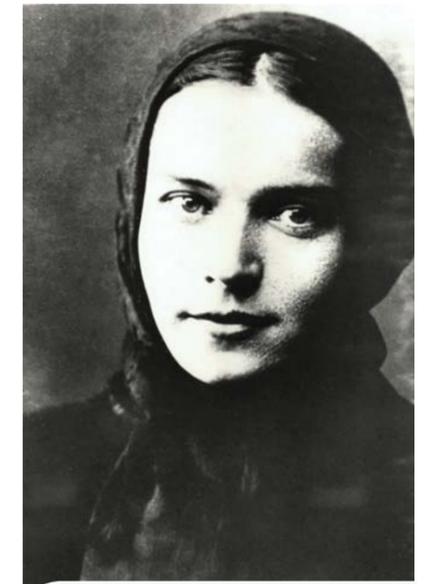
По свидетельству Добромысловой, впоследствии также ставшей монахиней, музей «помещался в двух-трёх небольших комнатах одного из монастырских корпусов. Экспонатами для музея послужили вещи, имеющие художественную и историческую ценность, взятые из разорённых ближайших помещичьих усадеб, в основном из дома помещика Кашкина (с. Нижние Прыски). Много было собрано разнообразных редкостных вещей, привозимых владельцами из путешествий в иные страны, индийские

Преподобномученица Августа (А. В. Защук, 1871–1938)

предметы домашнего обихода, старинное оружие, фарфор и бронза (медальоны, барельеф, статуэтки художественной работы), даже кокосовый орех и перо страуса. По стенам были развешаны картины старых, преимущественно западных мастеров».

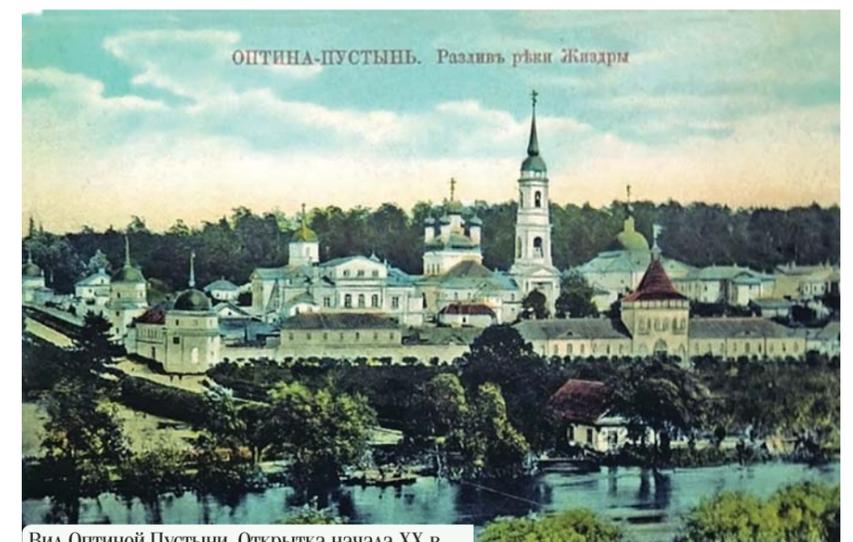
Музей при Оптиной Пустыни просуществовал до июня 1927 г. После его закрытия ценные книги и рукописи были вывезены в Москву, в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина. В последующее время часть музейных предметов, в том числе портретная галерея Кашкиных из усадьбы Нижние Прыски,

Монахиня Мария (М. С. Добромыслова, 1900–1986), автор «Записок об Оптинском музее»

поступили на хранение в Калугу, в Исторический музей (ныне Калужский объединённый музей-заповедник).

Второй этап столетней истории музея в Козельске начался через тридцать лет. В 1957 г. по инициативе козельчан был основан Козельский краеведческий музей. С 1969 г. он стал филиалом Калужского областного краеведческого музея. Первым заведующим музеем в Козельске стал Николай Николаевич Анисимов, учитель истории, замысливший ещё в 1945 г. создать музей и приложивший немало усилий для достижения этой цели. Продолжил его дело

Вид Оптиной Пустыни. Открытка начала XX в.

Н. Н. Анисимов, создатель Козельского краеведческого музея

В. Н. Сорокин, директор Козельского краеведческого музея с 1967 по 1981 г.

В. А. Солоухин, писатель, автор книги «Время собирать камни»

Василий Николаевич Сорокин, журналист. Анисимов и Сорокин были авторами книги «Козельск», изданной в 1967 г. в Туле, в Приокском книжном издательстве, и ставшей заметным явлением в краеведческой литературе. За значительный вклад в сохранение истории и культуры они были удостоены звания «Почётный гражданин города Козельска».

Первыми экспонатами, поступившими на хранение в Козельский краеведческий музей, были каменный топор (мезолит), каменный нож (палеолит), сошник (неолит), найденные во время строительных работ в районе Покровской школы. Были переданы частными лицами

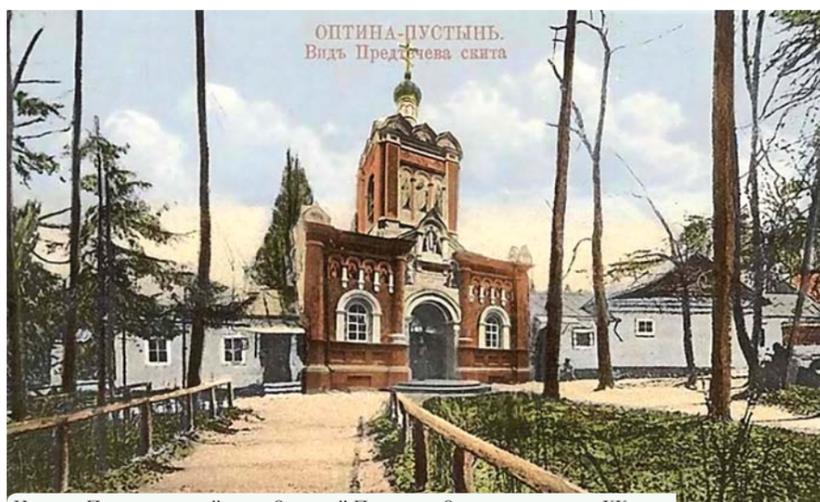
несколько нумизматических коллекций, металлический наконечник копья, сабли, турецкий ятаган, старый бердыш и другое старинное оружие. Подшивки старых газет и журналов, предметы, найденные в 1950-х гг. при археологических раскопках Т. Н. Никольской Дешевского городища.

В 1969 г. усилиями Сорокина в скиту Оптиной Пустыни был открыт литературно-исторический отдел Козельского краеведческого музея, включивший в себя несколько зданий, в которых были размещены экспозиции, посвящённые Л. Н. Толстому, Ф. М. Достоевскому, Н. В. Гоголю и другим деятелям культуры, посещавшим Оптину Пустынь. Последняя

реэкспозиция музейного комплекса в скиту была сделана в 1989 г.

Появление в скиту музея стало, по сути, первым шагом к возрождению культурного и духовного очага России — Оптиной Пустыни. Посетивший эти места 22 июля 1978 г. известный писатель Владимир Алексеевич Солоухин, описав в очерке «Время собирать камни» увиденные им «обломки» Оптиной Пустыни, отметил, что «скит и всё в скиту уцелело в большей целости и сохранности, нежели в основном монастыре. Полкилометра расстояния от Оптиной, меньшая капитальность и крепость скита, в особенности наружной стены (но и других построек тоже), косвенно помогли ему уцелеть, и разрушительная волна прокатилась как бы над ним. Так ураган может сломать дуб и не тронуть ивовый куст.

Хотя главная церковь скита — церковь Иоанна Предтечи — тоже без купола и креста, хотя в домике старца живёт какой-то посторонний человек, который пробивает там стены, меняет и перестраивает всё как ему заблагорассудится (а могла бы размещаться музейная экспозиция), хотя ни о каких цветниках сейчас нет и речи, — всё же надо сказать, что скит находится в счастливой сохранности. Цел и в хорошем состоянии дом, где останавливался Гоголь. Цел и даже отреставрирован домик Достоевского. Цело здание, в котором размещалась оптинская библиотека.

Иоанно-Предтеченский скит Оптиной Пустыни. Открытка начала XX в.

Цел — повторю, — хотя и занят посторонним человеком, домик, где жили старцы. Цела, наконец, стена. Цела и тишина вокруг, целы сосны, обступившие скит со всех сторон».

В 2005 г., спустя 86 лет после создания музея в Оптиной Пустыни, литературно-исторический отдел Козельского краеведческого музея, выполнив свою историческую миссию, покинул скит, передав его населенникам возрождённого монастыря.

До 2006 г. Козельский краеведческий музей находился в Козельске, в бывшем Доме пионеров, а затем переехал в дом, принадлежавший в XIX в. купцам Цыплаковым. В 2006 г. в новом здании музея состоялось торжественное открытие диорамы художника Н. А. Ращектаева «Оборона Козельска 1238 года», которую в последующее время дополнили другие экспозиции, рассказывающие о природе, археологии, истории и культуре Козельской земли. В 2016 г. Козельский краеведческий музей был переименован в «Музейно-краеведческий центр «Дом Цыплаковых» Калужского объединённого музея-заповедника.

В память 780-летия Героической обороны Козельска в 1238 г. в музее, при поддержке Президентского гранта, была открыта новая экспозиция, основанная на результатах археологических исследований. Целенаправленные раскопки древнерусского Козельска проводились в 2010–2018 гг. при непосредственном участии музея-заповедника. В ходе работ удалось получить археологические материалы, убедительно доказывающие локализацию Козельска эпохи монгольского нашествия в историческом центре современного Козельска. В экспозиции представлены предметы вооружения, ремесла и быта героической эпохи. На основе археологических исследований был создан макет крепости, изображающий наиболее драматический момент героической обороны города.

Оглядываясь назад, можно констатировать, что музей в Козельске за свою столетнюю историю не только сохранял культурные ценности, но и способствовал увековечиванию памяти о происходивших в Козельске событиях, оставивших значимый след в истории и культуре страны, а также сохранению и возрождению объектов культурного наследия, главным из которых стала Оптина Пустынь. ■

Здание Козельского краеведческого музея

Фрагмент экспозиции Козельского краеведческого музея

В одном из залов Козельского краеведческого музея

СЫН РОССИИ — ГРАЖДАНИН МИРА

Антон Мясников,

*заведующий отделом научно-экспозиционной и выставочной деятельности
Государственного музея истории космонавтики им. К. Э. Циолковского,
кандидат исторических наук*

9 марта исполнилось 85 лет со дня рождения первого космонавта планеты Юрия Алексеевича Гагарина.

12 апреля 1961 года он увидел Землю из космоса, совершив первый легендарный полёт в космическое пространство, что стало одним из величайших событий в истории человечества.

Осуществились дерзновенные мечты К. Э. Циолковского, С. П. Королёва и многих поколений людей, стремившихся проникнуть в неизвестное. Полёт Ю. А. Гагарина стал триумфом отечественной науки и техники, открыл эпоху освоения человеком ранее неизведанных и поражающих своими масштабами космических пространств.

Весть о первом космическом полёте мир принял с восторгом. Все жители планеты, разделённые границами и океанами, языками и обычаями, в эти дни думали и говорили только об одном. Уже в апреле 1961 года Ю. А. Гагарин отправился в зарубежную поездку. «Миссия мира» первого космонавта по странам и континентам продолжалась два года. Встретиться с ним считали за честь не только обычные люди, но и президенты, политические деятели, учёные, артисты и музыканты. Улыбка Ю. А. Гагарина стала символом нашей страны.

Сразу же после полёта в космос более 80 стран и многие города нашей страны пригласили Ю. А. Гагарина в гости. Среди них был и наш город — Калуга...

На самом деле на карте России не так уж много мест, где считают Ю. А. Гагарина своим, — село Клушино, в котором он родился, школа в Гжатске, Люберецкое ремесленное училище, Саратовский индустриальный техникум, авиационный клуб, Оренбургское военное училище, Звёздный городок, Байконур... И, конечно, Калуга, которая стала одним из первых городов, который посетил Гагарин после исторического полёта!

В своей книге «Дорога к звёздам» Юрий Алексеевич Гагарин написал: «Ещё в космосе я решил обязательно побывать в старинном русском городе Калуге — колыбели теории межзвёздных полётов. И случай этот быстро представился — калужане пригласили на закладку нового музея своего знаменитого земляка К. Э. Циолковского».

13 июня 1961 года самолёт, на борту которого был первый космонавт планеты, приземлился на небольшом военном аэродроме в Орешково, недалеко

от Воротынска и пересел на правительственную машину ЗИС-110. По воспоминаниям очевидцев, дальнейший путь в Калугу продлился чуть больше ожидаемого: по дороге рядом с санаторием «Калуга-Бор» автомобиль остановили дети. Увидев ребятшек на костылях, Гагарин неожиданно попросил водителя остановиться и вышел из машины. Радость детей была безмерной, они облепили Гагарина со всех сторон, а одна из девочек вручила ему букет полевых цветов.

Первой остановкой в Калуге стал парк имени К. Э. Циолковского, где Ю. А. Гагарин возложил венок на могилу Циолковского. По пути следования Гагарина встречали толпы восхищённых калужан. Горожане сидели на заборах, крышах, чтобы увидеть героя.

Затем на пустовавшей в то время территории, на которой сейчас расположен Государственный музей истории космонавтики им. К. Э. Циолковского, состоялась символическая

закладка первого камня в фундамент его будущего здания.

Ю. А. Гагарин взял в руки мастерок и сказал: «При закладке любого здания в старину под фундамент клали золотой, чтобы постройка прожила века». Окружающие тут же стали доставать пятаки и предлагать Юрию Алексеевичу, но он не взял ни у кого. Достал из правого внутреннего кармана кителя кошелек, вытащил свой пятак, монету под цвет золота, подержал на ладони, подбросил её, поймал и кинул пятак под первый кирпич. Через несколько минут вырос маленький кирпичный столбик.

Была укреплена памятная доска с выбитыми по граниту буквами: «Здесь будет сооружен музей К. Э. Циолковского. Первый камень будущего музея заложен 13 июня 1961 года летчиком-космонавтом, Героем Советского Союза, почётным гражданином города Калуги — Ю. А. Гагариным».

Летчик-космонавт СССР Ю. А. Гагарин прибывает на аэродром в Орешково. Калужская область, с. Ворытыск, 13 июня 1961 г.

Встреча летчика-космонавта СССР Ю. А. Гагарина на аэродроме в Орешково

Почти уже 60 лет хранятся в фондах Государственного музея истории космонавтики им. К. Э. Циолковского эти предметы, ставшие бесценными музейными реликвиями, свидетелями одной из лучших страниц в истории Калужского края, написанной при участии земляков великого Циолковского: мастерок, которым Гагарин работал, памятная доска и пятикопеечная монета 1961 года выпуска.

Кульминацией первого визита Ю. А. Гагарина в Калугу стал многотысячный митинг на площади Ленина, на который собрался весь город.

Можно с абсолютной уверенностью утверждать, что ни до, ни после этого исторического события площадь не видела столько народа, не превращалась в людское море. С трибуны Гагарин произнёс: «Калужане, поберегите детей. Ради них мы всё делаем и живём. А космонавтов вы увидите здесь много. Так что, я думаю, вам здесь часто и много придётся собираться для того, чтобы приветствовать очередных космонавтов, которые будут возвращаться из космоса. А я думаю, они обязательно будут посещать Калугу и большой хороший музей Циолковского». Затем ему вручили диплом почётного гражданина города и памятные подарки.

Программа посещения Калуги предусматривала и знакомство первого космонавта с Домом-музеем К. Э. Циолковского. Но Ю. А. Гагарину необходимо было срочно возвращаться в Москву, и в музей ему попасть не удалось. На обратном пути в аэропорт машина на минуту подъехала к дому, где располагался музей. «Я обязательно приеду сюда снова, чтобы побывать в первой космической лаборатории», — сказал космонавт. Потом добавил: «А подарок для музея вам скоро передадут». Подарок прибыл в Калугу в канун 25-летия Дома-музея. Это были настольные часы «Космос». Оказывается, вскоре после посещения Калуги Юрий Алексеевич заказал их на Сердобском часовом заводе в дар музею. Часы были красивы и изящны. Вокруг светлого циферблата описывал круг маленький космический корабль «Восток». Внизу была надпись: «Дому-музею К. Э. Циолковского от летчика-космонавта Ю. А. Гагарина. 13 июня 1961 г.».

Новая встреча первого космонавта с Калугой произошла 55 лет назад — 24 мая 1964 года. Тогда Юрий Алексеевич Гагарин вместе с женой Валентиной Ивановной и друзьями приехал с неофициальным визитом, чтобы в спокойной обстановке познакомиться с памятными местами, связанными с К. Э. Циолковским, а также встретиться с Марией Константиновной, дочерью великого учёного.

В первую очередь Ю. А. Гагарин побывал в доме № 1 на улице Циолковского, где жила Мария Константиновна. Он с волнением осмотрел комнату Циолковского, аккуратно брал со стола его брошюры, книги по космонавтике, фотографии с автографами космонавтов, присланные дочери учёного или подаренные лично.

Калужане приветствуют Ю. А. Гагарина на улицах Калуги. Калуга, 13 июня 1961 г.

Ю. А. Гагарин возлагает цветы на могилу К. Э. Циолковского. Калуга, 13 июня 1961 г.

Ю. А. Гагарин закладывает первый камень в фундамент здания будущего Государственного музея истории космонавтики имени К.Э. Циолковского. Калуга, 13 июня 1961 г.

Мария Константиновна была тяжело больна, практически не поднималась с постели, но приезд Юрия Алексеевича её обрадовал. Они долго беседовали о Циолковском, об осуществлении его идей в настоящем и будущем. Мария Константиновна, в свою очередь, расспрашивала космонавта о его многочисленных поездках и встречах. Прощаясь, Ю. А. Гагарин подарил дочери учёного свою книгу «Дорога в космос», сделав тёплую дарственную надпись.

После дома Циолковских Ю. А. Гагарин посетил стройплощадку, где началось возведение нового Музея К.Э. Циолковского (так тогда именовался будущий Государственный музей истории космонавтики).

Побывав на стройке, космонавт отправился в Мемориальный дом-музей К.Э. Циолковского. По его просьбе машина остановилась на квартал выше — гостям захотелось пройти пешком по улице, по которой много лет ходил Циолковский.

Затем Ю. А. Гагарин осмотрел экспозицию музея, с особым волнением поднялся по знаменитой лестнице в светёлку, в кабинет учёного. Он остановился у кресла Циолковского, чуть облокотившись на его спинку, и внимательно слушал рассказ о жизни учёного. Особенно потрясла и удивила первого космонавта скромность, простота и рациональность обстановки. Произвела впечатление на Гагарина и мастерская учёного. Увидев самодельную полку с инструментами, он сказал: «Как у моего отца, только инструмента побольше».

После экскурсии Юрий Алексеевич сделал запись в книге посетителей музея: «С большим волнением побывал в доме, где жил и творил Константин Эдуардович. Его светлые мысли, предвидения, научные открытия сбылись в наши дни. Очень счастлив, что мне

Мастерок, который использовал Ю. А. Гагарин при закладке символического камня в основание здания Государственного музея истории космонавтики им. К.Э. Циолковского 13 июня 1961 г.

Ю. А. Гагарин у памятной плиты на месте закладки первого камня в фундамент здания будущего Государственного музея истории космонавтики имени К.Э. Циолковского. Калуга, 13 июня 1961 г.

Ю. А. Гагарин выступает перед калужанами на площади им. В. И. Ленина. Калуга, 13 июня 1961 г.

Ю. А. Гагарин приветствует калужан — участников митинга на площади им. В. И. Ленина. Калуга, 13 июня 1961 г.

Настольные часы «Космос», подаренные Ю. А. Гагариным Дому-музею К. Э. Циолковского

Ю. А. Гагарин с Марией Константиновной, дочерью К. Э. Циолковского. Калуга, 24 мая 1964 г.

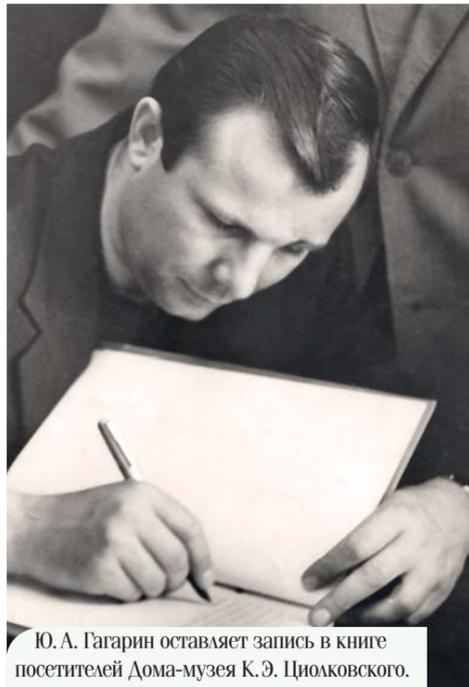
первому удалось осуществить мечту Циолковского, завершить труд многих тысяч людей, готовивших первый полёт человека в космос». В это время начали бить настенные часы К. Э. Циолковского. Гагарин поднял голову и увидел на столе, прямо под часами учёного настольные часы «Космос», подаренные им музеем три года назад. Космонавт был растроган и уже к законченной записи в книге неожиданно добавил ещё одну фразу: «Для нас, космонавтов, пророческие слова Циолковского о покорении космоса всегда будут программными, всегда будут звать вперёд».

В конце мая 1966 года Ю. А. Гагарин не только в третий раз посетил Калугу, но и несколько городов Калужской области. В качестве кандидата в депутаты Верховного Совета СССР от Совета Национальностей по Смоленскому избирательному округу он побывал в Обнинске, Кирове Людинове. На официальных встречах с кандидатом в депутаты в районных городах нашей области присутствовали представители многих ближайших посёлков и деревень. Можно утверждать, что в этот приезд Ю. А. Гагарина встречала уже вся область. 31 мая Ю. А. Гагарин выступил в Калужском областном драматическом театре, посетил стройку Государственного музея истории космонавтики и побеседовал с его строителями. Кроме того, Калужский край неоднократно становился и местом отдыха Юрия Алексеевича: сюда он с друзьями приезжал охотиться.

Своё отношение к Калуге Гагарин высказал в ответе на вопрос «нравится ли ему Калуга как таковая, без привязки к имени Циолковского»: «Да, я люблю

Ю. А. Гагарин осматривает экспозицию кабинета К. Э. Циолковского в Доме-музее учёного. Калуга, 24 мая 1964 г.

Ю. А. Гагарин оставляет запись в книге посетителей Дома-музея К. Э. Циолковского. Калуга, 25 мая 1964 г.

С большими удовольствиями я посетил
 любими в доме, где мне и поговорил
 Константином Эдуардовичем.
 Его светлые мысли, предвидения, научные
 открытия сбываются в наши дни.
 Очень приятно, что мне самому удалось
 осуществить мечту Циолковского, завершить
 труд многих тысяч людей, полетевших
 первый полёт человека в космос.
 Для нас, космонавтов, дорогие слова
 Циолковского об освоении космоса всегда
 будут программными, всегда будут звать
 вперед.

Гагарин
 24.5.64г.

Запись Ю. А. Гагарина в книге посетителей Дома-музея К. Э. Циолковского

небольшие русские города, я ведь сам из Гжатска. Он тоже уютный, зелёный и очень русский».

Можно понять душевное, трепетное отношение калужан к первому космонавту планеты, как и особое ощущение сопричастности к историческому событию 12 апреля 1961 года. Ведь

именно Юрий Алексеевич Гагарин своим полётом впервые подтвердил правоту идей и пророчество их великого земляка К. Э. Циолковского.

Государственный музей истории космонавтики им. К. Э. Циолковского бережно хранит память о событиях тех дней, продолжает передавать

из поколения в поколение неподвластное времени ощущение сопричастности к величайшему событию в истории нашей страны, а также чувство гордости за её славные достижения.

К 85-летию со дня рождения первого космонавта планеты музей подготовил выставочный проект «СЫН РОССИИ — ГРАЖДАНИН МИРА». В экспозиции выставки представлены многие музейные реликвии, связанные с визитами Ю. А. Гагарина в Калугу, а также личные вещи, в том числе подарки, привезённые из разных стран, документы и фотографии из собрания Государственного музея истории космонавтики имени К. Э. Циолковского, а также СОГБУК «Музей Ю. А. Гагарина» (г. Гагарин).

Подобные выставочные проекты, отражающие эпохальные события в освоении космоса, посвящённые выдающимся деятелям отечественной космонавтики, в наибольшей степени способствуют реализации культурно-образовательного потенциала музея, позволяют расширить возможности образовательных стандартов. Через пробуждение живого интереса к отечественной космонавтике и истории родного края происходит активное вовлечение молодёжи в образовательные, экономические, политические и социальные процессы, патриотическое, нравственное, и эстетическое воспитание новых поколений. ■

Ю. А. Гагарин среди рабочих у строящегося здания Государственного музея истории космонавтики имени К. Э. Циолковского. Калуга, 31 мая 1966 г.

Выставка к 85-летию со дня рождения Ю. А. Гагарина «СЫН РОССИИ — ГРАЖДАНИН МИРА» в Государственном музее истории космонавтики имени К. Э. Циолковского

ФОТОАЛБОМ

ДОМ ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ПОБЕДОНОСЦА ГЕОРГИЯ В РОССИИ, ИЛИ МЕЩОВСКАЯ ГЕОРГИЯ

Малый древний городок Мещовск в центре Калужской губернии так, быть может, и оставался по сию пору в неизвестности, кабы не ряд веских обстоятельств исторической значимости: отсюда родом две русских царицы из Дома Романовых — Евдокия Лукьяновна Стрешнева и Евдокия Илларионовна Лопухина. И нахождение здесь Свято-Георгиевского монастыря, имеющего широкую известность не только в любезном Отечестве, но и далеко за его пределами. Он устроен в XVII в. как раз Евдокией Стрешневой, супругой Михаила Фёдоровича, первого государя из Романовых. Первоначально монастырь основан в конце XV в. в 26,5 км от Мещовска на пустынном берегу реки Рессы. После литовского разорения в годы Великой Смуты обитель, любимая боярами Стрешневыми, была разрушена и восстанавливать её на прежнем месте оказалось делом небезопасным.

Осыпанная монаршими милостями, обитель на новом месте росла и хорошела. На её территории за алтарём древнего собора похоронены родители Евдокии Стрешневой. Сам монастырь является пантеоном династии Романовых по женской линии, с родовым некрополем Стрешневых. Благодаря вкладам знатных благотворителей, приближённых к царскому двору, Мещовская Георгия была хорошо благоустроена. До 1727 г. имела даже три приписных монастыря: Мещовский Дорогощанский, Серпейский Городеченский и Юхновский Казанский.

Полный разрыв супружеских отношений Петра Великого и его первой жены Евдокии Лопухиной, а затем

Екатерининская реформа горестно отзывались на существовании Георгиевского монастыря: приём новых насельников был запрещён, в 1764 г. у него были отобраны все земли и он переведён в разряд заштатных. Только милостью Божией обитель уцелела, не исчезнув совсем, не превратившись в приход, как соседняя Ферапонтова пустынь, братия которой была переведена в Мещовск.

Возрождаться монастырь начал в XIX в. К началу XX-го здесь уже возвышались два каменных собора: пятиглавый, в честь апостолов Петра и Павла, построенный в византийском стиле в 1880-х гг., и двухэтажный в честь Рождества Пресвятой Богородицы с колокольней, освящённый в 1691 г., а также часовня, где находилась гробница местночтимого святого Христа ради юродивого блаженного Андрея Мещовского. Монастырь был обнесён каменными стенами с башнями по углам. В течение 72 лет на протяжении XIX в. в монастыре действовало духовное училище для детей священнослужителей. У стен обители не один век в Петров пост шумела знаменитая Петровская ярмарка.

Благодаря тому, что настоятели Мещовской Георгии часто назначались из братии Оптиной пустыни, монастырь стал возрастать духовно. К великой Христовой славе обитель вели духоносные отцы, такие как схиархимандрит Никодим (Демутье), ставший затем настоятелем Малоярославецкого Черноостровского Никольского монастыря, игумен Агапит (Беловидов), видный духовный писатель, составитель жизнеописания преп. Амвросия Оптинского, иеромонах Иларий, пришедший сюда по его

Мещовская Георгиевская обитель. Фото XIX века

Царь Михаил Фёдорович и царица Евдокия. Восковые фигуры в музейно-краеведческом комплексе «Музей трёх цариц»

Так выглядел монастырь во времена запустения

благословию со словами о Мещовской обители: «Там твой Валаам и Афон, там ты нужен». В свою очередь, постриженники Георгиевского монастыря были строителями в других обителях.

С 2001 г. Мещовская Георгия переживает свой третий ренессанс после атеистической разрухи. Четверо бывших её настоятелей прославлены в лике новомучеников и исповедников Церкви Русской: преподобноисповедник Георгий Даниловский и Мещовский, священномученики Феоген (Козырев) и Иоанникий (Дмитриев), преподобномученик Пантелеимон (Аржаных). Восстановление обители сегодня ведёт архимандрит Георгий (Евдачёв) с братией. За 17 лет восстановлены Петропавловский собор, крепостные стены, Андреевская часовня, возведён новый однокупольный храм в честь прп. исп. Георгия Даниловского и Мещовского, ведётся восстановление древнего собора, построены братский корпус и дома для насельников, лазарет с домовым больничным храмом в честь вмч. и целителя Пантелеимона, паломническая гостиница, молочный, мыльный цеха и мини-пекарня, обустроены скотный двор с конюшней и контактный зоопарк. В старинном здании духовного училища в центре Мещовска с 2006 г. действует духовно-просветительский центр «Воспитание». Монастырь имеет 260 га пахотной земли, на которой выращивает элитные сорта пшеницы. Для желающих подвизаться в уединении устроено несколько братских скитов. На протяжении четырёх лет ведётся строительство комплекса Дома милосердия в честь афонской иконы Божией Матери «Геронтисса».

Двенадцать лет назад Георгиевский монастырь и Мещовский район, отстояв свою историческую самобытность и целостность территории, учредил международную научно-практическую конференцию «У истоков российской государственности», благодаря чему Мещовск сегодня на слуху. Монастырь — один из немногих — достойно, на высоком духовном уровне отметил 400-летие Императорского Дома Романовых и 900-летие мученической кончины преподобного священномученика Кукши Киево-Печерского, апостола вятичей, с восстановлением широкого почитания его памяти на Калужской земле, что помогло приумножить добрую славу земле Мещовской.

Более всего наша Георгия привлекает паломников и туристов обилием святынь. Назовём наиболее значимые: мироточивый Голгофский Крест, шип от тернового венца Спасителя, кресты-мошевики, списки чудотворных икон Божией Матери — Феодоровская, Керкирская, или Корцирская, с частицей ризы Богородицы, «Спорительница хлебов» времён Амвросия Оптинского, афонских «Достойно есть» и «Геронтисса», «Неувядаемый цвет» (келейная икона патриарха Алексия II), «Калужская», икона Николая Чудотворца с частицей мощей, точная копия чудотворной иконы Георгия Победоносца, именуемая «Фануилевская», гробница с большой частицей мощей Георгия Победоносца — за всё время своего

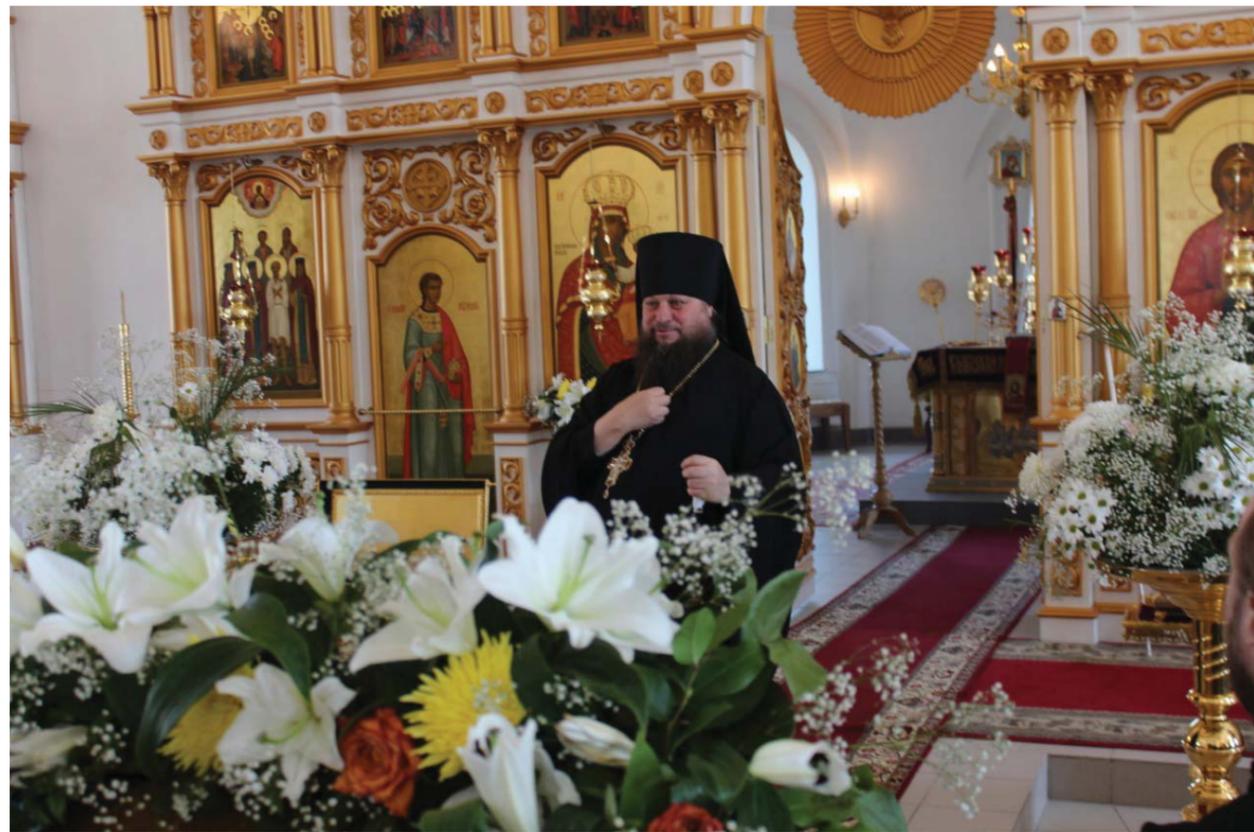
существования монастырь был и остаётся хранителем самой большой частицы мощей великомученика в России. Наибольшим почитанием у паломников в Георгиевском монастыре пользуются частицы мощей десницы Крестителя Спасова Иоанна, мучениц Веры, Надежды, Любви, праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы, святителей Спиридона Тримифунтского и Григория Паламы, мучеников Трифона, Вонифатия, великомучеников целителя Пантелеимона и Варвары, преподобных Киево-Печерских и Саввы Освящённого, равноапостольных Марии Магдалины и князя Владимира, глава Вифлеемского младенца и обретенные в 2011 г. мощи блаженного Андрея Мещовского.

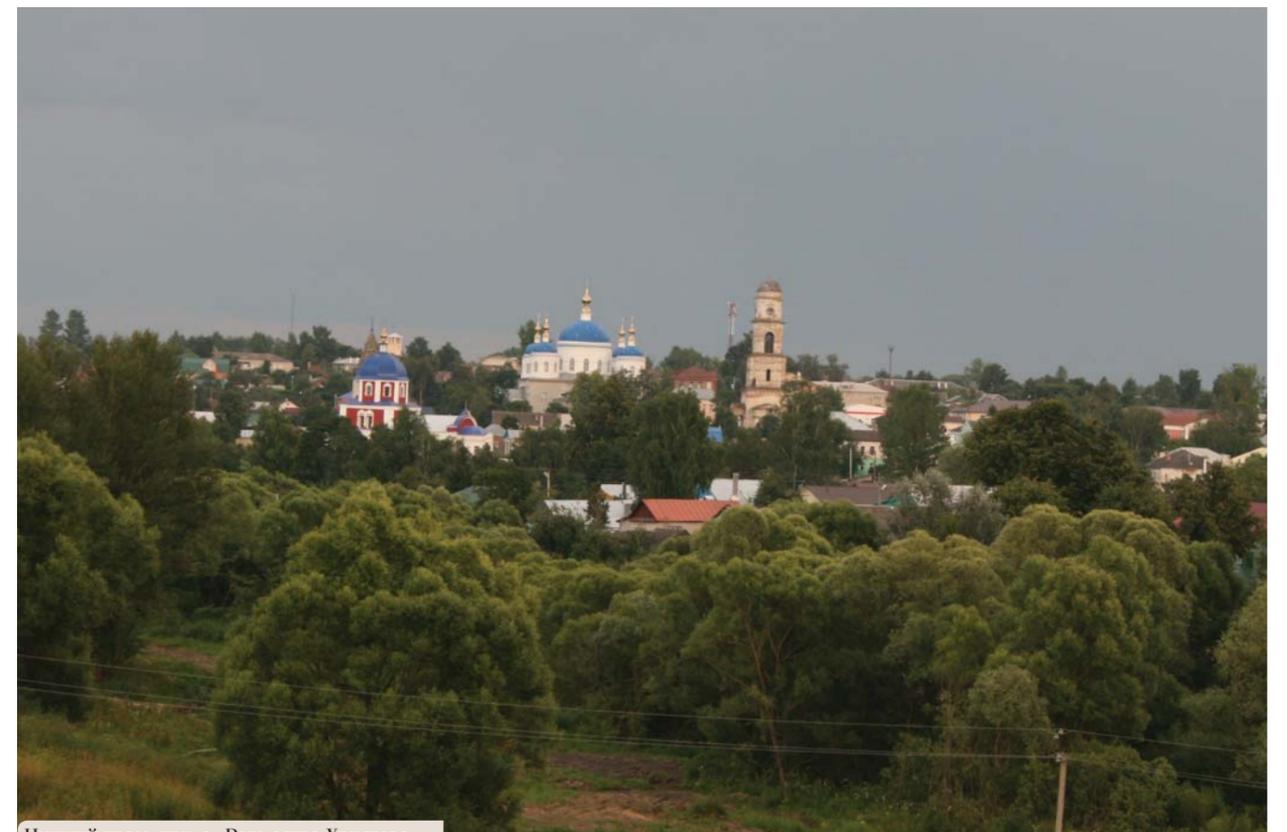
Несколько месяцев назад в обители появилась ещё одна икона, написанная духовником скита праведной Анны на Святой Горе Афон папой Иоаннисом: святой образ великомученика Димитрия Солунского (покровителя православного воинства, губернаторов, помощника в разного рода опасностях и имеющего особую благодать исцелять от глазных болезней) и частица мощей святого. Папа Иоаннис написал всего три иконы для Георгиевского монастыря, в том числе великомученика Георгия Победоносца, теперь это главная святыня обители, и Божией Матери «Геронтисса» для строящегося комплекса Дома милосердия по уходу за престарелыми. ❏

Нижний храм, придел Рождества Христова

